

ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



**III ЛАПИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**  
**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ**  
**И ЕЕ РЕГИОНОВ**

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ**



ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



## **СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции  
с международным участием III Лапинские чтения  
(г. Москва, г. Вологда, 21–22 октября 2024 г.)*

Вологда  
2025

УДК 316.42(2Рос)  
ББК 71.4:60.59(470)  
С69

*Публикуется по решению Ученого совета ВолНЦ РАН.*

*Редакционная коллегия:*

А. А. Шабунова – д.э.н., директор ФГБУН ВолНЦ РАН;  
О. Н. Калачикова – к.э.н., зам. директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН;  
М. А. Груздева – к.э.н., зав. центром ФГБУН ВолНЦ РАН;  
О. В. Третьякова – к.ф.н., зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН.

**С69 Социокультурная эволюция России и ее регионов** : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием III Лапинские чтения (г. Москва, г. Вологда, 21–22 октября 2024 г.) / Вологодский научный центр РАН ; под ред. А. А. Шабуновой [и др.]. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2025. – 129 с. ; ил., табл. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный.  
ISBN 978-5-93299-629-4

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием III Лапинские чтения «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Ее цель состояла в обмене результатами исследований по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Мероприятие продолжило череду научных встреч по программе и было посвящено памяти бессменного научного руководителя программы, руководителя Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, члена-корреспондента РАН, доктора философских наук Николая Ивановича Лапина.

Конференция состоялась 21 октября 2024 года в Москве в Институте философии РАН и 22 октября 2024 года в Вологде в Вологодском научном центре РАН. В ней приняли участие исследователи из институтов РАН и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья, философы, социологи, экономисты, демографы, юристы. Обсуждение вопросов конференции проходило в рамках пленарной сессии «Тренды и факторы современного социокультурного развития России и ее регионов» и двух сессий секционного заседания «Социокультурное развитие регионов России».

Материалы конференции будут полезны научным работникам, социологам, экономистам, учащимся и преподавателям высшей школы, государственным и муниципальным служащим, ответственным за развитие регионов и местных сообществ, а также всем интересующимся судьбами России и ее регионов сегодня и в ближайшем будущем.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции.

УДК 316.42(2Рос)  
ББК 71.4:60.59(470)

ISBN 978-5-93299-629-4

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025

# СОДЕРЖАНИЕ

## Пленарная сессия

### *Тренды и факторы современного социокультурного развития России и ее регионов*

<b>Беляева Л.А.</b> Фронтирные регионы: возможности общероссийского цивилизационного пути.....	6
<b>Веряскина В.П.</b> Аналитические подходы к проблеме цивилизационного развития России в XXI веке: новые вызовы и возможности.....	11
<b>Гранин Ю.Д.</b> Консервативно-либеральная идеология России как ответ на вызовы Запада.....	18
<b>Канарш Г.Ю.</b> Политический капитализм: опыт России и Китая	22
<b>Катерный И.В., Закиева Д.Э.</b> Эзотеризация общественного сознания в условиях кризисной социальности: кросскультурный анализ	26
<b>Когай Е.А.</b> Гражданские практики жителей региона в условиях современных вызовов	31
<b>Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В.</b> Финансовое поведение в парадигме человека и государства: есть ли между ними понимание?	37
<b>Сиземская И.Н.</b> Цивилизационные вызовы России в новых социально-политических условиях	42
<b>Шабунова А.А.</b> Социокультурные особенности и демографическое развитие региона	46

## Секция

### *Социокультурное развитие регионов России Сессия 1*

<b>Груздева М.А.</b> Методические наработки по оценке цифрового благополучия населения	51
<b>Косыгина К.Е.</b> Профиль потребителя услуг и перспективы развития культурно-досуговой сферы в регионе	56
<b>Маркова Ю.С., Соловьев Ю.С., Плотникова Е.Б.</b> Дифференциация ценностей женского образа жизни в России	61
<b>Муханова М.Н.</b> Состояние и развитие социальной инфраструктуры сельских поселений по федеральным округам	68
<b>Непомилуева М.А.</b> Эвристический потенциал теории социокультурной динамики П.А. Сорокина в анализе социокультурной ситуации метамодернизма	70
<b>Ракова К.В.</b> Чувство гордости за свою страну: россияне о достижениях современной России	75

<b>Черновицкая Ю.В.</b> Новые формы стратификации общества в техногенном мире	79
---	----

### **Секция**

#### *Социокультурное развитие регионов России Сессия 2*

<b>Адрианова Е.В., Давыденко В.А.</b> Социокультурный мониторинг Тюменской области: качество жизни	86
<b>Винокуров А.И., Винокуров А.А.</b> Социокультурный портрет исторического города как исследовательский проект гуманитарного сотрудничества вузов культуры и искусств	90
<b>Леонидова Г.В.</b> Качество трудового потенциала	95
<b>Мосин В.И.</b> Сравнение двух рейтингов – интрига и интерес!	102
<b>Немировский В.Г.</b> Факторы трансформации ценностных архетипов регионов России (2013–2024 гг.)	106
<b>Парахин А.С.</b> Российская цивилизация в геополитическом пространстве и ее миссия	110
<b>Плеханов Е.А.</b> Релоканты как новая социальная реальность	114
<b>Тарасов В.Т.</b> Этническое разнообразие регионов Приволжского федерального округа и их модернизационная гетерогенность	119
<b>Янцен М.А.</b> Аспекты телесности материнства в постконфликтной ситуации 1950-х и 1970-х годов в СССР	124

**ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ**

**«Тренды и факторы современного  
социокультурного развития России и ее регионов»**

## ФРОНТИРНЫЕ РЕГИОНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПУТИ<sup>1</sup>

**Аннотация.** В докладе рассмотрены проблемы низкого уровня вторичной модернизации регионов Северо-Кавказского федерального округа и возможности развития фронтальных регионов по единому для России цивилизационному пути. Проанализированы данные системы «Модернизация» и репрезентативных опросов населения России, регионов Северо-Запада и Юга страны в 2023 году.

**Ключевые слова:** фронтальный регион, модернизация, вторичная модернизация, цивилизационный путь России, права и свободы.

При всей остроте проблем современного периода взаимоотношений России со странами, недружественно настроенными по отношению к нашей стране, важной глобальной внутренней проблемой для России остается неравномерная модернизация регионов и федеральных округов. Можно зафиксировать взаимосвязь и взаимовлияние цивилизационной и модернизационной гетерогенности России: регионы с низким уровнем вторичной модернизации, особенно располагаемые вдали от Центра, составляют ареал территорий со сложным цивилизационным набором признаков. Этим можно объяснить уязвимость и риски этих регионов при новых глобальных вызовах для России.

В анализе дифференциации регионов России по уровню модернизации используются разные методики, в том числе косвенные, например, по уровню развития человеческого потенциала. Мы применяем методику ученого Чуаньци Хе из Академии наук Китая, непосредственно направленную на работу с показателями модернизационного развития. Н.И. Лапин представил разработку китайских ученых на русском языке, доработал ее с учетом специфики российской официальной статистики и применил ее для анализа российских регионов.

Напомним кратко основные положения методики. Она позволяет замерять три комплексных модернизационных состояния обществ на основе объективных показателей, представленных в международной официальной статистике. **Первичная модернизация** отражает переход к индустриальному обществу, для нее учитываются 4 сферы общества. Экономическую сферу представляют 4 индикатора, социальную – 4. Когнитивная сфера измеряется двумя индикаторами.

**Вторичная модернизация** определяется по индикаторам четырех сфер: инновации в знаниях (3 индикатора), трансляция знаний (4 индикатора), качество жизни (5 индикаторов), качество экономики (4 индикатора).

Интегрированный индекс рассчитывается как средняя индексов экономической, социальной и когнитивной сфер по группе выбранных индикаторов первичной и вторичной модернизации.

Индикаторы, рассчитанные для конкретных стран, сравниваются со стандартом, отражающим средние значения 20 развитых стран мира, показатели по которым являются ориентиром для стран, проводящих модернизацию, чтобы достигнуть вы-

<sup>1</sup> В докладе использованы материалы статьи «Вторичная модернизация в России и во фронтальном регионе: потенциал общего цивилизационного пути», подготовленной для журнала «Знание. Понимание. Умение».

сокого уровня экономического развития и качества жизни населения. С методикой конкретных расчетов индексов можно ознакомиться в публикациях Н.И. Лапина и монографиях ЦИСИ.

Использование этой методики позволяет китайским ученым выстраивать рейтинги стран мира по показателям первичной, вторичной и интегрированной модернизации. По данным за 2018 год, Россия относилась к странам, на 100% удовлетворяющим требованиям первичной модернизации и на 51,3% – вторичной модернизации; по этому показателю она занимает 37 место в мире. Интегрированная модернизация оценивалась для России в 61,2% (40 место среди 131 страны). Для сравнения: Китай в 2018 году на 100% соответствовал индикаторам первичной модернизации, но только на 45,4% – вторичной (48 место) и 47,6% – интегрированной (65 место).

Внимание к опыту Китая в проведении успешной модернизации (первое место в мире по ВВП) обусловлено тем, что многие социальные проблемы, с которыми столкнулся Китай на этом пути, являются столь же острыми и для России. Опыт Китая показал, что модернизация – это комплексный процесс и для успешного осуществления она должна охватывать все сферы общества, решая последовательно возникающие задачи, предвидя их заранее во всей противоречивости. Так, важнейшее достижение Китая состоит в том, что удалось победить абсолютную бедность в сельских районах и поднять благосостояние народа. Этот позитивный процесс имеет и негативную сторону, обостряя проблему справедливости. «Болезнь нищеты» почти излечена индустриализацией и модернизацией, но на смену ей пришла болезнь «быстрого обогащения». Переход к рыночной модели экономики приводит к тому, что усиливается расслоение общества по доходам, усугубляется конфликт интересов различных групп общества. Отдельные группы людей используют свои полномочия для собственного обогащения». Решение этой проблемы не менее остро стоит перед Россией, где продолжает углубляться материальное неравенство и требуется усиление мер социальной поддержки слабых групп населения.

Также следует остановиться на такой специфической задаче, стоящей и перед Россией, как культурная модернизация, которая в понимании китайских ученых трактуется весьма широко. Здесь сформулированы основные ориентиры культурной модернизации: преобразование традиционных ценностей в соответствии с потребностями модернизационного развития на социалистических принципах и формирование у населения инновационного мышления. По-прежнему большое внимание в развитии общества, в сохранении социальной стабильности играют традиционные для Китая взгляды на природу, человека и дух как нечто целое, объединенное сложной системой взаимосвязей, стремление к гармонии и единству. В современной России поиск устойчивых ориентиров единения российского общества, основанных на традиционных ценностях, при увеличении стимулов инновационного мышления и поведения, является важнейшей проблемой, особенно с учетом ситуации со вторичной модернизацией в стране. По данным вологодских ученых, к 2017 году в России уровень вторичной модернизации составил 78% (есть различия между этими данными и данными китайских ученых, о которых написано выше). При этом сохраняется и даже увеличивается дифференциация между федеральными округами – разрыв между максимальным и минимальным значениями этого показателя по округам возрос с 16,6 п.п. в 2000 году до 20,2 п.п. в 2017 году.

В большинстве федеральных округов имеются регионы с разным уровнем вторичной модернизации. На общем фоне выделяются два округа – Северо-Кавказ-

ский и Южный, которые имеют самые низкие индексы вторичной модернизации, причем внутри них нет регионов-лидеров, которые могли быть сопоставимы с другими продвинутыми в научно-технологическом отношении округами и которые могли бы «потянуть» за собой другие регионы. Рассмотрим Северо-Кавказский федеральный округ, который можно отнести к фронтальным регионам России. Его отличают полиэтничность, сложные межэтнические, языковые и религиозные отношения, разнообразие этнокультурных традиций, структура населения, обусловленная множеством хозяйственных укладов. Для населения фронтальных регионов характерна изменчивая, «ползучая» идентичность. Они могут позиционировать себя как представители этнических сообществ, считать себя членами религиозных общин, людьми, включенными в родовые, клановые отношения, сторонниками традиционных или современных модернизационных ценностей. Многообразие идентичностей и их подвижность говорят о принадлежности Северного Кавказа к фронтальным территориям.

Для этих территорий остается значимой и пока не решенной задача создания общности, «сплоченной общими чувствами идентичности, солидарности, связанными общими ценностями прошлого и настоящего, политически и социокультурно организованные (интегрированные) полиэтнические социумы, диалектически «снимающие» доминирующие ранее этнические формы социального бытия». С социально-антропологической точки зрения – это зона смешения и взаимодействия двух или более народностей, с социокультурной точки зрения – это территория, на которой формируется / не формируется новая общность. Происходит это на основе адаптации друг к другу представителей всех наличествующих на фронтире наций и народностей (с последующей ассимиляцией части из них) с их индивидуальными культурами и под влиянием всевозможных внешних факторов: природно-климатических, политических, экономических, религиозно-идеологических.

В современный период миграции русского населения из СКФО произошло реальное сокращение цивилизационного влияния России на регион. Были усилены позиции архаичных норм поведения и получили вынужденное распространение этнические хозяйственные уклады, криминальные формы бизнеса, обеспечивающие выживание местного населения в условиях сокращения промышленного производства и городского населения в части регионов. В округе самый высокий уровень безработицы и потенциал рабочей силы по сравнению с другими округами России. В 2022 году он составлял 12,8%, что в 2,5 раз выше среднего уровня по России. Самый высокий показатель в Ингушетии – 28,7%. В числе всех безработных округа лица в возрасте 20–29 и 30–39 лет составили 33,8 и 30,0% соответственно. Безработные с высшим образованием в общем числе безработных округа занимают 28%, со средним специальным – 27,3%. Максимальный показатель в Республике Северная Осетия – Алания, здесь 40% безработных имеют высшее образование и почти 37% – среднее специальное.

В СКФО существует противоречие между подготовкой профессиональных кадров и потребностями рынка труда, который не отвечает ориентациям молодежи на получение интересующей ее профессии с последующим трудоустройством. Актуальной остается проблема нарастающего противоречия между ростом формальных показателей образованности населения и резким снижением его качества, в том числе в результате функционирования образовательных структур, имитирующих образовательную деятельность. В результате формальные показатели образованно-

сти населения значительно разнятся с его качественными характеристиками. Свою лепту во фронтальный характер территории вносит колебание в образовательном статусе региона, который понижается в силу недостаточного регулирования рынка труда и утраты уровня модернизированности экономической сферы и социальной структуры. Можно предположить, что пока данный округ и его регионы останутся на периферии вторичной модернизации России с характерными чертами фронтальности. Отставание регионов со сложной национальной структурой, находящихся на фронтальных территориях, создает политические риски и этнонациональные напряжения, которые следует предотвращать до их обострения.

Выполненные нами в 2023 году Всероссийский мониторинг (проводится с 1990 года) и массовые опросы населения СКФО (вместе с Южным и Северо-Западными федеральными округами) показали довольно близкие мнения по большинству предложенных к оценкам проблем – всероссийского и местного характера. Сравнение базовых компонентов национального и общероссийского менталитета позволяет предполагать наличие общих черт массового сознания населения разных регионов страны, в том числе на территории фронтальных регионов, какими являются регионы СКФО, которое сложилось за десятилетия совместного проживания в одном государстве с единой системой образования, социальной инфраструктурой, системой социализации и доминирующей идеологией.

Близкие и часто совпадающие оценки касаются важности соблюдения прав и свобод человека, прежде всего в социально-экономической и правовой сферах жизни. Также близки показатели эмоциональной привязанности к месту рождения, жительства и стране в целом, восприятие населением цивилизационных путей развития России.

Для повышения уровня вторичной модернизации южных регионов необходимы следующие меры: преодоление острых форм этнической и религиозной напряженности, сокращение коррупции и nepотизма, ликвидация безработицы и нищеты. Большинство жителей России, в т.ч. южных и северных территорий, выбрали для страны самобытный путь развития и хотели бы жить именно в таком государстве. Это важный вопрос, который показал солидарность в восприятии населением цивилизационных путей развития России. При всех сложностях модернизационного развития и рисках межэтнических и межрелигиозных отношений во фронтальных регионах в массовом сознании населения существует солидарность со страной в оценках будущего России и своего места в общем цивилизационном процессе.

#### **Информация об авторе**

Беляева Людмила Александровна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; bela46@mail.ru)

Belyaeva L.A.

#### **FRONTLINE REGIONS: POSSIBILITIES OF THE ALL-RUSSIAN CIVILIZATIONAL PATH**

**Abstract.** *The report examines the problems of the low level of secondary modernization of the regions of the North Caucasus Federal District and the possibilities of developing frontier*

*regions along a single civilizational path for Russia. The data of the “Modernization” system and representative surveys of the population of Russia and the regions of the North-West and South of the country in 2023 are analyzed.*

**Keywords:** *frontier region, modernization, secondary modernization, civilizational path of Russia, rights and freedoms.*

#### **Information about the author**

Lyudmila A. Belyaeva (Russia, Moscow) – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher at the Center for the Study of Sociocultural Changes, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; bela46@mail.ru)

## **АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**

*Аннотация.* Актуальность выбора пути цивилизационного развития России в XXI веке связана с историческим изменением геополитического контекста в мире, влиянием на развитие новейших технологий и необходимостью завоевания и сохранения статуса одного из лидеров в складывающемся полицентричном мире. Мы обращаемся к аналитическим подходам, рассматривающим вызовы и ответы для России на разных уровнях: регионального, стратегического общероссийского развития и практических возможностей реализации бизнес-моделей. В итоге, обобщая материал аналитических подходов, мы отмечаем ключевые основы выбора цивилизационного развития России и роль человеческого потенциала в их реализации.

**Ключевые слова:** Россия, цивилизационное развитие, вызовы, аналитические подходы, человеческий потенциал.

Актуальность анализа перспектив развития России связана с изменившимся историческим и геополитическим контекстом. Выбор пути в новых геополитических условиях обусловлен противостоянием России и Запада, разрушением идеи гегемонистских претензий США в мире и становлением полицентричного мира. Возникает тенденция к ослаблению России на постсоветском пространстве, о чем свидетельствуют конфликт на Украине и специальная военная операция. В этих исторических условиях вопрос о выборе пути цивилизационного развития и его перспективах становится теоретически важным, аргументированным на разных уровнях анализа, в том числе и на эмпирическом уровне, и возможным для практической реализации.

В связи с этим мы обратимся к ряду аналитических подходов на различных уровнях, имеющих значение для выработки стратегий развития. Это проблемы развития регионов России с точки зрения Программы Целей развития тысячелетия (ЦРТ) и в контексте Докладов Программы развития ООН (ПР ООН) о человеческом развитии в Российской Федерации. Это аналитический и прогностический дискурс о вызовах и возможностях развития России, на основе складывающихся долгосрочных трендов и соответствующих этому стратегических рекомендациях; о новых бизнес-моделях, способствующих повышению эффективности производительных сил; о роли новейших технологий в условиях информационной цивилизации и цифрового образа жизни. Каждый из этих подходов на разных уровнях анализа вносит свое видение в понимание данной проблемы.

Обратимся к обозначенным подходам и отметим кратко их основные идеи и рекомендации. Первый из обозначенных подходов – анализ на региональном уровне – может иметь название «Такие разные России». Россия не только государство федеративное, разделенное по регионам и федеральным округам, но и многообразное в культурном отношении, полиэтничное, поликонфессиональное, неоднородное в языковом и ценностном плане. Проблема состоит в том, чтобы научиться управлять им, учитывая это многообразие, исторический и социокультурный контекст модернизации, соотнося с ним иерархию приоритетов и стратегических целей развития России. Движение России к постиндустриальному обществу, информацион-

ной цивилизации во многом зависит от качеств человека и его творческого потенциала как субъекта социального и технологического развития. Поэтому, по нашему мнению, персональная модернизация должна стать одним из определяющих приоритетов (Веряскина, 2013). Под персональной модернизацией мы понимаем взаимодействие человека с социальными институтами современности, нацеленное на востребованность его творческого потенциала и соответствие целям модернизации.

Введение в систему государственного регулирования целей и задач, поддающихся операционализации, не просто повышает эффективность госрасходов, но и становится стимулом для перестройки механизмов и институтов ответственного государства. Специальный Доклад ПР ООН «Регионы России: цели, проблемы, достижения», опирающийся на модификацию задач и показателей «Целей развития тысячелетия» (ЦРТ ООН), адаптированных к условиям России и ее регионов, может внести свой вклад в разработку перспектив цивилизационного развития России с учетом ее регионального измерения (Доклад..., 2007). Параметры этой программы могут быть подвергнуты операционализации и сопоставлены с другими странами, как и регионы друг с другом.

К числу ЦРТ относятся сокращение бедности и ликвидация голода, обеспечение доступности образования, обеспечение гендерного равенства, снижение материнской и детской смертности, борьба с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и другими заболеваниями, обеспечение экологической устойчивости и участие в глобальном сотрудничестве, отвечающем российским национальным интересам. Не трудно заметить, что подавляющее большинство этих целей связано с развитием человека, стимулированием человеческого потенциала, на основе которого формируется человеческий капитал как условие инновационного развития и решающий фактор производства в рыночной экономике. Вместе с этим одним из важнейших показателей является индекс человеческого развития (ИРЧП, впоследствии – ИРЧ). Для России характерна значительная региональная дифференциация ИРЧ. Не ставя под вопрос единство России в целом, необходимо отметить, что по данному показателю российские регионы можно разделить на три основные группы. Первая группа – это регионы с высоким уровнем ИРЧП: Москва, Тюменская область с автономными округами, Санкт-Петербург и Татарстан. Вторая группа представлена слабейшими округами: Тува, Ингушетия, Еврейская автономная область. Третья группа объединяет большую группу регионов с показателями ИРЧП ниже среднероссийского. К данной группе относятся 2/3 населения страны (Доклад..., 2007). Среднестатистический общероссийский показатель складывается из трех базовых значений: доходы на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) и уровень грамотности. В данном докладе он составляет 0,781 (1 = 100%). В последних докладах о человеческом развитии за 2021–2022 гг. этот индекс составил 0,822; в мировом рейтинге стран Россия заняла 52 место, в докладе за 2023–2024 гг. – 56 (ИРЧ = 0,881) (Доклад..., 2021–2022; Доклад..., 2023–2024).

В результате исследование «Регионы России: цели, проблемы, достижения...» показало, что для лидеров и отстающих приоритеты не могут быть одинаковыми, даже при том, что актуальность задач, сформулированных в рамках ЦРТ, подтверждена для всей России. Более благоприятные регионы могут и должны обращать внимание на вопросы интеграции нуждающихся лиц, лиц с особыми потребностями, на поиск

сравнительных преимуществ своей экономики, которые сделают более устойчивыми региональные рынки труда, на снижение сверхсмертности, на развитие превентивных программ здравоохранения и программ, стимулирующих развитие на местном уровне, создание новых форм занятости (Доклад..., 2007).

Что касается «отстающих» регионов, то вряд ли целесообразно вести речь о вложениях в социальную инфраструктуру. На первый план выходят экономическая реструктуризация и поиск новых направлений роста, содействие переобучению, повышение квалификации трудоспособного и занятого населения, а также борьба с социально значимыми заболеваниями, истощающими человеческий потенциал. Важный итог заключается также в том, что выводы и рекомендации сформулированы не абстрактно, не по шаблонному подходу, а конкретно. Национальные проекты в регионах не могут реализовываться под копирку, это снижает их ответственность за собственное развитие. При этом важно подчеркнуть, что все принимаемые меры могут быть эффективны при условии, что они согласуются с государственной политикой России. Поэтому стратегические рекомендации для развития России в современном историческом контексте и прогнозы развития на более отдаленную перспективу имеют принципиальное значение.

При этом важно отметить многолетние исследования вопросов регионального развития коллективом ученых Института философии РАН и ученых ФГБУН ВолНИЦ РАН, которые внесли значительный вклад в эту проблематику как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне (Проблемы..., 2013; Атлас..., 2016; Лапин, 2021; Социокультурная эволюция..., 2022). При всей важности исследования и решения проблем на региональном уровне важными являются определение и понимание вызовов и приоритетов развития России в мире, которые должны коррелироваться с региональными особенностями и перспективами развития.

#### *Стратегическая направленность развития России*

Новая модель роста и развития во многом связана с особенностями прогрессивных технологий и возросшей ролью инноваций во всех сферах жизни: «Перспектива оказаться на обочине глобальной инновационной перестройки является сегодня для России главным вызовом, требующим собственной стратегии прорыва в ряды глобальных лидеров» (Мир 2035, 2017, с. 328). Это главный риск для нашей страны на ближайшие 20 лет, так как России пока не удалось в силу слабости экономики и технологий войти в группу мировых лидеров, и поэтому остается риск остаться на полупериферии мирового развития. В связи с этим в России необходимо использовать в качестве фундамента форму общественного договора, в контексте которого ответственное развитие и приоритет интеллектуальных источников инноваций станут определяющими. При этом осознание собственной идентичности и глобальной ответственности – важнейшие императивы.

Во всех сферах социального развития формируются новые вызовы. В сфере идей в соответствии с новейшими технологиями возрастает роль «мягкой» или «умной» силы. В контексте сетевой революции субъекты влияния должны создать конкурентную и привлекательную систему ценностей и использовать идеологию, способную внушать не страх, а симпатию и ощущение комфортного сосуществования. Это один из важнейших вызовов для России на долгосрочную перспективу. В сфере инноваций вызовы связаны с недостаточным использованием инновационных прорывов как ключевого фактора лидерства, а также риском нарастания цифрового неравенства, утечки мозгов и талантов. В экономике формируется ряд

вызовов: необходимость технологического перевооружения в пользу капиталоемких ресурсосберегающих технологий; ориентация на качественные показатели экономического роста; снижение конкурентности российской экономики в условиях старения населения; продолжающийся отток высококачественного человеческого капитала за границу; неизбирательная миграционная политика. В социальной сфере важнейшим вызовом для России остаются проблемы структурного характера. Их успешное решение возможно, когда взамен устаревших, неконкурентоспособных производств государство и бизнес будут в состоянии предложить достаточное количество новых рабочих мест и при этом будет достаточно работников, готовых эти рабочие места занять. Задача создания новых рабочих мест имеет стратегический и долгосрочный характер. Низкая трудоемкость высокотехнологичной экономики при спросе населения создает угрозу серьезного роста незанятости в условиях инновационной экономики и порождает ряд управленческих вызовов, которым можно эффективно противостоять при наличии стратегического плана развития экономики, в том числе и для регионов России. Нужно отметить, что на эту ситуацию обращали внимание социологи, проводившие исследования прекариата в России (От прекарной занятости..., 2022). Для решения задачи подготовки специалистов, способных к работе в условиях инновационной экономики, необходимы изменения в системе образования и ориентация молодежи на работу в отраслях, способствующих модернизации, таких как наука, образование, обрабатывающая промышленность. Также важны вызовы, связанные с трудовой иммиграцией, и вызовы в сфере здравоохранения, связанные с доступностью медицинских услуг. В сфере образования вызов связан с тенденцией сокращения молодежи, имеющей профессиональное образование.

Коллектив исследователей Института мировой экономики и международных отношений РАН, подготовивший данный прогноз, в котором были обозначены указанные вызовы, отметили и новые возможности, возникающие на новом этапе мирового развития. Эти возможности связаны с тем, что в новых, интеллектуально-емких отраслях сдвиги в конкурентоспособности могут проходить гораздо быстрее, чем в индустриальной экономике, что непосредственно связано со значимостью человеческого потенциала и человеческого капитала, с растущими рынками интеллектуальных продуктов и услуг в сфере информационных технологий. Они связаны с востребованностью информационных продуктов, перспективами нишевого лидерства, использованием творческого потенциала, который может быть применен в сфере развития Интернета вещей, компьютеризации производства, созданием цифровых моделей товаров, разработок инжиниринга, экспорта креативного капитала, востребованного развивающимися странами. Все эти вызовы и ответы на них должны сопровождаться укреплением самоидентификации российского населения как особой исторической общности, его консолидации для решения ответственного и эффективного цивилизационного развития.

Можно обозначить еще одну плоскость рассмотрения цивилизационного развития России, связанную с практическим применением и разрешением осознанных вызовов, предложенную субъектами бизнеса в ходе непосредственной практики. Такой методологический подход представлен в работе (Агамерзян, 2016), где предложен сценарный подход долгосрочного развития России с акцентом на практические особенности реализации в зависимости от выбранного сценария. Их несколько: конкуренция центров силы, глобальная технологическая пирамида, «медленный

мир». Этот аспект акцентирует возможности бизнеса решать задачи в соответствии с имеющимся потенциалом для наукоемких и конкурентоспособных производств и технологий. Предпочтение (55%) отдается сценарию «конкуренция центров силы» как наиболее предпочтительному.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы, касающиеся как регионально-го, так и общероссийского уровня, их гармоничного развития. В ближайшие десятилетия России предстоит найти достойное место на новом этапе мирового развития; реализовать структурную перестройку экономики на основе роста ее технологического уровня; добиться перелома в динамике производительности труда на основе технологического перевооружения сфер экономики; доходы от сырьевого экспорта направлять для роста высокотехнологичных производств; использовать идеологию открытого регионализма и задействовать фактор «умной силы» для развития; стимулировать персональную модернизацию российского населения.

### **Библиографический список**

1. Агамерзян И.Р. [и др.]. Вызов 2035 / сост. В.В. Буров. Москва: Олимп-Бизнес, 2016. 240 с.
2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / отв. ред. Н.И. Лапин. Москва: Весь мир, 2016. 360 с.
3. Веряскина В.П. Персональная модернизация – стратегическая цель развития России и ее регионов. Такие разные России. Ч. 1 // Полис. 2013. № 2 (134). С. 85–89.
4. Доклад о развитии человеческого потенциала «Неопределенные времена – неустрашаемые жизни: определяя наше будущее в меняющемся мире». 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewru.pdf> (дата обращения 03.09.2024).
5. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006–2007 гг. «Регионы России: цели, проблемы, достижения / под ред. С.Н. Бобылева, А.Л. Александровой. Москва: Весь Мир, 2007. 144 с.
6. Доклад о развитии человеческого потенциала. «Выход из тупика: переосмысление сотрудничества в поляризованном мире». 2023–2024. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf> (дата обращения 03.09.2024).
7. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход / Институт философии РАН. Москва: Весь мир, 2021. 364 с.
8. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А.П. Дынкина. Москва: Магистр, 2017. 352 с.
9. От прекарной занятости к прекаризации жизни / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Весь мир, 2022. 364 с.
10. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН: сост. и отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. Москва: Academia, 2013. 416 с.
11. Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований / ФГБУН ВолНЦ РАН; под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, А.А. Шабунновой. Москва: Весь мир, 2022. 190 с.

### **Информация об авторе**

Веряскина Валентина Петровна (Россия, Москва) – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; [vpveryaskina@gmail.com](mailto:vpveryaskina@gmail.com))

## **ANALYTICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE 21ST CENTURY: NEW CHALLENGES AND OPPORTUNITIES**

**Abstract.** *The relevance of choosing the path of civilizational development of Russia in the 21st century is associated with the historical change in the geopolitical context in the world, the influence on the development of new technologies and the need to gain and maintain the status of one of the leaders in the emerging polycentric world. The author turns to analytical approaches that consider challenges and responses for Russia at different levels: regional development, strategic all-Russian and practical opportunities for implementing business models. As a result, generalizing the material of analytical approaches, the author notes the key foundations for choosing the civilizational development of Russia and the role of Russia's human potential in their implementation.*

**Keywords:** *Russia, civilizational development, challenges, analytical approaches, human potential.*

### **References**

1. Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems (2016) / ed. N.I. Lapin. Moscow: Ves' mir. 360 p.
2. Challenge 2035 (2016) / Agamerzyan I.R. et al. Comp. Burov V.V. Moscow: Olimp-Business Publishing House. 240 p.
3. From Precarious Employment to Precarization of Life (2022). Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' mir. 364 p.
4. Human Development Report in the Russian Federation for 2006–2007 “Regions of Russia: goals, problems, achievements (2007). Ed. by S.N. Bobylev, A.L. Alexandrova. M.: Ves' Mir. 144 p.
5. Human Development Report. “Out of the Deadlock: Rethinking Cooperation in a Polarized World.” 2023–2024. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf> (accessed 09.03.2024).
6. Lapin N.I. (2021). The Complexity of the Formation of a New Russia. Anthroposociocultural Approach / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Ves' mir. 364 p.
7. Mir 2035. Global Forecast (2017) / edited by A.P. Dynkin. Moscow: Magistr. 352 p.
8. Problems of Sociocultural Modernization of Russian Regions (2013) / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Comp. and editors N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Academia. 416 p.
9. Report on Human Development “Uncertain Times – Unsettled Lives: Defining Our Future in a Changing World”. 2021–2022. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewru.pdf> (accessed 09.03.2024).
10. Sociocultural Evolution of Russia: 30 Years of Research (2022) / VolRC RAS. Under the general editorship of N.I. Lapin, L.A. Belyaeva, A.A. Shabunova. M.: The whole world. 190 p.
11. Veryaskina V.P. (2013) Personal Modernization – a Strategic Development Goal for Russia and Its Regions. Such Different Russias. Part 1 // Polis. No. 2 (134). P. 85–89.

### **Information about the author**

Valentina P. Veryaskina – PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; vpveryaskina@gmail.com)

## КОНСЕРВАТИВНО-ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ЗАПАДА

**Аннотация.** В статье анализируются философско-историческое содержание термина «цивилизация», структурные компоненты цивилизаций, важнейшей из которых является «историческая метаидеология». Каким же «государством-цивилизацией» является Россия сегодня и, главное, каким она должна быть? По нашему мнению, современная Россия, будучи инобытием предшествующих цивилизационных форм развития, в настоящее время реализует смешанный – консервативно-либеральный – тип развития, который поддерживается не строго «консервативной идеологией», а исторической метаидеологией современного типа. В области внешней политики эта консервативно-либеральная идеология ориентирует страну на модель многополярного мира, геополитические полюса которого будут заданы крупнейшими цивилизациями планеты; в области внутренней политики – на модели «плебисцитарной демократии» и «федеративной империи». Эти модели демонстрируют эффективность в условиях чрезвычайных ситуаций, в которых оказалась страна в 2022–2024 гг. В долговременной перспективе возможна их корректировка, вектор которой следует прочерчивать в плоскости стратегии системной модернизации страны. Ее составной частью может стать доктрина формирования современного социального государства, способная перенести страну на путь гуманистического саморазвития. С учетом мирового опыта это должна быть доктрина строительства государства социал-демократического или постсоциалистического типа.

**Ключевые слова:** государство, демократия, идеология, империя, цивилизация.

Стратегическое противостояние России и Запада длится более полутора десятилетий. До недавнего времени этот «экзистенциальный» конфликт в официальных российских документах интерпретировался преимущественно в категориях геополитики и мир-системного анализа. Даже начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция РФ на Украине не сразу изменила ракурс видения. Потребовалось больше года, чтобы «коллективизация Запада» и развязанная им тотальная гибридная война были осознаны как конфликт «евроатлантической» и «русской» цивилизаций – сегодняшних геоэкономических, геокультурных и геополитических воплощений многомиллионных сообществ с разными представлениями о порядках совместной жизни народов и разным ценностно-смысловым каркасом, определяющим видение справедливого мироустройства. Только тогда цивилизационный статус России получил официальное признание высшим руководством страны.

31 марта 2023 года Президент Владимир Путин подписал Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», пункт 4 которой определяет Россию «как самобытное государство-цивилизацию», как «обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую державу, сплотившую русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». Что такое «государство-цивилизация», «культурно-цивилизационная общность» и «Русский мир» не поясняется. Между тем в отечественных и зарубежных исследованиях отсутствует единство взглядов по ключевым вопросам теории цивилизаций. Бытуют радикальные точки зрения о необходимости либо вовсе исключить понятие «циви-

лизация» из научного дискурса в силу «многозначности» и «смутности» его содержания, либо, если и сохранять, то лишь посмотрев на цивилизации как на «воображаемые сообщества», по своему масштабу занимающие промежуточное положение между отдельными нациями и всем человечеством (Летняков, 2021).

Обе точки зрения неубедительны. Цивилизации не только «воображаемые», но и вполне реальные сообщества, а многообразие интерпретаций терминов в науке (науках) естественно. Верно то, что цивилизационный подход к анализу всемирной истории человечества нуждается в развитии, а концепт «цивилизация», чтобы его можно было использовать не только в качестве философско-исторического, но и аналитического понятия, – в конкретизации. На философско-историческом уровне анализа понятие «цивилизация» может быть предназначено для обозначения разнообразия культурно-исторических типов развития экономически и политически связанных больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей. Последние продуктивно интерпретировать в двух модусах осуществления: как процессы и как состояния. В каждый отдельно взятый момент времени цивилизации в качестве больших, но неоднородных сообществ характеризуются определенным состоянием общественных (политических, экономических, культурных и т.д.) порядков совместной жизни для многочисленных народов (этносов), проживающих на их территориях. Но это состояние общественных порядков совместной жизни процессуально: изменяемо в ходе модернизаций и социальных революций.

В предыдущих работах мы подробно анализировали этот вопрос, обращая внимание на культурную и этническую разноликость цивилизаций, их довольно сложную структуру, ключевое место в составе которой занимает историческая метаидеология – вырабатываемая и распространяемая религиозными и светскими интеллектуалами совокупность концептуально оформленных сакральных и светских представлений и идей о месте цивилизации (территориально большого и этнически многообразного сообщества людей) на «шкале истории», которая соотносит государственное строительство этого сообщества, его социальные предпочтения, «высокую (ядерную) культуру» и «стиль жизни» с предполагаемым трансцендентным назначением человечества. Она выступает формой санкционирования цивилизации как наилучшего политического, социального и иного порядка совместной жизни, формирует, не устраняя различий интересов и воззрений, общее всем видение своего места в истории, представление об «общности» исторической судьбы и совместного проживания разных социальных групп и народов в одном государстве.

Какая же историческая метаидеология в настоящее время формируется политическими элитами и связанными с ними интеллектуалами в современной России? Однозначного ответа на этот вопрос мы пока не получим. Поскольку Россия, в отличие, например, от Китая, все еще испытывает синдром культурной шизофрении: осознает себя то «русской Европой», то «Азиопой» (Н. Милуков), то «евразийской державой». В политическом классе первая самоидентификация преобладает. Споры политиков подогреваются научными спорами о том, что собой представляет РФ: «национальное (европейское) государство», «государство-цивилизацию» или «бесконечную империю» (Гранин, 2022).

Последняя квалификация связывается с «консервативным поворотом Путина», который будто бы свидетельствует о сворачивании курса на построение в России национального государства европейского типа. Думаем, это не так. По нашему мнению, современная Россия, будучи инобытием предшествующих цивилизационных форм развития, в настоящее время реализует смешанный – консервативно-либеральный – тип развития, который поддерживается не строго «консервативной идеологией» (Гранин, 2024), а исторической метаидеологией модерного типа, которая во внутренней политике ориентирована на «плебисцитарную демократию» и «федеративную империю», а в области внешнеполитического курса – на модель многополярного мира, геополитические полюсы которого будут заданы крупнейшими цивилизациями планеты.

В связи с этим следует помнить, что используемые теперь в России модели «плебисцитарной демократии» и «федеративной империи» не являются панацеей на все времена. Они, очевидно, демонстрируют свою эффективность в условиях чрезвычайных ситуаций, в которых оказалась страна в 2022–2024 гг. В долговременной перспективе они нуждаются в корректировке. Вектор этой корректировки следует прочерчивать в плоскости стратегии системной модернизации страны, составной частью которой может стать доктрина формирования современного социального государства, способная перевести страну на путь гуманистического саморазвития. Учитывая мировой опыт, это должна быть доктрина строительства государства социал-демократического, а, возможно, и постсоциалистического типа, отменяющая сформированное у нас государство «ручного управления».

Такое государство не ограничивается лишь социальной защитой населения, а реализует политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, утверждение человеческого достоинства и реализацию творческих способностей своих граждан. Формирование такого государства требует учета политического и социокультурного разнообразия постсоветской России в контексте социальных напряженностей, связанных с этническими, миграционными и социоструктурными особенностями отдельных территорий РФ.

### **Библиографический список**

1. Гиринский А.А., Азыркин П.Д. «Консервативный модерн» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 41–58.
2. Гранин Ю.Д. «Цивилизации» – «реальные», «воображаемые» или «конструируемые» сообщества? // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 14–24.
3. Гранин Ю.Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 76–86.
4. Летняков Д.Э. Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXI. Вып. 3. С. 57–69.

### **Информация об авторе**

Гранин Юрий Дмитриевич (Россия, Москва) – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; [maily-granin@mail.ru](mailto:maily-granin@mail.ru))

## **CONSERVATIVE-LIBERAL IDEOLOGY OF RUSSIA AS A RESPONSE TO THE CHALLENGES OF THE WEST**

**Abstract.** *The article analyzes the philosophical and historical content of the term «civilization», the structural components of civilizations, the most important of which is «historical meta-ideology». What kind of «state-civilization» is Russia today and, most importantly, what should it be? In my opinion, modern Russia, being an other being of previous civilizational forms of development, is currently implementing a mixed – conservative-liberal – type of development, which is supported not by a strictly «conservative ideology», but by a historical meta-ideology of the modern type. In the field of foreign policy, this conservative-liberal ideology orients the country towards the model of a multipolar world, the geopolitical poles of which will be set by the largest civilizations of the planet. And in the field of domestic policy – towards the models of «plebiscitary democracy» and «federal empire». These models clearly demonstrate their effectiveness in emergency situations, such as those in which the country found itself in 2022–2024. In the long term, they can be adjusted. The vector of this adjustment should be outlined in the plane of the country’s systemic modernization strategy, an integral part of which can be the doctrine of the formation of a modern social state capable of moving the country onto the path of humanistic self-development. Given global experience, this should be a doctrine of building a state of a social democratic, and possibly post-socialist type.*

**Keywords:** *state, democracy, ideology, empire, civilization.*

### **References**

1. Girinsky A.A., Azyrkin P.D. «Conservative Modernism» // Russia in Global Politics. 2024. Vol. 22. No. 5. Pp. 41–58.
2. Granin Yu.D. “Civilizations” – “real”, “imaginary”, or “constructed” communities? // Questions of Philosophy. 2024. No. 2. Pp. 14–24.
3. Granin Yu.D. Russia’s Infinite Imperialism. The Civilizational Dimension // Questions of Philosophy. 2022. No. 9. Pp. 76–86.
4. Letnyakov D.E. Civilizations as “imagined communities”. Towards a constructivist critique of civilizational theory // Personality. Culture. Society. 2021. Vol. XXI. Iss. 3. Pp. 57–69.

### **Information about the author**

Yuri D. Granin (Russia, Moscow) – Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; [maily-granin@mail.ru](mailto:maily-granin@mail.ru))

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ И КИТАЕ

**Аннотация.** В работе предпринята попытка переосмыслить российский капитализм в свете работы сербско-американского экономиста Бранко Милановича «Капитализм и ничего больше». Автор показывает, что российский политический (или клановый) капитализм – вовсе не аномалия (как и аналогичный капитализм в Китае, Вьетнаме, других странах Азии и Африки), а нормальное явление для незападных стран. На материале литературных художественных источников исследуется менталитет китайцев, составивший национальную почву для успешного капиталистического развития. Говорится о противоречиях российской политики в разных сферах, которые тормозят реформы. Называются факторы, которые, по мнению автора, являются ключом к успешному экономическому развитию.

**Ключевые слова:** капитализм, политический капитализм, клановый капитализм, Россия, Китай, культура, модернизация.

Обращение к данной теме (российский капитализм) связано с моей попыткой переосмыслить написанное о капитализме в нашей стране в 2016–2017 гг. (Канарш, 2016; Канарш, 2017; Канарш, 2020). Тогда в этих более ранних работах (и итоговой монографии) мы вслед за российским социологом Л. Косалсом (Косалс, 2011) весьма критически оценивали сложившуюся в России в последние десятилетия политико-экономическую систему. Отмечали, что она носит клановый характер, при этом сами кланы – закономерное явление в контексте системы власти-собственности, свойственной России на протяжении веков. Полагали (опять же вслед за Косалсом и другими авторами), что «клановый капитализм» в России выступает главным тормозом развития экономики и выход из сложившегося положения – в «сломе» существующей системы и становлении правового государства.

Сейчас в свете прочитанной литературы и последующих размышлений мы пришли к иным выводам в отношении как оценки природы, так и последующих перспектив современного российского капитализма, поскольку на данную работу сильное влияние оказала книга сербско-американского экономиста Б. Милановича «Капитализм и ничего больше» (Миланович, 2022). Автор описывает два конкурирующих в мире типа капитализма: либерально-меритократический капитализм американского образца и политический капитализм (понятие и термин М. Вебера), образцом которого выступает Китай. Для первого характерны минимальное участие государства в экономических процессах, четкие правовые рамки экономической деятельности, максимальная самостоятельность экономических агентов. Второй имеет прямо противоположные характеристики: большая роль государства в экономике, отсутствие власти закона, подчинение интересов экономических субъектов интересам государства. По сути, именно абсолютное доминирование авторитарного государства в политике и экономической системе выступает системообразующим признаком политического капитализма. К этим основным признакам добавляется высокий уровень коррупции и социально-экономического неравенства, а также отсутствие четких прав собственности.

Что кажется удивительным здесь? То, что по своим институциональным характеристикам политический капитализм в Китае (а также аналогичные системы во Вьетнаме, Сингапуре, Малайзии, многих странах Африки, находящихся под китайским

влиянием) оказывается чрезвычайно близким российскому капитализму, как его описывают исследователи. Эти (якобы негативные) черты не только не мешают феноменальному успеху экономики Поднебесной, но, напротив, нередко способствуют ему. В целом, как заключает Миланович, сравнение преимуществ и недостатков обеих систем (либерально-меритократического и политического капитализма) должно осуществляться эмпирически, а не нормативно.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что политический капитализм – вовсе не патология, а вполне нормальное явление для незападных стран, а его успех или относительный неуспех зависят вовсе не от институциональных характеристик, а скорее от проводимой государством экономической политики.

В то же время подход Милановича к анализу политического капитализма имеет определенное ограничение: как и многие экономисты и социологи он исследует лишь институциональные характеристики системы и не обращается к культурным факторам. Пытаясь преодолеть это ограничение и расширить наш взгляд на природу капитализма в Китае, мы обращаемся к иным источникам: так важным для нас оказался сборник рассказов японского писателя Накадзима Ацуси «Луна над горой», частью которой является рассказ «Ученик», повествующий на основе древних китайских источников (прежде всего «Лунь Юй» – знаменитое жизнеописание Конфуция) о жизни и учении Конфуция (Кун-цзы) и его отношениях с наиболее преданным учеником – Цзы Лу (Накадзима, 2024).

Главным для нас является то, что в рассказе китайский учитель характеризуется как великий идеалист и гуманист, хотя он предстает перед нами как прагматический идеалист, прочно верящий в гуманистические идеалы и возможность человеческого совершенствования, при этом всегда ориентированный на достижение практической пользы. О прагматическом характере рассуждений Конфуция отчетливо говорят два эпизода. Однажды Цзы Лу спросил учителя, живут ли души умерших предков в загробном мире. На что Конфуций ответил парадоксально: если мы признаем, что жизнь души после смерти продолжается, то потомки умершего могут растратить все свое состояние, чрезмерно заботясь о подношениях ушедшим; напротив, если мы скажем, что духи умерших предков не существуют, то тем самым мы ослабим почтение к ним среди ныне живущих. Поэтому лучше оставить этот вопрос открытым и обратиться к более практическим делам. Второй эпизод опять же связан с вопросом Цзы Лу, который как-то поинтересовался насчет того, как должен вести себя государственный чиновник в ситуации, когда правитель государства ведет себя недостойно (например, прямым образом нарушает нормы морали). Должен ли в этом случае государственный муж прямо указать князю на его непотребства как угрозу стабильности государства, невзирая на возможную месть с его стороны? Здесь Конфуций, отвечая на вопрос ученика, проявляет здравомыслие. Он говорит, что если государственный муж занимает высокое положение (а тем более является родственником государя), то должен поступить так, как предполагает Цзы Лу. Даже если государь казнит своего вельможу, впоследствии он раскается в содеянном и вернется на путь добродетели. Но если чиновник низкого ранга, то ему лучше не вступать в конфликт с государем, а просто оставить княжество, перебравшись на службу к другому вану. В ответ на недоумение своего ученика Кун-цзы говорит лишь, что «в следовании обстоятельствам есть особая красота» (и чего пока не понимает Цзы Лу).

Мы полагаем, что не только институты обеспечили феноменальный успех сегодняшнего Китая, но и национальный менталитет, на который оказало огромное влияние конфуцианство с присущим ему прагматическим идеализмом.

Наконец, мы хотели бы сказать о том, каким видится путь России к экономическому процветанию. Несмотря на свой относительно «непрагматический» менталитет (Бурно, 2008), думаем, что Россия имеет все шансы и предпосылки для того, чтобы стать экономически развитой державой. На наш взгляд, мешают этому явные противоречия государственной политики. В экономическом плане это сочетание мер на поддержку отечественной промышленности и запредельно высокой ставки Центробанка (сегодня – 21%). В социально-экономическом плане – усиление мер социальной поддержки населения и крайне низкие зарплаты и пенсии<sup>1</sup>. В политическом отношении – курс на воспитание патриотизма и одновременно уничтожение остатков публичной политики в стране за счет демонтажа системы местного самоуправления при том, что именно демократия на местах, как показали еще классики политической мысли (Констан, 2000), способствует укреплению общегражданского патриотизма. Наконец, нужно отметить необходимость технологической модернизации (переход к автоматизации и роботизации производства) в ситуации высокой экономической конкуренции в мире и ухудшения демографических показателей в самой России<sup>2</sup>. Пока она осуществляется слабо из-за низкой стоимости труда. Поэтому полагаем, что три составляющие могут обеспечить нам сегодня переход к развитой экономике: 1) наличие государства развития (оно сегодня активно продолжает формироваться в условиях СВО); 2) последовательный и системный характер проводимых реформ (пример Китая); 3) технологическая модернизация. Первый фактор имеется сегодня в наличии, два других – пока в открытой повестке. Думаем, что в сочетании этих трех составляющих состоит залог успеха проводимых реформ.

#### Библиографический список

1. Бурно М.Е. О характерах людей. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический проект, 2008. 639 с.
2. Канарш Г.Ю. Современный российский капитализм: историко-генетический и мирохозяйственный аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 78–93.
3. Канарш Г.Ю. Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический, антропологический аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 70–85.
4. Канарш Г.Ю. Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. Москва: Ленанд, 2020. 304 с.
5. Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм / пер. с фр. М.М. Федоровой. Москва: РОССПЭН, 2000. 592 с.
6. Косалс Л.Я. Деловой климат в клановой экономической системе // История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. / под общ. ред. П.С. Филиппова. Санкт-Петербург: Норма, 2011. Т. 1. С. 405–448.
7. Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром / пер. с англ. А.Ф. Васильева. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 400 с.
8. Накадзима А. Ученик // Накадзима Ацуси. Луна над горой: сб. / пер. с яп. Е. Хузиятовой. Москва: Аст, 2024. С. 61–108.

<sup>1</sup> Зарплату от 100 тыс. рублей в месяц получают лишь 11,2% россиян // Новый проспект. URL: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/zarplatu-ot-100-tys-rublej-v-mesyats-poluchayut-lish-11-2-rossiyan> (дата обращения 27.10.2024).

<sup>2</sup> Либо рост численности населения, либо роботы // Независимая газета. 05.11.2024. URL: [https://www.ng.ru/economics/2024-11-05/4\\_9128\\_future.html](https://www.ng.ru/economics/2024-11-05/4_9128_future.html) (дата обращения 13.11.2024).

## Информация об авторе

Канарш Григорий Юрьевич (Россия, Москва) – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; grigkanarsh@yandex.ru)

Kanarsh G.Yu.

## POLITICAL CAPITALISM IN RUSSIA AND CHINA

**Abstract.** *The paper attempts to rethink Russian capitalism in the light of the work of Serbian-American economist Branko Milanovic “Capitalism and nothing else”. The author shows that Russian political (or clan) capitalism is not an anomaly at all (like similar capitalism in China, Vietnam, other Asian and African countries), but a normal phenomenon for non-Western countries. Based on the material of literary sources, the mentality of the Chinese, which formed the national basis for successful capitalist development, is studied. It talks about the contradictions of Russian policy in various spheres, which acts as a brake on reforms. The factors that, according to the author, are the key to successful economic development are called.*

**Keywords:** *capitalism, political capitalism, crony capitalism, Russia, China, culture, modernization.*

## References

1. Burno M.E. (2008) On the characters of people. 3d ed. Moscow, Academic project. 639 p.
2. Kanarsh G.Yu. (2016) Modern Russian capitalism: sociological, political-economic, anthropological aspects. Knowledge. Understanding. Skill, no. 4, pp. 70–85.
3. Kanarsh G.Yu. (2017) Modern Russian capitalism: historical, genetic and world economic aspects. Knowledge. Understanding. Skill, no. 1, pp. 78–93.
4. Kanarsh G.Yu. (2020) Justice, democracy, capitalism: ways of modernization of Russia in the XXI century. Moscow, Lenand. 304 p.
5. Constant B. (2000) Principles of politics. In: Classical French liberalism / transl. from French by M.M. Fedorova. Moscow, ROSSPEN. 592 p.
6. Kosals L.Ya. (2011) Business climate in the clan economic system. In: History of new Russia. Essays, interviews: in 3 volumes / ed. by P.S. Filippov. St. Petersburg, Norm. Vol. 1. Pp. 405–448.
7. Milanovich B. (2022) Capitalism and nothing else: the future of the system that rules the world / translated from English by A.F. Vasilyev. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute. 400 p.
8. Nakajima A. (2024) Student. In: Nakajima A. The moon over the mountain: a collection / translated from Japan by E. Khuziyatova. Moscow: Ast. Pp. 61–108.

## Information about the author

Grigory Yu. Kanarsh (Russia, Moscow) – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia; grigkanarsh@yandex.ru)

## **ЭЗОТЕРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ**

*Аннотация.* Всплеск интереса к эзотерическим знаниям и практикам рассматривается через призму разворачивания кризисной социальности в глобальном масштабе. Анализируются некоторые результаты проведенного исследования культурных различий профессионального сообщества и аудитории онлайн-гадания на картах Таро в России, Китае и других странах.

**Ключевые слова:** эзотерика, Таро, гадание, кризисная социальность, копинг-стратегии, социальный перформанс.

Эзотерическое знание как культурный феномен выполняет важные социальные функции именно в условиях нарастания признаков кризисной социальности (Катерный, 2023), выступая, с одной стороны, как альтернативная мифозамещающая идея, когда наука и религия утрачивают легитимное господство в сфере знания и морали, с другой – предлагая эффективные в своей перформативности методы решения практических задач, связанных с адаптацией к ситуации неопределенности и риска в различных жизненных сферах.

Эпистемической особенностью кризисной социальности является резкое снижение возможностей рационального постижения смысла и каузальных связей, происходящих в мире процессов даже на экспертно-научном уровне. Дерационализация социальных процессов и последующее антропологическое смещение рефлексивности становятся фундаментальными причинами роста спроса на знание за пределами научной картины мира. На фоне снижения глобальной религиозности (Инглхарт, 2022) и эффективности традиционной институциональной духовности в России (Религия и общество..., 2023) это ведет не к укреплению традиционных ценностных ориентаций, а к поиску альтернативных символических универсумов.

В рамках трихотомии «наука – религия – эзотерика» последняя включает в себя все культурные формы (от идей до практик), признанные как ненаучными, так и нерелигиозными со стороны соответствующих легитимных институтов, имеющие маргинальный институциональный статус в системе удовлетворения терминальных («духовных») потребностей.

Сегодня эзотерика и тарология активизируют свой адаптационный потенциал в рамках глобального BANI-мира, атакующего жизненные миры людей. Хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость нового порядка рождают в массовом сознании т.н. «эсхатологическое побуждение», окрашивающее мир в зловещие краски грядущего апокалипсиса. Эзотерика играет здесь важную роль наставника, утешителя и проводника в будущее. Иррациональность подобной стратегии элиминируется ее эффективностью в создании условий для эмпаурмента в травмированных жизненных мирах.

В России гадания на картах в формате аудио- и видеозаписей, а также текстовых сообщений получили широкое распространение в Интернете во время пандемии на рубеже 2021–2022 гг. Однако эзотерическая культура Таро, как ни странно, нашла отклик и в таком традиционалистском обществе, как Китай, где цифровые медиа сыграли важную роль в популяризации нездешней для местной традиции методики

гадания. На июль 2021 года интерактивные видеоролики, связанные с Таро, на платформе Bilibili были просмотрены более 910 миллионов раз (Fu et al., 2023).

Для кросскультурного анализа феноменологии мантических ритуалов было проведено многоступенчатое эмпирическое исследование, география которого включила в себя такие страны, как Россия, Швейцария, Германия, Великобритания, США, Индия. Выбор представленных культур обусловлен наибольшей распространенностью онлайн-гаданий на YouTube в данных странах по сравнению с другими регионами. Первый этап исследования – включенное наблюдение в видеохостинге YouTube и Telegram-каналах за деятельностью иностранных и российских онлайн-тарологов, а также предварительное изучение социокультурных особенностей каждой страны. Среди онлайн-тарологов были отобраны те, чья аудитория составила от 10 до 200 тыс. человек. В рамках первого этапа также был проведен контент-анализ публикуемых видеороликов, а затем на их основе составлен социальный портрет российского и иностранного таролога.

Второй этап заключался в проведении полужформализованного онлайн-опроса на платформе Zoom с 50 случайными зрителями онлайн-дивинаторов, обращавшихся за услугой гадания. Целью опроса было выявить особенности коммуникативного взаимодействия между дивинаторами и кверентами (обращающимися к гадателю) в онлайн-пространстве, а также отношение заказчиков к процессу гадания.

Третий этап – проведение глубинного онлайн-интервью с 50 онлайн-дивинаторами на платформе Zoom.

При рассмотрении феноменологической сети ритуального гадания можно увидеть, что восприятие индивидами роли таролога за рубежом и в России существенно различается. На это в первую очередь оказывают влияние социокультурные факторы, особенно в таких странах, как Индия и Китай. Например, геомантию, или гадание на песке, а также гадание по книге судеб И-Цзин часто использовали в Древнем Востоке и до сих пор активно практикуют в Китае и Индии. Сама практика гадания (в том числе и на картах Таро) в этих странах связывается не столько с получением ответа на конкретный вопрос, сколько с духовным просветлением, для связи с боже-ствами, исцеления физических и эмоциональных недугов (Nightsage, 2024). Поэтому в данных культурах таролог рассматривается как «мудрый наставник» или «учитель». В Индии тарологи пользуются почитанием и уважением среди 60% зрителей. Также был выявлен основной подход восточных тарологов к конструированию мантической реальности. Гадание рассматривается как способность «ясновидения» – дар, данный свыше и доступный немногим. Изучение практик гадания сравнивается с изучением смысла сакральных символов, само гадание рассматривается как часть совместного духовного опыта. С помощью Таро участники гадательного ритуала устанавливают связь с воображаемым архетипическим миром и пытаются связать его с индивидуальной судьбой заказчика. Таким образом, мантический ритуал инициирует кверента (заказчика) в магическую реальность и помогает ему сформировать свое «новое я», изменив свою привычную репрезентацию в обществе.

В Европе же встречается большое количество тарологов-мигрантов и практика гадания привязана к достижению определенной цели заказчика. Чаще всего европейцев интересуют материальные вопросы, а также поиск партнера «по судьбе». Было выявлено, что среди клиентов тарологов в мире европейцы возвращаются за повторной услугой гадания чаще всего. В Европе и США в одинаковой степени профессия таролога связывается, с такими интуитивными способностями как яс-

новидение, яснослышание, ясночувствование, позволяющими тарологу слышать, чувствовать и транслировать кверенту информацию без использования карт Таро.

Большой вклад в развитие эзотерической культуры в Европе и США внесла культура движения «новой духовности» (Нью-Эйдж). Когда в 1960-е гг. эзотерические, философские и религиозные системы стали эклектично соединяться для создания изоциренных духовных систем, Таро претерпело еще одну трансформацию. Колода сохранила свою функцию как метод гадания, но характер этой практики изменился. Целью чтения Таро в эпоху Нью-Эйдж стало саморазвитие, а не простое предсказание судьбы. Конструирование мантической реальности для данной группы тарологов – это история, которая складывается из последовательных фрагментов посредством диалога между кверентом и дивинатором (гадающим), когда последний задает вопросы, использует знание значений карт Таро, а также интуицию, чтобы получить ответ в процессе гадания и сформулировать его клиенту.

В традиционной русской культуре всегда существовала тяга к тому, что сможет защитить русского человека от невзгод, бед и неудач. Характерно, что во все времена преобладало восприятие окружающей среды как опасной. Крестьяне искали доступные им способы защиты своей судьбы, жизни родных и близких от всевозможных опасностей. Особой популярностью у девушек пользовались гадания на суженого, будущих детей, а также на срок возвращения и отправления мужчины на воинскую службу (Визгелл, 2007).

В результате проведенного исследования нами было выделено два образа современного таролога. Первый из них ассоциируется у зрителей с темной магией, когда сам таролог делает акцент на сверхъестественном и мистическом опыте. Большое внимание первый тип уделяет образу самого себя в социальных сетях: он должен быть «мистическим» и «загадочным», давать неоднозначные ответы, а иногда шокировать кверента. Второй тип представляет собой «мягкое» сочетание духовности с популярной психологией и наибольшее внимание уделяет процессу и результату коммуникации – информация таролога должна быть понятной и доступной для каждого зрителя. Тарологи в России признают феноменологический характер своей работы. Смысл гадания и интерпретация карт Таро, по их мнению, исходит, скорее, от самих людей, участвующих в ритуале, а не от метафизической реальности (в виде фиксированных эзотерических значений карт, схем их раскладов). Российские тарологи определяют процесс интерпретации раскладов и сам процесс гадания как индивидуальный и уникальный для каждого нового клиента.

Многие российские зрители считают просмотр онлайн-гаданий формой исцеления, отвлечения от проблем или бесплатной альтернативой дорогостоящей, длительной терапии с психологом независимо от того, иллюзорна эта помощь или нет. Другими словами, существует потенциал для использования гадания на картах Таро как безопасного и творческого способа преодоления травмирующих переживаний.

Большую роль, особенно в России, играют не столько знания таролога в области эзотерики, но еще и его личные качества: коммуникабельность, отзывчивость, умение расположить человека к себе, а также знания основ психологии для успешного взаимодействия с клиентом. Таким образом, в настоящее время профессия таролога в условиях возрастающей конкуренции все больше требует рационального подхода к построению персонального бренда личности дивинатора и умения контролировать иррациональность самого акта гадания в рамках продуманной маркетинговой стратегии по привлечению и удержанию клиента.

Феноменологическая сеть ритуального гадания включает в себя сложные взаимозависимости и взаимовлияния тарологов, кверентов, самих карт, а также всевозможных сверхъестественных сил, выступающих акторами совместного социального перформанса. Его особенностью является активное творческое измерение события, в результате которого конструируются новые символические универсумы за счет ресурса воображения его участников (Snow, 2010). Карты и мистические силы создают материальный и нематериальный антураж сакральной трансгрессии, призванной приоткрыть завесу тайны и инициировать трансмутацию непосвященного. Ожидаемым итогом этого перформанса становится производство чуда в форме особого элицитационного нарратива, направленного на откровение, извещение, проявление, возвещение, свидетельство, знамение, манифестацию скрытого, но истинного знания, имеющего отношение к судьбе человека. Несмотря на всю феноменологическую сложность этого феномена, фундаментальная функция эзотерики как дискурсивной практики всегда выполняется (воспроизводство социального и символического порядка на окраинных культурных сценах общества). Когда наука и религия удовлетворяют наши потребности в упорядочивании реальности недостаточно эффективно, в дело вступает эзотерика. Таромантия и другие виды эзотерических знаний и практик создают востребованную смысловую реальность, в которой люди проясняют свои проблемы, желания, отношения и реконструируют свою личность для более эффективной саморепрезентации. Самоисполняющиеся пророчества работают здесь во всю силу, но людям в условиях кризисной социальности это необходимо как, возможно, единственно действенная копинг-стратегия, позволяющая справиться с неопределенностью, обрести силу, привнести смысл и порядок в свою жизнь.

### **Библиографический список**

1. Визгелл Ф. Читая фортуны: гадательные практики в России (вторая половина XVIII–XX вв.) / пер. с англ. Москва: ОГИ, 2007. 256 с.
2. Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах / пер. с англ. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 238 с.
3. Катерный И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26.
4. Религия и общество: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ от 27.07.2023. // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>
5. Fu H., Li Y., Lee F.L. Techno-cultural domestication of online Tarot reading in contemporary China. *Media, Culture & Society*. 2023. № 1. P. 74–91.
6. Nightsage B. *Divination: Tarot Reading, Rune Casting, Scrying, and Other Methods of Divination*. Independently published, 2024.
7. Snow P. *Performing society*. Thesis Eleven. 2010. № 1. P. 78–87.

### **Информация об авторах**

Катерный Илья Владимирович (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, МГИМО МИД России (Россия, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76); ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35; yarkus@mail.ru)

Закиева Диана Эдуардовна (Россия, Москва) – магистр социологии, аспирант кафедры социологии, МГИМО МИД России (Россия, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76; diana.zakieva@list.ru)

Katernyi I.V., Zakieva D.E.

## **ESOTERIZATION OF PUBLIC CONSCIENCE IN THE CONTEXT OF CRISIS SOCIALITY: CROSS-CULTURAL ANALYSIS**

**Abstract.** *The surge of interest in esoteric knowledge and practices is considered through the lens of crisis sociality on a global scale. Some results of the study of cultural differences within the professional community and the audience of online fortune telling on Tarot cards in Russia, China and other countries are analyzed.*

**Keywords:** *esoterics, tarot, fortunetelling, crisis sociality, coping, social performance.*

### **References**

1. Fu H., Li Y., Lee F.L. (2023) Techno-cultural domestication of online Tarot reading in contemporary China. *Media, Culture & Society*, 1, 74–91.
2. Inglehart R. (2022) *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* Saint-Petersburg: Publishing House of European University in Saint-Petersburg.
3. Katernyi I.V. (2023) Development of the theory of crisis in sociology: evolution of ideas and modernity. *Sociological Studies*, 10, 14–26.
4. Nightsage B. (2024) *Divination: Tarot Reading, Rune Casting, Scrying, and Other Methods of Divination*. Independently published.
5. Religion and society: time-lapse survey. Analytical review by VCIOM, 27 July 2023. (2023) VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>
6. Snow P. (2010) *Performing society*. Thesis Eleven, 1, 78–87.
7. Vizgell F. (2007) *Reading Fortune: Fortune-Telling Practices in Russia (the second half of the XVIII–XX centuries)*. Moscow: OGI.

### **Information about the authors**

Ilya V. Katernyi (Russia, Moscow) – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Chair of Sociology, MGIMO-University (76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia); Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (24/35, ul. Krzhizhanovskogo, Moscow, 109544, Russia; yarkus@mail.ru)

Diana E. Zakieva (Russia, Moscow) – Master of sociology, postgraduate student, Chair of Sociology, MGIMO-University (76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; diana.zakieva@list.ru)

## ГРАЖДАНСКИЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

**Аннотация.** Автор обращается к вопросу о вовлеченности российских граждан в общественные практики. На основе данных полевого социологического исследования, проведенного в семи субъектах Российской Федерации в 2023 году, дана оценка доверия как фундамента гражданского общества. Поднимаются вопросы о включенности граждан регионов в общественные организации, о мотиваторах и демотиваторах проявления гражданской активности.

**Ключевые слова:** геополитические вызовы, гражданское общество, доверие, общественные организации, практики.

Следует признать, что социокультурное развитие регионов России осуществляется сегодня на фоне серьезных геополитических вызовов, среди которых следует отметить утверждение полицентричной системы мироустройства, повышение влияния военной силы на осуществление геополитических трансформаций, формирование новой конфигурации системы международной политики, противостояние коллективного Запада и России, многосторонние санкции, усиление мобилизационных настроений в общественном сознании и ряд других. Развитие российских регионов происходит в сложных, турбулентных условиях, сопровождаемых дестабилизацией прежнего и создания нового миропорядка. Фактически мы существуем в гибридной ситуации, в которой «сочетается сосуществование России с коллективным Западом и противоборство с ним» (Левашов, 2024, с. 113). Сама наша страна в данных условиях фактически стала государством мобилизационного типа (отметим, что мобилизационное начало в разной степени ощущается жителями различных российских регионов). В качестве ключевых задач стоят задачи обеспечения национальной безопасности, защиты суверенитета, сохранения и укрепления права на собственный путь развития.

Как эти вызовы отражаются в общественном сознании граждан нашей страны? В 2023 году было проведено очередное всероссийское исследование «Как живешь, Россия?», проявившее довольно высокий ресурс гражданской консолидации и социально-политической устойчивости. Также был выявлен тренд, свидетельствующий о позитивном векторе и динамике российского гражданского общества. Общероссийская оценка уровня развития гражданского общества в 2023 году составила 6,1 балла из 10 (сравним с 2006 годом – 4,5 балла) (Левашов, 2024, с. 120).

Вопрос о гражданско-общественной культуре, ее преломлении в гражданских практиках остается достаточно актуальным. В этом плане следует согласиться с установкой, сформулированной Н.И. Лапиным: «... потенциал разумного взаимодействия, вместе с мужеством его реализации, особенно при включении действий человека в процессы их обобществления и при личном взаимодействии с другими людьми, – это основное содержание гражданско-общественной культуры базовых взаимодействий человека с другими членами общества и его структур» (Лапин, 2021, с. 110). Культура граждан все очевиднее утверждает себя в качестве реального фактора российской политической жизни. В контексте происходящих трансформаций в нашей стране есть смысл вновь обратиться к тому, что следует считать гражданским обществом.

За исходное возьмем следующее определение: «Гражданское общество есть совокупность свободных ассоциаций граждан (и многообразных связей между ними), которые уважают и соблюдают законы государства (оно, в свою очередь, соблюдает права человека), но не позволяют ему вмешиваться в свою ежедневную деятельность» (Сунгуров, 1997, с. 56). Отметим, что в последние годы появилось немало исследовательских работ, посвященных многообразным вариантам гражданского общества. В этом плане заслуживает внимания подход, согласно которому гражданское общество может выстраиваться на разных религиозных основаниях (протестантское, католическое, православное), а также опираться на различный идеологический фундамент. При этом гражданское общество не обязательно должно совпадать с либерально-демократическим обществом, последнее выступает лишь одним из вариантов разнообразного гражданского общества (Сунгуров, Киселева, 2023, с. 18).

Представляется важным обращение к опыту и потребностям участия жителей российских регионов в реализации различных форм гражданских практик, а также к факторам, оказывающим влияние на их проявление. Эта тема стала одной из ведущих в полевом социологическом исследовании, проведенном осенью 2023 года в рамках реализации программы «Социокультурная эволюция регионов России» (Лапин, Беляева, 2010). Данное исследование было реализовано в семи российских регионах – Вологодской, Курской, Свердловской, Тюменской областях, Пермском крае, Республике Башкортостан и Чеченской Республике (N = 2914). Выборочная совокупность – стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов.

Основополагающим базисом гражданского общества выступает доверие (Байков, 2018). Обратимся к вопросу о том, как представлено в нашем исследовании доверие к социальным институтам регионального уровня (табл. 1).

**Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о доверии региональным социальным институтам (сумма ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю»), %**

Регион	Суд	Губернатор	Профсоюзы	Прокуратура	Полиция	Правительство области	Региональные политические партии	Законодательное Собрание, Дума региона	МСУ	Общественные организации	СМИ
Республика Башкортостан	55	43	48	57	57	50	40	45	46	45	32
Вологодская область	64	62	41	60	66	58	44	49	53	48	40
Курская область	60	65	44	58	58	57	40	44	47	41	34
Пермский край	41	39	29	37	38	38	23	30	31	33	27
Свердловская область	30	27	25	33	28	25	14	20	25	30	20
Тюменская область	45	47	29	40	41	44	26	32	35	29	27
Чеченская Республика	76	94	71	75	78	83	68	77	78	50	28

Источник: (Свидетельство..., 2024).

Мы видим, что на фоне повышения доверия к социальным институтам в целом, выявленного в ходе мониторинга «Как живешь, Россия?», ситуация в рассматриваемых нами регионах довольно противоречивая. Она такая же разнообразная, как и само гражданское общество. На региональном уровне достаточно высокий уровень доверия социальным институтам фиксируется в Башкирии, Вологодской и Курской областях; ниже этот уровень в Пермском крае, Свердловской и Тюменской областях, Чеченской Республике. Минимальный уровень доверия во всех регионах фиксируется в отношении региональных отделений политических партий; достаточно низкий – у средств массовой информации и профсоюзов.

Заметим при этом, что по отношению к федеральным социальным институтам наблюдается схожая картина (табл. 2).

**Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о доверии федеральным социальным институтам (сумма ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю»), %**

Регион	Президент	Правительство	Совет Федерации	Государственная Дума	Общественная палата	Полиция	ФСБ	Суд	Прокуратура	Церковь	Общественные организации	Политические партии	СМИ	Интернет	Банки
Республика Башкортостан	63	56	57	50	46	56	56	56	56	44	45	36	34	37	43
Вологодская область	70	66	57	52	49	58	59	61	62	56	46	35	41	38	35
Курская область	69	62	58	56	55	60	62	61	60	56	46	39	35	37	46
Пермский край	62	51	42	40	34	37	46	37	33	37	33	22	25	25	37
Свердловская область	49	37	29	24	25	29	37	32	33	30	27	12	18	17	29
Тюменская область	65	50	43	41	56	46	48	42	41	39	29	19	26	17	31
Чеченская Республика	92	87	82	79	77	77	81	76	74	29	54	50	33	30	46

Источник: (Свидетельство..., 2024).

Как видим из табл. 2, три региона демонстрируют срединные показатели, четыре других – невысокие и даже низкие. Минимальное доверие проявляется в отношении политических партий, СМИ и интернет-источников. Более чем скромные цифры указаны в отношении доверия к общественным организациям.

Если же вести речь об обобщенном (межличностном) доверии, то здесь практически все регионы демонстрируют схожую картину: при ответах на вопрос «В целом, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» в диапазоне оценок от 0 до 10 средний балл максимально близок к оценке 5. Это неплохой показатель в нынешней социально-политической ситуации, он демонстрирует наличие потенциала солидарности, осуществления коллективных практик жителями регионов. Доверие людей друг к другу следует рассматривать в качестве важного условия проявления социальной активности, совместного решения жизненно важных проблем.

В какой мере жители российских регионов вовлечены сегодня в гражданские практики? Что мотивирует людей на гражданское участие, что препятствует этому? Отметим, что под гражданскими практиками мы понимаем, прежде всего, конструктивные формы проявления гражданского участия. Совершаемые при этом действия не являются вознаграждаемыми, они не нацелены на воздействие в отношении политики государства. К тому же они не обязательно должны совершаться сообща. В ходе проведенного исследования проявлена весьма незначительная включенность респондентов в структуры общественных организаций и объединений: от 8% (Пермский край) до 24% (Свердловская область; табл. 3).

Таблица 3. Членство в общественных организациях

Регион	Состою	Не состою
Республика Башкортостан	18	82
Вологодская область	18	82
Курская область	10	90
Пермский край	8	92
Свердловская область	24	76
Тюменская область	13	87
Чеченская Республика	11	89
Источник: (Свидетельство..., 2024).		

Большинство респондентов заявили о том, что они состоят в профсоюзах. Далее идут политические партии, некоммерческие организации. Члены религиозных организаций и объединений оказались почти не затронуты нашим широкомасштабным исследованием.

Среди форм реализации гражданских практик на первом месте оказалось участие в выборах, далее идет сбор пожертвований, средств, вещей, на третьем месте – участие в коллективном благоустройстве и субботниках. Ведущими мотивами участия в общественной деятельности стали такие, как *желание изменить жизнь к лучшему в своем городе (поселке, селе), стране; стремление решить проблему, которая волнует, отстаивать свои права и интересы; желание помочь людям, которые находятся в трудной ситуации*. Отметим, что после 6 августа 2024 года, когда противник зашел на территорию России в Курской области, в результате чего более 150 тыс. жителей курского приграничья покинули свои дома и многие из них оказались в ПВР (пунктах временного размещения), на первое место в системе мотивации обращения к гражданским практикам вышел один мотив – *желание помочь людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации*.

Если обратиться к вопросу о препятствиях, которые не позволяют обращаться жителям российских регионов к общественной деятельности, то здесь доминантными стали: привычка надеяться на власть (патернализм), безразличие к общим делам, а также неверие в возможность оказывать влияние на решения властей. В глубинных интервью, проведенных в Курской области весной 2024 года с экспертами – с теми, кто максимально активно вовлечен в гражданские практики, возглавляет волонтерские организации или соответствующие центры – в качестве препятствий к занятиям общественной деятельностью были названы такие, как образ жизни, нехватка времени, недостаточная осведомленность о возможностях участия, отсутствие доверия к общественным организациям и самим организаторам, а также переизбыток возможностей и способов реализации гражданских практик.

Перед лицом современных вызовов жители российских регионов не опускают руки, напротив, эти вызовы становятся триггерами проявления новых форм гражданской активности, благодаря чему надежда и оптимизм существенно преобладают над отчаянием и безысходностью. Гражданское участие жителей российских регионов проявляется в разнообразных гражданских практиках, оказывая весомое влияние на социальные процессы.

### Библиографический список

1. Байков Н.М. Доверие как основополагающий базис гражданского общества // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 1 (82). С. 55–64. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-82-1-55-64
2. Лапин Н.И. Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 104–115. DOI: 10.31857/S013216250014468-7
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). Москва: Ин-т философии Российской академии наук, 2010. 111 с.
4. Левашов В.К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 113–127. DOI: 10.31857/S0132162524040107
5. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024623834 Российская Федерация. База данных «Социокультурный портрет регионов России – 2023»: № 2024623498: заявл. 15.08.2024; опубл. 30.08.2024 / А.А. Шабунова, Л.А. Беляева, Г.Ф. Ромашкина [и др.]; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», 2024.
6. Сунгуров А.Ю. Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 55–64.
7. Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А. Гражданское общество: либеральное или разнообразное? // Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049923030012

### Информация об авторе

Когай Евгения Анатольевна (Россия, Курск) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Курский государственный университет (Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; eakogay@mail.ru)

Kogay E.A.

### CIVIL PRACTICES OF REGIONAL RESIDENTS IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

**Abstract.** *The author addresses the issue of civic culture and corresponding practices in Russian regions. Based on the data of a field sociological study conducted in seven subjects of the Russian Federation in 2023, an assessment is given of institutional and generalized trust as the foundation of civil society. Questions are raised about the involvement of regional citizens in public organizations, about motivators and demotivators of civic activity.*

**Keywords:** *geopolitical challenges, civil society, trust, public organizations, practices.*

## References

1. Baykov N.M. (2018) Trust as a fundamental basis of civil society // Power and administration in the East of Russia. No. 1 (82). P. 55–64. Available at: <https://doi.org/10.22394/18184049-2018-82-1-55-64>
2. Certificate of state registration of the database No. 2024623834 (2024) Russian Federation. Database Socio-cultural portrait of the regions of Russia – 2023: No. 2024623498: declared. 15.08.2024: published. 30.08.2024 / A.A. Shabunova, L.A. Belyaeva, G.F. Romashkina [et al.]; applicant Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”.
3. Lapin N.I. (2021) Basic interaction of people and civil-public culture as a subject of study // Sociological research. No. 5. P. 104–115. Available at: <https://doi.org/10.31857/S013216250014468-7>
4. Lapin N.I., Belyaeva L.A. (2010) Program and standard toolkit “Sociocultural portrait of a region of Russia”: (Modification-2010). M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 111 p.
5. Levashov V.K. (2024) Citizens of Russia on the Hybrid Socio-Political Reality in the Country // Sociological Research. No. 4. P. 113–127. Available at: <https://doi.org/10.31857/S0132162524040107>
6. Sungurov A.Yu. (1997) Formation of civil society in St. Petersburg and Russia // Social sciences and modernity. No. 3. P. 55–64.
7. Sungurov A.Yu., Kiseleva D.A. (2023) Civil society: liberal or diverse? // Social sciences and modernity. No. 3. P. 7–22. Available at: <https://doi.org/10.31857/S0869049923030012>

## Information about the author

Evgenia A. Kogay (Russia, Kursk) – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology, Kursk State University (33, st. Radishcheva, Kursk, 305000, Russia; [eakogay@mail.ru](mailto:eakogay@mail.ru))

## **ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПАРАДИГМЕ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА: ЕСТЬ ЛИ МЕЖДУ НИМИ ПОНИМАНИЕ?**

**Аннотация.** *Исследуется поведение участников долгового рынка в условиях кризисов с 2016 по 2024 г. Показано, что парадигма поведенческих финансов демонстрирует особенности и результаты регулирующих воздействий государственных финансов на корпоративный долг. Принимая гипотезу о том, что инвесторы могут подвергаться эффектам «стадного поведения» в краткосрочном периоде, в долгосрочном периоде регулирующие воздействия имеют более стабильные результаты.*

**Ключевые слова:** *поведенческие финансы, нестабильность, кризис, связанность экономики.*

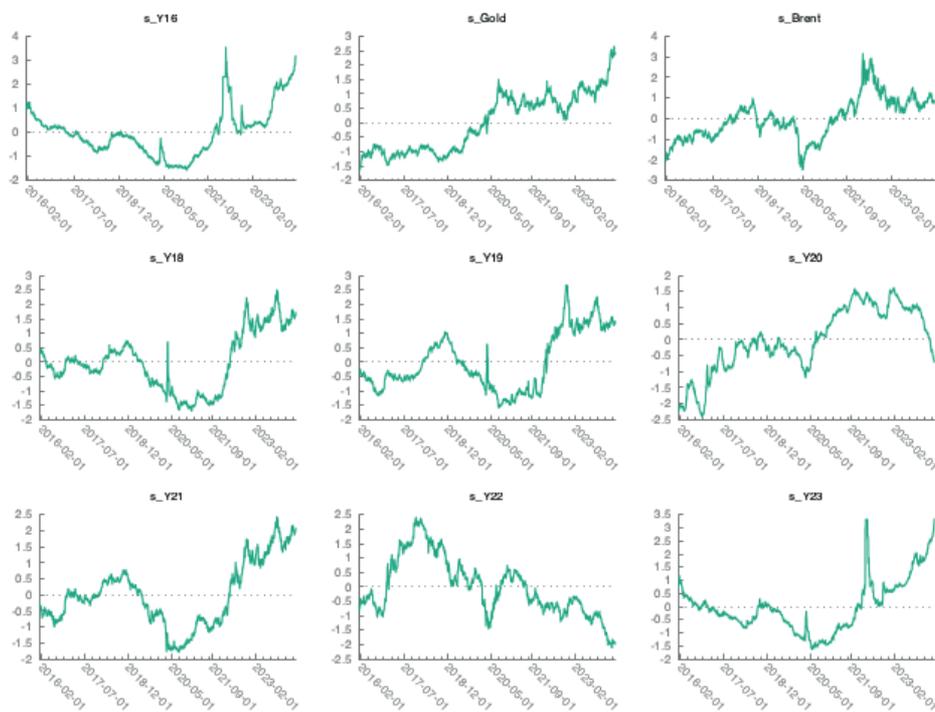
### **Благодарность**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01321 «Анализ поведения участников долгового рынка в условиях кризисных ситуаций в связанных экономиках».

Финансовое поведение традиционно находится в поле зрения экономического анализа: экономикс, классических экономистов, институционалистов, финансовых аналитиков (Stiglitz, 2000; Stockhammer, 2020). Значительно позже интерес расширился за счет научных исследований психологов, социологов, включая поведенческие финансы (Costa, Carvalho, 2019; Maarouf, 2019; Jain et al., 2020; Mittal, 2022). Возможно, такой интерес вызван тем, что финансы исторически развивались как особая система деятельности. Рыночный интерфейс взаимосвязей производства и потребления проявляется в трех различных сферах экономической деятельности, но финансы предоставляют инфраструктуру для производственных и торговых потоков (Ricciardi, Simon, 2000). Очевидно, что эти потоки должны быть обеспечены неким количеством ресурсов. Проблема и вопрос заключаются в том, каким образом эти ресурсы могут достаточно эффективно обеспечивать социально-экономическое развитие (Costa, Carvalho, 2019). Объяснения предоставляет теория капитала (Иванов, 2014), а также современные неoinституциональные теории с выделением роли «экономического человека». Как теория неoinституционализм развивался, дополняя направление экономикс. Парадигма Дж. Коммонса дает объяснение общественных отношений с позиции рационально мыслящего «экономического человека», расширяется посредством учета ценового механизма в условиях совершенной конкуренции (Maarouf, 2019). Если рассуждать в терминах экономикс, которая говорит о «невидимой руке рынка», то следует говорить о «видимой руке регулятора». Существует множество подходов, исследований, которые отвечают на данные вопросы, вступая в дискуссию о согласованном поведении человека и государственных институтов в экономике и финансах (Ромашкина и др., 2023; Jain, Walia, 2020; Mittal, 2022). Глобальные кризисы можно связать со сменой технологического цикла, но возможно, технологические изменения являются результатом изменений в социальном поведении (Maarouf, 2019). Финансовая глобализация как часть научно-технического прогресса привела к международной экспансии финансовых посредников и интернационализации систем финансового регулирования. Государства усиливают степень вовлечения институтов в экономические и социаль-

ные процессы. Потрясения, которым подверглась мировая финансово-экономическая система на протяжении последних пяти лет, многие называют беспрецедентными (Albulescu, 2021). Мы согласны с этим. Взаимное проникновение объяснительных схем экономических и поведенческих теорий порождается новыми примерами ужасающих потрясений.

Новый коронавирусный кризис (COVID-19) вспыхнул в Китае (г. Ухань) и вскоре стал глобальным. На 11 марта 2020 года вирус уже поразил более 100 000 человек в более чем 100 странах, убив тысячи людей. Спустя два месяца число случаев заражения превысило 5 миллионов человек, а на глобальном уровне было зарегистрировано несколько сотен тысяч смертей. В то же время фондовые рынки зафиксировали несколько шоковых волн начиная с февраля 2020 года, тогда как финансовая волатильность продолжала расти в условиях неопределенности в связи с COVID-19. Даже на предпандемическом этапе COVID-19 серьезно повлиял на реальную экономику, оказав негативное влияние на торговлю, туризм и транспортную отрасль, и вызвал локальные дефициты продовольствия (Albulescu, 2021; Lin et al., 2024; Yueshan, Chen, 2024). Появившаяся информация о политической нестабильности в Европе привела к новому витку нестабильностей, и совершенно непонятно, как взаимодействовали между собой товарные рынки и государственные финансы, инвесторы, регуляторы (Lin et al., 2024). Казалось бы, государства должны быть озабочены удержанием мировой финансовой системы в равновесии, но почему же это не всегда справедливо? Мы добавляем новые данные к тому, что следует назвать взаимным проникновением политических, социальных, экономических и финансовых потрясений.



**Динамика ежедневных значений нормализованных переменных (2016–2024 гг.)**

Динамика нормализованных значений переменных, отражающих, как экономика и финансовые системы Китая, России и США проходили кризисы в период 2016–2024 гг., показана на рисунке: цена золота Gold (в \$ тыс.), нефти Brent; индексы до-

ходностей долговых бумаг (облигаций): Y16 3–5-летних корпоративных облигаций РФ (корпоративный долг российских компаний), Y17 государственных облигаций США, Y18 корпоративных облигаций США, Y19 корпоративных облигаций Китая (\$), Y20 корпоративных облигаций Китая в юанях, Y21 государственных 10-летних облигаций США, Y22 государственных облигаций Китая в юанях, Y23 государственных облигаций России в рублях.

Ответы на то, что можно назвать взаимосвязанными экономикками, весьма интересны с точки зрения множества теорий и концепций, а также попыток связать все это с цифровыми данными. Отметим, что ожидаемые доходности и фьючерсные цены на нефть и золото отражают доверие к соответствующим активам. Отличие заключается в том, что чем ниже доверие к долговым бумагам, тем выше их ожидаемая доходность. При этом фьючерсная цена растет, если инвесторы пытаются спрятать свои деньги в более, на их взгляд, надежные активы – золото и валюту. Одновременно растут цены на нефть по мере того, как оживляется экономика. Также мы связываем динамику с поведением регулятора (центрального банка) и инвесторов. Эмпирический анализ и результаты математического моделирования демонстрируют, что, например, поведение государственного банка России не оказывает стабилизирующего влияния на рынок, напротив, раскручивает недоверие к внутреннему российскому рублевому рынку. Китайский корпоративный долг ведет себя независимо от внешнего рынка, но оказывает сильное влияние на рост доходности государственного долга России.

#### **Библиографический список**

1. Иванов Д.В. Концепции капитала от Карла Маркса до Марка Цукерберга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Сер. 12. 2014. Вып. 1. С. 126–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-kapitala-ot-karla-marksa-do-marka-tsukerberga>
2. Ромашкина Г.Ф., Скрипнюк Д.Ф., Андрианов К.В. Индикаторы развития кризисов и финансовое поведение субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 207–223. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.2.207-223
3. Agudelo D.A., Múnera D.J. Who are the vectors of contagion? Evidence from emerging markets. *International Review of Financial Analysis*. 2023. № 87. DOI: 10.1016/j.irfa.2023.102599
4. Albulescu C.T. COVID-19 and the United States financial markets' volatility. *Finance Research Letters*. 2021. № 38. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101699
5. Bofinger P. [et al.]. Schumpeter's insights for monetary macroeconomics and the theory of financial crises. *Industrial and Corporate Change*. 2023. № 32 (2). P. 573–603. DOI: 10.1093/icc/dtad006
6. Costa D.F., Carvalho F.M., Moreira B.C.M. Behavioral economics and behavioral finance: a bibliometric analysis of the scientific fields. *Journal of Economic Surveys*. 2019. № 33 (1). P. 3–24. DOI: 10.1111/joes.12262
7. Jain J., Walia N., Gupta S. Evaluation of behavioral biases affecting investment decision making of individual equity investors by fuzzy analytic hierarchy process. *Review of Behavioral Finance*. 2020. № 12 (3). P. 297–314. DOI: 0.1108/RBF-03-2019-0044

8. Lin X., Meng Y., Zhu H. Exploring hedging potentials of green bonds against oil price shocks: Evidence from quantile-on-quantile connectedness measures. *Finance Research Letters*. 2024. № 65. P. 105640. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105640
9. Maarouf H. [et al.]. Pragmatism as a supportive paradigm for the mixed research approach: Conceptualizing the ontological, epistemological, and axiological stances of pragmatism. *International Business Research*. 2019. № 12 (9). P. 1–12. DOI: 10.5539/ibr.v12n9p1
10. Mittal S.K. Behavior biases and investment decision: theoretical and research framework. *Qualitative Research in Financial Markets*. 2022. № 14 (2). P. 213–228. DOI: 10.1108/QRFM-09-2017-0085
11. Ricciardi V., Simon H.K. What is behavioral finance? *Business, Education & Technology Journal*. 2000. № 2 (2). P. 1–9. Available at: <https://ssrn.com/abstract=256754>
12. Stiglitz J.E. Capital market liberalization, economic growth, and instability. *World development*. 2000. № 28 (6). P. 1075–1086. DOI: 10.1016/S0305-750X(00)00006-1
13. Stockhammer E., Bengtsson E. Financial effects in historic consumption and investment functions. *International Review of Applied Economics*. 2020. № 34 (3). P. 304–326. DOI: 10.1080/02692171.2020.1732307
14. Yueshan Li, Chen S., Sensoy A., Wang Lu. Over-expected shocks and financial market security: Evidence from China's markets. *Research in International Business and Finance*. 2024. № 68. P. 102194. DOI: 10.1016/j.ribaf.2023.102194

### **Информация об авторах**

Ромашкина Гульнара Фатыховна (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет

Худякова Марина Владимировна (Россия, Тюмень) – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет

Romashkina G.F. Khudyakova M.V.

## **FINANCIAL BEHAVIOR IN THE PARADIGM OF MAN AND THE STATE: IS THERE AN UNDERSTANDING BETWEEN THEM?**

**Abstract.** *The behavior of debt market participants in the context of crises from 2016 to 2024 is studied. It is shown that the paradigm of behavioral finance demonstrates the features and results of the regulatory effects of public finance on corporate debt. Accepting the hypothesis that investors may be subject to herd the effects in the short run, regulatory interventions have more stable effects in the long run.*

**Keywords:** *behavioral finance, instability, crisis, economic connectivity.*

### **References**

1. Agudelo D.A., Múnera D.J. Who are the vectors of contagion? Evidence from emerging markets. *International Review of Financial Analysis*. 2023. № 87. DOI: 10.1016/j.irfa.2023.102599
2. Albulescu C.T. COVID-19 and the United States financial markets' volatility. *Finance Research Letters*. 2021. № 38. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101699
3. Bofinger P. [et al.]. Schumpeter's insights for monetary macroeconomics and the theory of financial crises. *Industrial and Corporate Change*. 2023. № 32 (2). P. 573–603. DOI: 10.1093/icc/dtad006

4. Costa D.F., Carvalho F.M., Moreira B.C.M. Behavioral economics and behavioral finance: a bibliometric analysis of the scientific fields. *Journal of Economic Surveys*. 2019. № 33 (1). P. 3–24. DOI: 10.1111/joes.12262
5. Ivanov D.V. Concepts of capital from Karl Marx to Mark Zuckerberg. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2014. Ser. 12. № 1. P. 126–134. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-kapitala-ot-karla-marksa-do-marka-tsukerberga>
6. Jain J., Walia N., Gupta S. Evaluation of behavioral biases affecting investment decision making of individual equity investors by fuzzy analytic hierarchy process. *Review of Behavioral Finance*. 2020. № 12 (3). P. 297–314. DOI: 10.1108/RBF-03-2019-0044
7. Lin X., Meng Y., Zhu H. Exploring hedging potentials of green bonds against oil price shocks: Evidence from quantile-on-quantile connectedness measures. *Finance Research Letters*. 2024. № 65. P. 105640. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105640
8. Maarouf H. [et al.]. Pragmatism as a supportive paradigm for the mixed research approach: Conceptualizing the ontological, epistemological, and axiological stances of pragmatism. *International Business Research*. 2019. № 12 (9). P. 1–12. DOI: 10.5539/ibr.v12n9p1
9. Mittal S.K. Behavior biases and investment decision: theoretical and research framework. *Qualitative Research in Financial Markets*. 2022. № 14 (2). P. 213–228. DOI: 10.1108/QRFM-09-2017-0085
10. Ricciardi V., Simon H.K. What is behavioral finance? *Business, Education & Technology Journal*. 2000. № 2 (2). P. 1–9. Available at: <https://ssrn.com/abstract=256754>
11. Romashkina G.F., Skripnuk D.F., Andrianov K.V. Indicators of crisis development and financial behavior of subjects of the global economic system in crisis periods. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023. № 14 (2). P. 207–223. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.2.207-223
12. Stiglitz J.E. Capital market liberalization, economic growth, and instability. *World development*. 2000. № 28 (6). P. 1075–1086. DOI: 10.1016/S0305-750X(00)00006-1
13. Stockhammer E., Bengtsson E. Financial effects in historic consumption and investment functions. *International Review of Applied Economics*. 2020. № 34 (3). P. 304–326. DOI: 10.1080/02692171.2020.1732307
14. Yueshan Li, Chen S., Sensoy A., Wang Lu. Over-expected shocks and financial market security: Evidence from China's markets. *Research in International Business and Finance*. 2024. № 68. P. 102194. DOI: 10.1016/j.ribaf.2023.102194

#### **Information about the authors**

Gulnara F. Romashkina (Russia, Tyumen) – Dr. Sci. (Soc.), Professor, Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen

Marina V. Khudyakova (Russia, Tyumen) – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen

## ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

**Аннотация.** *Рассматривается социально-культурный опыт постсоветской России сквозь призму современных вызовов исторического процесса. К этой теме мы обращаемся в контексте задач сохранения российским обществом цивилизационной идентичности в сегодняшних геополитических условиях, предлагая расширить проблемные рамки будущих Лапинских чтений в этом исследовательском направлении.*

**Ключевые слова:** *социокультурный опыт, исторический процесс, постсоветский транзит, цивилизационные вызовы, социальный организм, многонациональный облик, культурная консолидация.*

В контексте темы «Социально-культурная эволюция России и ее регионов» возникает два ключевых вопроса: первый – какие из сегодняшних вызовов России можно отнести к цивилизационным, второй – которые из них по духовно-ценностным смыслам соотносятся с социокультурными трансформациями регионов и общества в целом в постсоветский период российской истории. В рамках такой постановки проблемы в исследование включаются вопросы, инициированные, с одной стороны, задачами сохранения социально-культурной самодостаточности каждым из региональных российских подразделений и стабильности их отношений с центром и друг с другом, а с другой – задачами укрепления целостности России как исторически сложившейся цивилизации. Обе задачи возникают как ответ на мировые тренды исторического процесса, вызванный изменениями в институциональных и общественных структурах, их движением к всеобщим социальным стандартам и нормативам жизнедеятельности социума. В рамках такого подхода к ключевой теме, требующей конструктивного осмысления, встает проблема социокультурной эволюции России в сопряжении с факторами цивилизационного развития.

В этом направлении проходили коллективные обсуждения темы на платформе состоявшихся I и II Лапинских чтений, в ходе которых была центрирована ключевая проблема: какие векторы общественной жизнедеятельности (просвещение, образование, здравоохранение, качество жизни, культурные запросы населения, национальные традиции и др.) являются не только качественными показателями жизни российского общества, но и системными факторами его поступательного развития. Это позволило выдвинуть на обсуждение сложный вопрос: в какой мере предпринимаемые Россией усилия по развитию ее многонационального и поликультурного облика отвечают всеобщему вектору восходящего исторического движения, а Россия сохраняет себя самобытной цивилизацией?

Результаты обсуждения проблемы в таком ключе обобщены в известных научной общественности коллективных работах и индивидуальных монографиях: «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», «Социокультурные исследования постсоветского транзита России», «Социокультурная эволюция России. 30 лет исследований», «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях», Н.И. Лапин «Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход». В ходе проведенных исследований, опирающихся на базу конкретно-социологических данных по регионам, был апробирован аналитический

подход, особенностью которого стало единение социально-философского и социологического видения проблемы (Лапин, 2021; Социокультурные исследования..., 2022). В его методологических рамках общество предстает как социальный организм, живущий, творящий и развивающийся в трех взаимосвязанных и дополняющих друг друга измерениях – природном, культурном и социальном, за которыми стоят не только существенные характеристики исторически конкретных общественных состояний и ситуаций, а универсальные, всеобщие параметры человеческой жизнедеятельности. В соответствии с такой методологической установкой был проанализирован социокультурный опыт России за последние 30 лет (Социокультурная эволюция..., 2022). Н.И. Лапин обосновал социокультурный взгляд на проблему как фокусирующий неразрывность названных выше трех измерений человеческого существования (Социокультурные исследования..., 2022, с. 15–55). Креативные исследовательские возможности такого подхода подтверждают материалы главы Н.А. Касавиной «Проблема ценностей как методологическая ось понимания социокультурной реальности» (Социокультурные исследования..., 2022, с. 61–77), Л.А. Беляевой «Социальная структуризация российского общества: от советского периода к современности» (Социокультурные исследования..., 2022, с. 174–245), Ю.Д. Гранина «Социальное государство. Становление и эволюция» (Социокультурные исследования..., 2022, с. 77–114). Реализованный авторами подход к рассмотрению социокультурного развития регионов России, опирающийся на обширную эмпирическую базу соответствующих социологических исследований, позволил представить и объяснить происходящие в стране социально-культурные изменения сквозь призму сегодняшних цивилизационных вызовов. Это в свою очередь раскрыло смыслы ориентации российского общества на социально-культурное единение в контексте происходящих в миропорядке всеобщих изменений.

В таком же методологическом ключе осуществлен анализ проблемы в коллективной монографии «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях», подготовленной по материалам I Лапинских чтений, где социально-культурная стабильность рассматривается как основание поступательного движения России и условие ее цивилизационного развития (Консолидация..., 2023, с. 43–83). В центре авторского внимания – проблема сохранения цивилизационной идентичности в условиях модернизации и глобализации. Очевидно, что эта тема в различных интерпретациях и проблемных модификациях будет оставаться актуальной и востребованной долгое время. Следует сказать, что интерес к ней в ракурсе цивилизационного подхода возник не сегодня и имеет свою долгую историю. В подтверждение этого достаточно вспомнить работу (Данилевский, 2018). Поставленная автором проблема не утратила актуальности, хотя и вышла за обозначенные им исследовательские рамки (Сиземская, 2021; Цивилизация..., 2023). Сегодня мир еще более, чем в конце XIX века, «не вращается вокруг Запада», а Россия включается в мировое сообщество на правах цивилизации, с жизненными устремлениями которой мировому сообществу приходится считаться. Представляется, что этот факт в контексте проблемы социально-культурного развития России требует отдельного осмысления. Он ставит новый круг вопросов, среди которых может быть вопрос о социально-культурных отношениях России с Западом и Запада с Россией в прошлом и в настоящем, об их культурной близости, возникшей более двухсот лет назад. Вопрос непосредственно соотносится с сегодняшними вызовами России, задачами сохранения ею национальной идентичности и социальных нормативов цивилизационного

развития. Эмпирический материал об отношении респондентов к этой теме может дополнить информационную базу социологических исследований по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», а также быть включен в предметный диапазон будущих Лапинских чтений.

### Библиографический список

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
2. Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием I Лапинские чтения (г. Москва, 21–22 ноября 2022 г.). Вологда: ВолНЦ РАН, 2023. 253 с.
3. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. Москва: Весь мир, 2021. 364 с.
4. Сиземская И.Н. «Россия – Европа» в зеркале отечественной философской мысли // VOX. Философский журнал. 2021. Вып. 3. № 3. DOI: 10.37769/2077-6608-2021-33-3
5. Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, А.А. Шабуновой. Москва: Весь мир, 2022. 190 с.
6. Социокультурные исследования постсоветского транзита России / под общ. ред. Н.И. Лапина. Москва: ИФРАН, 2022. 369 с.
7. Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 540 с.

### Информация об авторе

Сиземская Ирина Николаевна (Россия, Москва) – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; sizemskaya@mail.ru)

Sizemskaya I.N.

### CIVILIZATIONAL CHALLENGES OF RUSSIA IN NEW SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONS

**Abstract.** *The article examines the socio-cultural experience of post-Soviet Russia through the prism of modern challenges of the historical process. The author addresses this topic in the context of the tasks of preserving civilizational identity by Russian society in today's geopolitical conditions, suggesting expanding the problematic framework of future Lapin readings in this research area.*

**Keywords:** *socio-cultural experience, historical process, post-Soviet transit, civilizational challenges, social organism, multinational appearance, cultural consolidation.*

### References

1. Danilevsky N.Ya. (2008) Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Roman world. M.: Institute of Russian Civilization. 816 p.
2. Consolidation of Russian society in the new geopolitical realities. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation (2023). I Lapin Readings (Moscow, November 21–22, 2022). Vologda: VolNTS RAN. 253 p.

3. Lapin N.I. (2021) The complexity of the formation of a new Russia. The anthroposociocultural approach. M.: The Whole world. 364 p.
4. Sizemskaya I.N. "Russia – Europe" in the mirror of Russian philosophical thought // VOX. The Philosophical Journal. 2021. Iss. 3. No. 3. DOI: 10.37769/2077-6608-2021-33-3
5. Socio-cultural evolution of Russia: 30 years of research / Under the general editorship of N.I. Lapin, L.A. Belyaeva, A.A. Shabunova (2022). Moscow: Publishing house "The Whole World". 190 p.
6. Sociocultural studies of the post-Soviet transit of Russia / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences N.I. Lapin (2022). Moscow: IFRAN. 369 p.
7. Civilization: a variety of meanings. Memoria / rev.ed., comp. A.V. Smirnov, N.A. Kasavina, S.A. Nikolsky. M., St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2023. 540 p.

#### **Information about the author**

Irina N. Sizemskaya (Russia, Moscow) – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Social Philosophy Sector, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; sizemskaya@mail.ru)

## СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

**Аннотация.** В статье представлены результаты многолетних наблюдений за социокультурным развитием Вологодской области, отражено изменение ценностных установок, оснований территориальной идентичности и оценок населением места проживания. Показана взаимосвязь между социокультурным и демографическим развитием региона, обсуждены основные демографические вывозы, сформулированы предложения по учету изучаемых характеристик в управлении территориями.

**Ключевые слова:** социокультурные особенности, ценности, территориальная идентичность, демография, рождаемость, старение, миграция, регионы.

Исследование построено на информационной базе, полученной в рамках исследования, проведенного в семи регионах России в 2023 году по единому инструментарию<sup>1</sup>. Территория охвата включала в себя Республику Башкортостан, Вологодскую, Курскую, Свердловскую, Тюменскую области, Пермский край и Чеченскую Республику, в которых в совокупности было опрошено 2914 человек. Репрезентативность выборки была обеспечена по параметрам пола, возраста, типа поселения и уровня образования. Ошибка выборки не превышает 3%. Мы обратимся к результатам, полученным в Вологодской области. Связь с демографией обусловлена тем, что все ценностные установки, все настроения, которые возникают в регионе, отражаются не только на его социально-экономическом, но и на демографическом развитии. В Вологодской области исследование проведено совместно с региональным отделением Союза женщин России. Сбор данных и результаты работы вызвали большой интерес в муниципалитетах.

Обратимся к ценностным ориентациям населения: в 2006 году в центре внимания были ценность порядка и ценность семьи. На сегодняшний день, благодаря Череповцу и отчасти районам, в круг ценностей вошли жизнь, порядок, общительность, семья и благополучие. Положительно влияет целенаправленная работа, которая проводится с населением по распространению традиционных ценностей.

Также мы рассмотрели, как менялись ценностные установки молодежи. На первом месте среди ценностей стоит жизнь человека. Для работающей молодежи в возрасте 25-35 лет одно из центральных мест в иерархии ценностей занимает материальное благополучие, поскольку молодые люди стремятся найти интересную работу с достойной оплатой. Интегрирующий резерв молодежи идентичен более взрослому резерву населения, подобно тому как идентичны ценности дифференциала и периферии.

Рассмотрим незащищенность населения от одиночества, характерную в наши дни не только для людей так называемого серебряного возраста. Чувство одиночества, ненужности, невключенности отмечают 52% опрошенных среди всех слоев населения. Это соотносится с тезисами Ж.Т. Тощенко и Н.И. Лапина об атомизации общества, о том, что семья стала нуклеарной. На наш взгляд это обостряет чувство

<sup>1</sup> Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Социокультурный портрет регионов России» № 2024623834 от 30.08.2024.

одинокости. Следующая важная составляющая незащищенности – страх превратиться в малоимущего, бедного человека вследствие потери работы. Кроме того, жители Череповца отмечают высокий уровень незащищенности от экологических угроз, поскольку в черте города расположены два больших комбината. Снижение уровня доверия к правоохранительным органам (полиции, прокуратуре, суду) только подтверждает тезис об атомизации.

Оценка места проживания важна для понимания основ территориальной идентичности, поскольку в Вологодской области сохраняется тенденция на убыль населения (в том числе за счет миграционной убыли). По результатам опроса жители региона наиболее высоко оценивают доступность образования, работу общественного транспорта, органов внутренних дел, благоустройство территорий и досуг. Остальные сферы меньше удовлетворяют местное население, и ниже других в этом перечне стоит доступность медицинских услуг. В Вологодской области коэффициент совмещения и коэффициент заполнения ставок врачей – один из самых низких в России. В 2024 году в регионе открылся филиал Ярославского медицинского университета с целью восполнить дефицит кадров, но для их подготовки потребуются как минимум 6 лет. Наиболее остро эта проблема встает для малых городов и сельской местности. По мнению населения в первую очередь необходимо повысить качество медицинского обслуживания, увеличить зарплаты, создать новые доступные рабочие места, обеспечить доступность жилья. На данный момент в регионе цена на жилье как на первичном, так и на вторичном рынках достаточно высокая, как и стоимость съемного жилья. Сложившаяся ситуация неоднократно сказывалась на репродуктивных намерениях молодежи.

Несмотря на очевидные проблемы, большая часть населения региона довольна уровнем жизни. Тех, кто хотел бы уехать в другой регион России или за рубеж – 4 и 2% соответственно. Также мы изучили мнение населения по поводу ожиданий относительно места проживания их детей. Значительная доля жителей региона (в частности, областной столицы) хотели бы, чтобы их дети остались на малой родине. Наряду с этим существует и тенденция, направленная на необходимость переехать, поскольку, по мнению многих родителей, в другом регионе у ребенка будет возможность получить престижное образование, а, значит, перед ним откроется гораздо больше перспектив.

Стоит отметить, что сложившиеся социокультурные характеристики находят отражение в демографических трендах. Так, с начала нулевых миграционная убыль населения усилилась, естественный прирост снизился. Суммарный коэффициент рождаемости (достигал значения 2) был на достойном уровне только в 2014–2015 гг., когда иммиграция была меньше. За последнее десятилетие он снизился довольно сильно (до 1,5 в РФ и 1,42 в ВО), достичь целей нацпроекта «Демография» по данному показателю очень сложно (Демографическое развитие..., 2023).

В Вологодской области и в целом по России гендерный разрыв по показателю смертности является достаточно высоким. Количество мужчин и женщин в возрасте 40–45 лет почти равное; после 45 лет повышается смертность среди мужчин, и в конечном итоге разница в ожидаемой продолжительности жизни достигает 10–11 лет. Кроме того, накладывается региональная специфика, для которой характерен недостаток медицинских работников и запрос на повышение качества медицинского обслуживания.

В 20-30-е гг. XX века в России начинается процесс урбанизации. Молодые, инициативные люди переезжают из сельской местности в малые и крупные города в поисках лучших условий для жизни и работы. На данный момент статистика показывает, что Вологда и Череповец могут вскоре потерять статус крупных городов. За последний год практически все муниципальные районы Вологодской области были преобразованы в округа, что повлекло за собой потерю полномочий и укрупнение на уровне поселений. Это вызвано тем, что в поселениях мало жителей, поэтому содержать большое количество управленческих структур нерентабельно.

Сокращение населения неуклонно растет, и это необходимо учитывать при планировании социально-экономического развития, а также при реализации национальных проектов, в частности проекта "Демография". Кроме того, существенной проблемой являются показатели муниципальной статистики. В Вологодской области отсутствуют единые методики сбора данных, что затрудняет управление демографическим развитием территорий. Также серьезной демографической проблемой является старение населения, обусловленное низкой рождаемостью и тем, что многие молодые трудоспособные люди уезжают в другие регионы. В красной зоне находятся многие округа области - это более 30% населения старше 65 лет. Также есть поселения, в которых нет жителей моложе 45 лет. Проблема старения является серьезной и для городов. Безусловно, важно помогать старшему поколению социализироваться, однако для органов власти это означает необходимость существенно повысить качество жизни.

Последняя задача, на которую мы обращаем внимание – это повышение компетентности органов власти в сфере демографии. По всей стране при поддержке Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при ООН РАН и Институте демографических исследований РАН открываются центры развития кадрового потенциала в области демографии. В Вологодской области в апреле 2024 года на базе Вологодского научного центра РАН и Череповецкого государственного университета также открыт центр, планируется организация курсов ДПО для управленцев и запуск программ магистратуры по демографии (Ростовская и др., 2025). Кроме того, важны совершенствование статистического учета, грамотная жилищная политика, повышение доступности здравоохранения и образования. Традиционные специальности в вузах региона не покрывают потребностей молодежи в креативных специальностях, которые дают расширенные возможности для трудоустройства и социализации. Над этим тоже надо работать.

В завершение отметим, что для научного сообщества важно доносить знания на понятном языке в органы управления, работать через экспертные или иные институты. Ситуационные центры в регионах быстро собирают информацию, однако важно осознание и понимание ситуации через призму аналитического опыта. Исследовательская информация и научные выводы должны ложиться в основу решений, которые принимаются органами власти.

### **Библиографический список**

1. Демографическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа: IV региональный демографический доклад / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленько, А.А. Соколова, А.А. Колесов; под ред. А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН, 2023. 155 с.

2. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Рычихина Н.С. (2025). Профессиональный стандарт «Демограф»: от квалификации специалистов к эффективным решениям в области демографии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 66–79. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.3

### **Информация об авторе**

Шабунова Александра Анатольевна (Россия, Вологда) – доктор экономических наук, директор, Вологодский научный центр РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д.56а; aas@volnc.ru)

Shabunova A.A.

## **SOCIOCULTURAL FEATURES AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REGION**

**Abstract.** *The article presents the results of long-term observations of the socio-cultural development of the Vologda region, reflects the change in value attitudes, the basis of territorial identity and the population's assessment of the place of residence. The relationship between the socio-cultural and demographic development of the region is shown, the main demographic exports are discussed, proposals are formulated for taking into account the characteristics under study in territorial management.*

**Keywords:** *socio-cultural features, values, territorial identity, demography, birth rate, aging, migration, regions.*

### **References**

1. Demographic development of the regions of the Northwestern Federal District: IV regional demographic report / A.A. Shabunova, O.N. Kalachikova, A.V. Korolenko, A.A. Sokolova, A.A. Kolesov; edited by A.A. Shabunova; Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda: VolNC RAS, 2023. 155 p.
2. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Rychikhina N.S. (2025). Professional standard “Demographer”: from the qualifications of specialists to effective solutions in the field of demography // Economic and social changes: facts, trends, forecast. Vol. 18. No. 1. P. 66–79. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.3

### **Information about the author**

Alexandra A. Shabunova (Russia, Vologda) – Doctor of Economics Sciences, director, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia; aas@volnc.ru)

**СЕКЦИЯ**

**«Социокультурное развитие регионов России»**

***Сессия 1***

## МЕТОДИЧЕСКИЕ НАРАБОТКИ ПО ОЦЕНКЕ ЦИФРОВОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ

**Аннотация.** *Цифровая трансформация экономики и общества несет в себе множество изменений, которые еще недостаточно изучены и требуют дальнейшей разработки поиска подходов, методик и новых показателей, систематизации опыта снижения цифровых неравенств. В статье представлены две авторские методики оценки цифрового благополучия населения, одна из которых позволяет проводить сравнение российских регионов, вторая направлена на более углубленное изучение субъективных характеристик цифрового благополучия регионального населения.*

**Ключевые слова:** *цифровое благополучие, цифровые разрывы, инструментарий, методика, население, регионы России.*

Специалисты Вологодского научного центра РАН на протяжении долгого времени участвуют в изучении социокультурных характеристик регионального развития, параметров и трендов социокультурной модернизации российских регионов. Исследования проводятся в рамках программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» и научной школы д.ф.н., член-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Результаты многолетних исследований базируются на мониторинговых социологических наблюдениях, позволяют фиксировать и анализировать основные тренды и трансформации в социокультурном облике регионов.

Так, выясняется, что социокультурное развитие региона очень многогранно и многоаспектно, его факторы и последствия имеют взаимообусловленное влияние, а скорость изменений постоянно увеличивается. Социокультурный контекст детерминирован глобальными вызовами, среди которых важное место занимают процессы цифровизации экономики, управления, пространства повседневности. Все эти «рамки» отличаются различной степенью неопределенности, поэтому в будущем будут стимулировать появление все новых социокультурных трансформаций, требующих изучения (Землянова, 1995; Bell, 1960; Toffler, 1980; Webster, 1997). Современный мир стоит на пороге четвертой промышленной революции, основой которой являются новые биологические, физические, цифровые и иные виды технологий. В связи с этим в научном и общественном дискурсе все чаще ставятся вопросы, тем или иным образом характеризующие влияние новых цифровых технологий на экономику и общество.

В данном исследовании обращаемся к изучению цифрового благополучия населения и цифрового неравенства в современной России. Рассматриваем цифровизацию, как форму реализации социокультурной трансформации, а цифровые технологии как механизм и инструмент данного процесса. Обращаясь к изучению цифрового благополучия и цифровых разрывов в социокультурном контексте, мы взяли за основу антропосоциетальный подход Н.И. Лапина (Лапин, 2006) к пониманию общества как взаимопроникновения трех компонент – человека (гр. anthropos), социума (лаг. socium), культуры (лат. cultura). То есть исследуемые аспекты мы рассматриваем именно с позиции человека, оставляя за рамками на данном этапе вопросы цифровизации экономик, управления и т.д.

Под определением цифрового разрыва или неравенства (digital divide) понимается неравномерный и неравный доступ стран, социальных групп и отдельных пользователей к сетевой телекоммуникационной инфраструктуре, цифровым устройствам, услугам и контенту, что является следствием комплекса разных причин технологической, экономической, социально-политической, индивидуальной природы, ограничивающих возможности людей во всех сферах их жизни (van Dijk, 2013; Ragnedda, 2018). Для оценки его масштабов и факторов в современных исследованиях в России и за рубежом разрабатывается теория трех уровней цифрового неравенства. Согласно данной теории цифровой раскол может проявляться на трех основных уровнях: 1) уровне доступа к Интернету и другим ИКТ; 2) уровне цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном использовании цифровых технологий в профессиональной и частной жизни. Цифровые неравенства детерминируются рядом факторов: поселенческий, возрастной, доходный, гендерный, образовательный. Все они находятся в поле зрения исследователей и цифровые разрывы на самых разных уровнях наблюдаются по всему миру.

Под цифровым благополучием населения понимаем такое состояние доступности ИКТ инфраструктуры и цифровой грамотности населения, которое определяет возможности использования цифровой среды для удовлетворения потребностей населения при соблюдении баланса социальных преимуществ и минимизации возможных рисков.

Для определения данного понятия мы исходили из ряда аспектов. Во-первых мы говорим о пригодности к операционализации, во-вторых, о понятии цифрового благополучия, связанного с цифровым разрывом и его уровнями, а минимизация цифрового неравенства, таким образом, должна преследовать достижение цифрового благополучия населения. В-третьих, в концепцию должен быть заложен баланс социальных преимуществ и возможных рисков цифровой среды.

Происходящие в обществе изменения в контексте перехода к цифровой экономике пока еще недостаточно изучены и требуют дальнейшей разработки поиска подходов, методик и новых показателей, систематизации опыта снижения цифровых неравенств. Это предопределило разработку методик оценки цифрового благополучия населения.

Для этого рассмотрены существующие комплексные методики оценки цифрового развития территорий, проанализированы их преимущества и узкие места. Для анализа были выбраны интегральные методики. Стоит отметить, что исследователи также прибегают к рассмотрению данной проблематики с использованием отдельных, не агрегированных показателей. Кроме того, международные индексы не учитывают страновых особенностей. Отечественные исследователи также обращаются к интегральной оценке цифровых аспектов развития различных территорий. Обращаясь к положительным чертам разработанных отечественных методик, стоит отметить, что они являются комплексными, оценивают использование потенциала цифровых технологий не только во всех сферах деятельности, но и в управленческих процессах, включают большой набор показателей количественного и качественного характера, подкреплены значительной экспертной оценкой и соответствуют стратегическим приоритетам страны. Недостатками являются трудность воспроизводимости части методик, ввиду большого набора данных и присутствия качественных

оценок, получаемых в результате анализа нормативно-правовых актов, результатов действий органов власти и экспертных оценок, а также некоторое дублирование показателей.

1. Инструментарий, позволяющий оценить цифровое благополучие населения российских регионов. При разработке собственной методики важным являлось соблюдение ряда принципов: отражение показателями цифрового благополучия населения российских регионов, комплексный характер индекса, доступность данных для всех и/или большей части субъектов Российской Федерации, не перегруженность показателями, возможность воспроизводимости в будущем. Поэтому методика формировалась в несколько последовательных этапов.

Шаг первый. Выбор индикаторов оценки. Они позволяют оценить 4 параметра цифрового благополучия населения региона: доступность Интернета, цифровую грамотность, интеграцию цифровых технологий в повседневную жизнь и в работу социальной сферы (табл. 1).

**Таблица 1. Показатели для расчета индекса цифрового благополучия населения региона**

Параметр	Переменная	Индикатор	Направленность
1. Доступность интернета	X1	Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет	Прямой
	X2	Доля сельских населенных пунктов, не имеющих доступа к широкополосному Интернету, с численностью населения менее 100 человек	Обратный
2. Цифровая грамотность населения	X3	Доля населения, отказывающаяся от использования Интернета по причине отсутствия навыков	Обратный
	X4	Доля населения, владеющего цифровыми навыками (рассчитано по навыку с наибольшей дифференциацией среди регионов)	Прямой
3. Интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь	X5	Доля населения, использующая сеть Интернет для заказа товаров и услуг, в субъектах Российской Федерации, % процентах от общей численности населения, использующего сеть Интернет	Прямой
	X6	Доля населения, взаимодействующая с органами государственной власти и местного самоуправления через интернет, используя официальные сайты и порталы государственных и муниципальных услуг, мобильные устройства, электронную почту и терминалы самообслуживания, % от общей численности населения	Прямой
4. Интеграция цифровых технологий в работу социальной сферы	X7	Обеспеченность персональными компьютерами с доступом в Интернет, используемыми в учебных целях, в общеобразовательных организациях в субъектах Российской Федерации, ед. в расчете на 100 обучающихся	Прямой
	X8	Компьютеризированные посадочные места в библиотеках в субъектах Российской Федерации с возможностью выхода в Интернет, % от общего числа посадочных мест библиотек	Прямой

Следующие шаги касались стандартизации данных с учетом существующей дифференциации показателей, свертки сводных и интегрального индексов. Значение полученного индекса позволяет делить регионы страны на уровне цифрового благополучия населения. Разработанный инструментарий соответствует всем требованиям, предъявляемым к современным интегральным методикам.

## 2. Методика оценки субъективного благополучия

Основной для построения методики стал авторский социологический инструментарий, алгоритм представлен в табл. 2.

Таблица 2. Последовательный алгоритм разработки инструментария исследования

Шаг первый	Разработка социологического инструментария наблюдения за аспектами цифровизации повседневности
Шаг второй	Апробация разработанного инструментария в рамках опроса населения Вологодской области
Шаг третий	Разработка субиндексов Субиндекс глубины виртуализации повседневной жизни Субиндекс цифровых компетенций Субиндекс интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти Субиндекс осознания потенциальных цифровых рисков Каждый из субиндексов рассчитывается по определенным вопросам социологического мониторинга, процедура раскрыта ниже
Шаг четвертый	Создание комплексного индекса цифрового благополучия населения Индекс рассчитывается как среднеарифметическое субиндексов
Шаг пятый	Интерпретация результатов

Для каждого респондента в выборке были рассчитаны субиндексы и комплексный индекс цифрового благополучия. Значения субиндекса и комплексного индекса варьируются в пределах от 0 до 1. В данном случае мы не выводим какое значение индексов является оптимальным, или характеризует уровни благополучия, используем результаты для сравнения внутри исследуемой выборки, получение большего объема данных для наблюдения позволит сделать анализ более дифференцированным. На данный момент результаты рассматриваются по различным группам населения, проживающим на разных территориях, различного возраста, пола, материального достатка, уровня образования, семейного положения и т.д.

Подведем итоги.

Индикаторы цифрового развития являются одними из наиболее лабильных современных характеристик социально-экономического развития и благополучия человека. Поэтому актуальным является наблюдение за ними в мониторинговом режиме, с использованием различных методов, углубленное изучение отдельных аспектов, наращивание эмпирической базы по данной проблематике.

Разработана методика оценки цифрового благополучия населения российских регионов, которая соответствует требованиям, предъявляемым к индексным методикам, является воспроизводимой, представительной, данные для расчета доступны. Для более широкого учета социальных преимуществ и потенциальных рисков необходимы дополнительные усилия по теоретико-методологическому обоснованию и расширению эмпирической базы.

Для углубления исследований и проверки ряда гипотез на уровне регионального сообщества был разработан методический инструментарий оценки субъективного цифрового благополучия человека. Он, по сути, отражает результаты цифровизации на микроуровне, но интерпретация результатов позволяет судить о различиях в благополучии регионального сообщества с учетом различных факторов.

### Библиографический список

1. Землянова Л.М. (1995) Современная американская коммуникативистика. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 270 с.
2. Лапин Н.И. (2006) Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 9(3). С. 25–42.
3. Bell D. (1960) The End of Ideology. New York: Free Press. 424 p.

4. Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006
5. Toffler A. (1980) *The Third Wave*. NY: Bantam Books. 552 p.
6. van Dijk J. (2013) A theory of the digital divide. In M. Ragnedda, G.W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. New York: Routledge. P. 28–51.
7. Webster F. (1997) *Theories of Information Society*. London: Routledge. 312 p.

### **Информация об авторе**

Груздева Мария Андреевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, зав. центром социально-демографических исследований, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; mariya\_antonovarsa@mail.ru)

Gruzdeva M.A.

### **METHODOLOGICAL DEVELOPMENTS FOR ASSESSING THE DIGITAL WELL-BEING OF THE POPULATION**

**Abstract.** *The digital transformation of the economy and society brings with it many changes that have not yet been sufficiently studied and require further development of the search for approaches, methods and new indicators, systematization of the experience of reducing digital inequalities. The article presents two original methods for assessing the digital well-being of the population, one of which allows for a comparison of Russian regions, the second is aimed at a more in-depth study of the subjective characteristics of the digital well-being of the regional population.*

**Keywords:** *digital well-being, digital divides, tools, methods, population, regions of Russia.*

### **References**

1. Zemlyanova L.M. (1995) *Contemporary American Communication Studies*. Moscow: Moscow University Press. 270 p.
2. Lapin N.I. (2006) *Anthroposocietal Approach // Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2006. No. 9(3). P. 25–42.
3. Bell D. (1960) *The End of Ideology*. New York: Free Press. 424 p.
4. Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
5. Toffler A. (1980) *The Third Wave*. NY: Bantam Books. 552 p.
6. van Dijk J. (2013) A theory of the digital divide. In M. Ragnedda, G.W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. New York: Routledge. P. 28–51.
7. Webster F. (1997) *Theories of Information Society*. London: Routledge. 312 p.

### **Information about the author**

Maria A. Gruzdeva (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Social and Demographic Research, Leading Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky St., 56a, mariya\_antonovarsa@mail.ru)

## ПРОФИЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЯ УСЛУГ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ СФЕРЫ В РЕГИОНЕ

**Аннотация.** Исследование посвящено анализу состояния и перспектив развития культурно-досуговой сферы в Вологодской области. Особое внимание уделено социально-демографическому профилю потребителей культурных услуг. На основе данных статистики и мониторинга общественного мнения за 2022 год выявлены ключевые проблемы, такие как сокращение числа культурных учреждений, недостаточное развитие материально-технической базы в сельской местности, а также неравномерность доступа к услугам культуры в разрезе «город – село». Выявлены «проблемные» группы, такие как пожилые люди, малообеспеченные и жители сельских территорий, которые сталкиваются с финансовыми и временными ограничениями, препятствующими участию в культурной жизни.

**Ключевые слова:** культура, территории, регион, потребление услуг, социально-демографические группы.

В настоящее время идет перестройка государственной политики в области культуры, которая началась с 2014 года, когда были приняты Основы государственной культурной политики, и через два года, в 2016 году, Стратегия государственной культурной политики до 2030 года. В Стратегии значительное внимание уделяется реализации культурной политики на региональном уровне и отмечаются негативные тенденции в системе инфраструктуры культурно-досугового назначения «региональные диспропорции в развитии культуры проявляются в зависимости от обеспеченности объектами культуры, финансирования и доступности культурных благ для широких слоев населения... региональные различия в развитости инфраструктуры продолжают оставаться значительными»<sup>1</sup>. Продолжением стратегических инициатив по развитию отрасли является разработка и реализация с 2019 года национального проекта «Культура», в рамках которого действуют федеральные проекты «Культурная среда», «Цифровая культура» и «Творческие люди», нацеленные на расширение доступа и приобщение граждан к культурным ценностям.

В 2019 году в Вологодской области принят закон «О традиционной народной культуре Вологодской области». В регионе применяется проектный принцип работы. Аналогично структуре Национального проекта «Культура» реализуются три региональных проекта с идентичными названиями и целями. Среди долгосрочных программных документов в области развития культуры необходимо выделить основную государственную программу «Развитие культуры, туризма и архивного дела Вологодской области». Отдельные муниципальные программы приняты в крупных городах, Вологде и Череповце. На уровне муниципальных районов и округов программы создания условий для развития культуры в области не обновлялись с 2013 г.

Эмпирической основой выступают данные статистики, материалы мониторинга общественного мнения населения Вологодской области за 2022 год (n=1500).

Несмотря на существенный историко-культурный потенциал Вологодской области, состояние инфраструктуры культурно-досуговой сферы характеризуется от-

<sup>1</sup> Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 года № 326-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYV AJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>

рицательными изменениями в долгосрочной динамике по некоторым показателям (Ласточкина, 2022). За 2000–2022 гг. более чем на 30% сократилось количество библиотек и библиотечный фонд, на 44% – число организаций культурно-досугового типа и уменьшилась обеспеченность населения местами в данных учреждениях, наблюдается спад посещаемости кинозалов. При интерпретации данных следует учитывать активное развитие современных цифровых технологий, позволяющих получить доступ к культурному медиаконтенту не выходя из дома. Так, востребованность кинозалов и библиотек снижается. Общее количество пользователей российских онлайн-кинотеатров в 2023 году возросло на 41%. Лидером по числу пользователей остается онлайн-кинотеатр «Кинопоиск». Однако, как показывают данные статистики, также вырос интерес населения региона к посещению театров и музеев, что свидетельствует о меняющихся досуговых и культурных предпочтениях.

Однако, несмотря на проведение комплексной политики по улучшению инфраструктуры культуры и досуга Департаментом культуры Вологодской области, в регионе фиксируются проблемы недостаточного развития материально-технической базы учреждений в сельской местности; нехватка специалистов с профильным образованием в муниципальных учреждениях; неравномерность в обеспеченности жителей центральных и отдаленных территорий региона услугами в сфере культуры и досуга. Следует обратить внимание на то, что отмеченные проблемы объясняются объективными причинами: сокращением численности населения в сельской местности, оптимизацией системы расселения, урбанизацией, снижением общего количества малых населенных пунктов, укрупнением муниципальных образований (Кожевников, Ворошилов, Секушина, 2021).

Анализ данных мониторинга показывает, что в 2022 году среди населения преобладало мнение о том, что ситуация в сфере культуры в Вологодской области за последний год не изменилась. Исключение составляет г. Череповец, в котором отмечен рост позитивных оценок жителей. Это может объясняться эффектом более благоприятного социально-экономического положения города и более высоким уровнем жизни населения.

Отмечают улучшение в отрасли респонденты, относящие себя к категории наиболее обеспеченных, со средним специальным и высшим образованием. Ухудшение состояния сферы культуры чаще отмечают респонденты из группы наименее обеспеченных: молодежь до 30 лет, лица со средним и н/средним образованием.

В инструментарии опроса имелся уточняющий вопрос о направлениях, в которых ситуация улучшилась. Оценки показали, что положительные изменения произошли в области внедрения современных цифровых технологий, доступности мероприятий, открытия новых культурных объектов, проведении концертов и фестивалей.

По оценкам населения наиболее значимыми причинами ухудшения культурно-досуговой отрасли являются: снижение уровня жизни населения, проблемы финансирования объектов культуры, деградация общего интеллектуального и культурного уровня населения, а также снижение уровня образования, отсутствие качественного преподавания основ культуры в школе.

По итогам опроса составлен социально-демографический профиль посетителей учреждений культурно-досугового типа в регионе. Наиболее вовлеченные пользователи – женщины, молодое поколение (до 30 лет) и лица среднего возраста (31–55 лет), с высоким уровнем образования и дохода, представители крупных городов.

Соответственно, «проблемные» группы – население старшего возраста (56 и более), низкодоходные группы – со средним и неполным средним образованием, жители муниципальных районов/округов и сельской местности.

Анализ удовлетворенности населения качеством оказываемых услуг в сфере культуры, досуга и спорта выявил, что жители практически в полной мере удовлетворены предоставляемыми услугами. Максимальное значение в среднем по области зафиксировано в отношении деятельности библиотек и кинотеатров. По среднероссийским данным уровень удовлетворенности ими меньше и составляет 55,2%.

Наиболее высокая удовлетворенность наблюдается у населения с высшим образованием, жителей крупных городов региона и благоприятным материальным положением.

Основными барьерами являются финансовые трудности, отсутствие свободного времени, а также нежелание посещать мероприятия. Финансовые трудности мешают в большей степени женщинам. Со снижением доходов уменьшается и интерес к культурным благам. Аналогичная зависимость выявляется, исходя из уровня образования: чем выше образование, тем больше потребность в получении услуг культурно-досуговой сферы. Молодежь и респонденты среднего возраста, а также представители низкодоходных групп и респонденты с более высоким уровнем образования основной причиной непосещения культурных мероприятий называют отсутствие свободного времени. В условиях экономического кризиса малообеспеченная часть населения и молодежь отдают предпочтение поиску дополнительной занятости.

Большинство представителей старшего поколения отмечает, что у них отсутствует желание посещать организации сферы культуры, досуга и спорта. Вместе с тем с возрастом ухудшается физическое и психологическое самочувствие, что также препятствует проведению культурного досуга. Однако у данной группы много свободного времени.

В крупных городах, по сравнению с районами, среди причин, ограничивающих получение услуг, выделяются отсутствие свободного времени и финансовые трудности. Напротив, в муниципальных районах основная причина – безразличие к услугам культуры, досуга и спорта.

Социально-культурная инфраструктура сельских территорий региона нуждается в изменениях ввиду низкой материально-технической базы учреждений, а также низкой доступностью кинозалов и театров и ограниченных возможностей для проведения рационального, интеллектуального досуга и занятий спортом.

При росте общих расходов на культуру за последние годы с использованием источников федерального и регионального бюджета, доля внебюджетных источников остается незначительной.

В связи с этим для решения выявленных проблем особое значение приобретают проекты государственно-частного и муниципально-частного партнерства, эффективно работающих в российских регионах.

Пилотные практики показали, что в настоящее время культура становится одним из факторов, определяющих инвестиционную привлекательность территории (создание современных музеев крупными предприятиями «Северсталь» и «ФосАгро» в г. Череповце). Между тем, инвестирование бизнеса в культурно-досуговую сферу осложняется мониторингом характером ряда культурных благ, когда отдельные виды культурной деятельности имеют общественно полезный, социально значимый харак-

тер, однако лишены коммерческих возможностей – издержки производства объективно превышают цены на производимые культурные блага и услуги.

Поэтому необходимо привлекать частных инвесторов из числа организаций некоммерческого сектора. Данные организации аккумулируют ресурсы из различных источников и выступают посредником в сетевом взаимодействии в создании условий развития культуры в регионах (Косыгина, 2024). Если бизнес в большей степени готов вкладываться в инфраструктуру крупных городов, то некоммерческие организации реализуют проекты и на малых территориях, и в сельской местности.

Примером такого партнерства с государством выступает грантовая деятельность Президентского фонда культурных инициатив, который распределяет средства на проекты в сфере культуры, искусства, креативных индустрий. Примером партнерства с бизнесом является деятельность крупных благотворительных фондов. Так, Фонд Тимченко предоставляет поддержку некоммерческим организациям в рамках масштабного проекта «Культурная мозаика малых городов и сел»; Фонд Потанина реализует программы по финансированию проектов «Музей без границ», «Музей 4.0» и др.

### Библиографический список

1. Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Секушина И.А. (2021). Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 232 с.
2. Косыгина К.Е. (2024). Культурный потенциал современного российского региона: инфраструктура и потребление услуг населением (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 12. № 2. С. 55–77. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.3
3. Ласточкина О.С. (2022). тенденции развития инфраструктуры социально-культурного назначения сельских территорий // Society and Security Insights. Т. 5. № 2. С. 149–169. DOI: 10.14258/ssi(2022)2-10

### Информация об авторе

Косыгина Ксения Евгеньевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, зав. центром социокультурных и политических исследований, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; sene4ka.87@mail.ru)

Kosygina K.E.

## PROFILE OF SERVICE CONSUMER AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF CULTURAL AND LEISURE SPHERE IN THE REGION

**Abstract.** *The study is devoted to the analysis of the state and prospects for the development of the cultural and leisure sphere in the Vologda Oblast. Particular attention is paid to the socio-demographic profile of consumers of cultural services. Based on statistical data and public opinion monitoring for 2022, key problems were identified, such as a reduction in the number of cultural institutions, insufficient development of the material and technical base in rural areas, as well as uneven access to cultural services in the “urban-rural” context. “Problem” groups were identified, such as the elderly, low-income people and residents of rural areas who face financial and time constraints to participate in cultural life.*

**Keywords:** *culture, territories, region, consumption of services, socio-demographic groups.*

## References

1. Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V., Sekushina I.A. (2021). Municipalities of the region: problems and ways of self-development. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. 232 p.
2. Kosygina K.E. (2024). Cultural potential of a modern Russian region: infrastructure and consumption of services by the population (on the example of the Vologda region) // Sociological science and social practice. Vol. 12. No. 2. P. 55–77. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.3
3. Lastochkina O.S. (2022). Trends in the development of infrastructure for social and cultural purposes in rural areas // Society and Security Insights. T. 5. No. 2. P. 149–169. DOI: 10.14258/ssi(2022)2-10

## Information about the author

Ksenia E. Kosygina (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Researcher of «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (160014, Vologda, Gorky St., 56a; sene4ka.87@mail.ru)

## ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В РОССИИ<sup>1</sup>

**Аннотация.** *Статья посвящена исследованию структуры ценностей образа жизни российских женщин и тенденциям его изменения на протяжении последнего десятилетия. Ценности выявлены в рамках формализованных опросов «Социокультурный портрет регионов России» в муниципалитетах пяти федеральных округов РФ: Центральный, Приволжский, Уральский, Северо-Западный, Северокавказский.*

**Ключевые слова:** *ценности, дифференциация ценностей, образ жизни, женщины.*

Настоящее время характеризуется интенсификацией и углублением ценностных расколов, угрожающих социокультурной целостности и цивилизационной самобытности страны и побуждающих обращать самое пристальное внимание не только на геополитическую, экономическую или технологическую, но и социокультурную безопасность страны. Важность сохранения, укрепления и защиты духовно-нравственных и семейных ценностей, культуры и исторической памяти последовательно озвучивается на самом высоком уровне, в т.ч. в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (от 09.11.2022 № 809).

Не вызывает сомнений, что женщины выступают одной из важнейших социально-демографических групп, чей особый ценностный потенциал и мировоззренческие установки оказывают колоссальное влияние как на основные сферы их жизненного мира (семейное общение, воспитание детей, деловые и профессиональные коммуникации, общественную деятельность и досуговые практики), так и, в конечном итоге, на сохранение и развитие культурного пространства всего общества. В женском образе жизни переплетаются разнообразные социальные роли и идентичности женщины, раскрывающие ее ценностный мир и позволяющие транслировать основополагающие жизненные идеалы во всем многообразии взаимодействий и общения, а также на основании органично присущих женщинам качеств заботы и любви.

Образ жизни женщин рассматривается в настоящей статье в качестве системы устойчивых форм их социального бытия и совместной деятельности, формирующейся на основе ценностных смысложизненных установок в исторически конкретных социальных условиях. Таким образом, категория образа жизни включает ценностное измерение, позволяющее осмыслить духовную наполненность жизни женщин. Согласно глубокому анализу, осуществленному А.А. Возьмителем, современное российское общество сталкивается с острой потребностью в установлении консолидирующих оснований для складывающихся сегодня многообразных моделей жизнедеятельности людей. Данная потребность актуализирована на фоне фактического распада образа жизни как целостности после произошедшего кризиса и исчезновения советской цивилизации, а вместе с ней и «советского» образа жизни

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10117, <https://rscf.ru/project/24-78-10117/>.

(Возьмитель, 2017). Учитывая отмеченные социокультурные процессы, можно сказать, что ценности и их изучение являются отправной точкой в определении границ и содержания образа жизни современных россиян, в том числе российских женщин.

Исследование ценностей образа жизни женщин требует осмысления в границах гендерной теории. Гендер традиционно трактуется как социокультурные характеристики сознания и поведения, приписываемые людям в зависимости от их биологического пола. Поскольку ценности выступают одним из центральных компонентов структуры сознания личности, их различия также могут быть представлены в разрезе гендерных особенностей.

Классические исследования представителей структурного функционализма (Т. Парсонс и др.) внесли весомый вклад в понимание особенностей формирования гендерных ролей, норм и ценностей в процессе социализации, продемонстрировав, что гендерные формы самоидентификации поддерживаются основными институтами и агентами социализации. В дальнейшем исследования структурных конструктивистов и, в частности Р. Коннелла, показали, что гендерные отношения воспроизводятся как посредством практик повседневной жизни, так и через структурные модели в следующих взаимосвязанных сферах общества: власть, разделение труда и межличностные отношения, включая сексуальные (Connell, 2005). Вместе это создает гендерный порядок того или иного общества.

Последние исследования показывают, что для современных обществ характерна трансформация гендерных ролей и моделей поведения (Латинов, Беликова, 2022). В то же время ученые подчеркивают, что в российском обществе, несмотря на существующие тенденции к изменению полоролевых моделей поведения и расширение возможностей для самореализации, большое влияние на гендерные ценности оказывают традиционные гендерные стереотипы (Воронова, 2015; Костина, Бритвина, 2021). Отсюда важно осмыслить особенности ценностной трансформации в аспектах изменений стандартов феминности.

Культурные ценности каждого сообщества могут быть представлены в разрезе определенных типов, или ценностных кластеров. Так, одним из широко применяемых подходов к типологизации ценностей выступает их разделение на традиционные, универсальные (или общечеловеческие) и современные (или посттрадиционные, либеральные, модернизационные) (Глобализация и социальные институты..., 2010; Лапин, 2010). Соответственно, традиционные ценности интерпретируются в фокусе «обеспечения сохранности и преемственности во времени данного сообщества», современные, модернизационные – как «обеспечение самоопределения и самореализации в рамках этого самоопределения отдельных индивидов» (Кузнецов, 2021), в то время как универсальные трактуются в качестве культурно-инвариантных базовых ценностей, свойственных любой культуре (Лапин, 2010).

Еще одним классическим способом выделения типов ценностей служит подход, берущий начало в работах М. Рокича (Rokeach, 1973), в соответствии с которым ценности можно разделить на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности выступают в качестве ценностей – целей человеческой жизни, определяя идеалы построения отношений в обществе. В свою очередь, инструментальные ценности отражают качества и принципы повседневного поведения людей, являющиеся средствами достижения смысложизненных идеалов. Вместе они образуют иерархическую ценностную структуру, верхний слой которой составляют более устойчивые терминальные ценности, а на нижних слоях располагаются инструментальные ценности.

Методология исследования в данной работе базируется на интеграции названных подходов в разрезе изучения 14 базовых ценностей, предложенных в методике Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой (Лапин, 2010; Лапин, Беляева, 2010). Статья сфокусирована на рассмотрении динамики изменения различных типов ценностей женщин с учетом гендерных различий как отражения гендерного порядка российского общества.

Решение поставленных задач осуществлено в соответствии с общими требованиями методологии социологического исследования. Методологической базой исследования стал социокультурный подход. Специфической его чертой является, во-первых, универсализм, позволяющий обозреть и культурные, и политические, и хозяйственные, и прочие элементы общественного целого, во-вторых, многомерный характер, заключающийся в возможности объединения в единое целое, например, цивилизационного и формационного подхода, или же историософского и социологического рассмотрения общества. В каждой из указанных специфических черт социокультурного подхода ценности являются одним из показателей, благодаря которым социологический портрет регионов предполагает концентрированную характеристику различных сторон общественной жизни субъектов РФ.

Дифференциация ценностей женского образа жизни выявлена в рамках исследований «Социокультурный портрет регионов России» в муниципальных образованиях пяти федеральных округов Российской Федерации: Центральный, Приволжский, Уральский, Северо-Западный, Северо-Кавказский<sup>2</sup>.

Результаты, представленные в статье, основываются на анализе данных формализованных опросов жителей регионов в рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», инициированной в 2005 году Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. В статье представлен анализ ценностей женщин, измеренных по методике Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой<sup>3</sup>, проведен сравнительный анализ ценностей женского пола в регионах указанных Федеральных округов за период с 2013 года по 2022–2023 гг.

Согласно полученным индексам, наиболее выраженными ценностями у женщин являются Порядок (4,51), Жизнь человека (4,5) и Общительность (4,49), все они входят в интегрирующее ядро. Благополучие (4,39), Семья (4,37), Независимость (4,36), Свобода (4,2), Традиция (4,05) и Работа (4,04) относятся к интегрирующему резерву, которые в целом составляют интегрирующий кластер. Оппонирующий дифференциал включает ценности Инициативности (3,86), Нравственности (3,58) и Жертвенности (3,49). К конфликтной периферии относятся ценности Властности (2,49) и Своевольности (2,32).

Сравнивая индексы, полученные в 2023 и 2013 (2010) гг. следует отметить, что наибольшее снижение произошло у ценностей Жертвенности (-0,28), Семьи (-0,27) и Нравственности (-0,21), наибольший рост – Независимости (0,09) и Инициативности (0,08). Жизнь человека уступила первое место в иерархии ценностей Порядку, но разница в значении индекса составляет чуть более 0,01, что ставит их практически на одну позицию. При этом ценность Семьи опустилась со второго места на пятое, переместившись из интегрирующего ядра в резерв. Общительность сохранила третью позицию и место в интегрирующем ядре. Значение индекса ценностей Благополучия и Свободы практически не изменились, как и их расположение в интегриру-

<sup>2</sup> Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024623834.

<sup>3</sup> Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. Москва: ИФРАН, 2010.

ющем резерве. Несмотря на рост значения индекса ценности Независимости, она сохранила место в иерархии и расположение в интегрирующем резерве. Значение индекса ценностей Традиции и Свободы снизились менее чем на 0,1, но их положение в интегрирующем резерве сохранилось. Значения индекса ценностей Нравственности, Инициативности и Жертвенности снизились, но это не повлияло на их включенность в оппонирующий дифференциал. В конфликтной периферии остались ценности Властности и Своевольности, но значение первой выросло, а второй – уменьшилось, в результате чего их позиции в иерархии поменялись.

Поскольку распределение для каждой переменной, отражающей ценности респондентов отклоняется от нормального, для сравнения средних значений ценностей у мужчин и женщин был использован критерий Манна – Уитни. Анализ ответов респондентов и индексов показал схожие результаты. Статистически значимые различия наблюдаются по 11 ценностям из 14. Сравнение средних рангов (и медиан) показало, что только две ценности в большей степени выражены у мужчин – Своевольность и Власть (Конфликтная периферия по методике Н.И. Лапина). Именно эти ценности при кластерном анализе находятся на наибольшем отдалении от других ценностей – формируют самостоятельный кластер. Нет статистически значимых различий по ценностям Работы, Жертвенности и Инициативности. Остальные ценности в большей степени выражены у женщин.

Распределение значений переменных, с помощью которых были измерены ценности, отклоняется от нормального, поэтому для сравнения средних значений по регионам были использованы непараметрические критерии. Критерий Краскела – Уоллеса показал наличие статистически значимых различий между регионами по всем ценностям. Для попарного сравнения регионов был использован критерий Манна – Уитни, на основании которого получены следующие результаты: у женщин Республики Башкирии наиболее сильно выражены ценности Инициативности (4,67) и Своевольности (2,83), наименее – Жизни человека (3,98) и Традиции (3,54) относительно женщин других регионов. Статистически значимые различия отсутствуют только в Курской области в ценности Традиция (3,52). У женщин Вологодской области сильнее выражена ценность Нравственности (3,96), относительно женщин других регионов, но при этом статистически значимые различия есть только с Курской (2,88), Тюменской областями (3,34) и Чеченской Республикой (3,45). У женщин Курской области в меньшей степени выражены ценности Нравственности (2,88), Благополучия (4), Свободы (3,77), Работы (3,69), Независимости (4), Жертвенности (3,03), Инициативности (3,45) и Традиции (3,52); при этом по ценностям Благополучия и Жертвенности нет статистически значимых различий с Пермским краем (4,03 и 3,25), а по ценности Независимости – с Вологодской (4,24), по ценности Инициативность статистически значимые различия есть только со Свердловской (3,78) областью, Башкирской (4,67) и Чеченской (3,94) республиками, по ценности Традиции нет статистически значимых различий только с Республикой Башкирия (упоминалось выше). Женщины Пермского края отличаются самой низкой выраженностью ценности Властности (2,09), по которой отсутствуют статистически значимые различия со Свердловской (2,17) и Тюменской (2,18) областями. Ценности Порядка (4,8), Работы (4,31) и Общительности (4,72) у женщин Свердловской области выше, чем у представительниц других регионов, по двум последним отсутствуют статистически значимые различия с Чеченской Республикой (4,16 и 4,6). У женщин Тюменской области самое низкое значение индекса ценности Своевольности (2,01), но нет

статистически значимых различий по этому показателю с Курской областью (2,18) и Пермским краем (2,19). У женщин Чеченской Республики статистически значимо отличаются ценности Жертвенности (4,09) и Традиции (4,59) относительно всех других регионов.

Рассматривая традиционные термальные ценности, можно сделать вывод, что они схожи у жительниц всех регионов, только для женщин Чеченской Республики существуют статистически значимые различия по ценности Традиции (4,59). Традиционные инструментальные ценности также в большей мере сходны: есть статистически значимые различия по ценности Своевольности у жительниц Башкирии (2,83) и по ценности Жертвенности – Чеченской Республики (4,09). Универсальные термальные ценности отличаются у жительниц Курской (Благополучия (4) и Порядка (4,17)) и Свердловской (Порядка (4,8) и Работы (4,31)) областей. Универсальные инструментальные ценности также отличаются у жительниц Курской (Нравственности (2,88)) и Свердловской (Общительности (4,72)) областей и Республики Башкирии (Властности (3,16)). Посттрадиционные термальные ценности отличаются у женщин Курской области (нет статистически значимых различий по ценности Жизни человека с Вологодской областью (4,44)), а у жительниц Башкирии есть статистически значимые различия по ценности Жизни человека (3,98), но нет – по ценности Свободы (4,18). Посттрадиционные инструментальные ценности также отличаются у жительниц Курской области, только с Вологодской областью не обнаружены статистически значимые различия, а у жительниц Башкирии различия есть только по ценности Инициативности (4,67).

Рассматривая динамику ценностей по методике Н.И. Лапина следует отметить рост обеих посттрадиционных инструментальных ценностей (0,08 и 0,09), в то время как другие ценности снизились или выросли в меньшей степени. Традиционные ценности как термальные, так и инструментальные снизились, при этом ценности Семьи и Жертвенности показали самую значительную динамику. Показатели традиционных универсальных ценностей изменились не значительно – снижение Порядка и Работы на 0,06 и 0,07 соответственно, рост Благополучия на 0,01; а ценности Общительности и Нравственности снизились, последняя значительно на 0,21, при этом Властности – возросла на 0,05. Термальные посттрадиционные ценности показали разную динамику: ценность Свободы незначительно возросла (0,01), а Человеческой жизни наоборот – существенно снизилась (0,21).

В целом структура жизненных ценностей женщин в России схожа, но есть региональные особенности. За последние десять лет структура ценностей не претерпела больших изменений: незначительно выросли посттрадиционные инструментальные ценности – Инициативности (+0,08) и Независимости (+0,09), снизились традиционные термальные – Традиции (-0,09), Семьи (-0,27) и традиционные инструментальные ценности – Своевольности (-0,13), Жертвенности (-0,28).

### **Библиографический список**

1. Возьмитель А.А. (2017). Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. №4. С. 14–44.
2. Воронова А.В. (2015). Гендер как предмет междисциплинарного анализа // Ярославский педагогический вестник. № 2. С. 196–201.
3. Глобализация и социальные институты: социологический подход (2010) / Под ред. И.Ф. Девятко, В.Н. Фоминой. Москва: Наука.

4. Костина С.Н., Бритвина И.Б. (2021). Теоретические подходы и современные направления исследований феномена гендерной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. №24. С. 193–215. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.9.
5. Кузнецов И.М. (2021). Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. № 8. С. 93–102.
6. Лапин Н.И. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. Москва: ИФРАН.
7. Лапин Н.И. (2010). Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей. URL: [https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010\\_Sbornik/Tom\\_1\\_2010/000\\_Plenarnoe\\_zasedanie/038\\_N.I.Lapin.pdf](https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/038_N.I.Lapin.pdf)
8. Лапин Н.И. (2010). Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. № 1. С. 28–36.
9. Латинов Г.И., Беликова М.В. (2022). Самоощущение и социальное самочувствие мужчин в современных российском и китайском обществах: трансформация стандартов маскулинности // Женщина в российском обществе. Специальный выпуск. С. 27–41.
10. Connell R.W. (2005). Masculinities. 2nd ed. Cambridge: Polity. 324 p.
11. Rokeach M. (1973). The Nature of Human Values. New York: Free Press. 456 p.

### **Информация об авторах**

Маркова Юлия Сергеевна (Россия, Пермь) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614068, Пермь, ул. Букирева, 15; [julyamarkova@gmail.com](mailto:julyamarkova@gmail.com))

Плотникова Елена Борисовна (Россия, Пермь) – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614068, Пермь, ул. Букирева, 15; [plotnikova1958@yandex.ru](mailto:plotnikova1958@yandex.ru))

Соловьев Семен Сергеевич (Россия, Пермь) – старший преподаватель кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614068, Пермь, ул. Букирева, 15, [semyons@mail.ru](mailto:semyons@mail.ru))

Markova Yu.S., Plotnikova E.B., Soloviev S.S.

### **DIFFERENTIATION OF WOMEN'S LIFESTYLE VALUES IN RUSSIA**

**Abstract.** *The article is devoted to the study of the structure of lifestyle values of Russian women and the trends in its change over the past decade. The values were identified within the framework of formalized surveys "Sociocultural portrait of the regions of Russia" in municipalities of five federal districts of the Russian Federation: Central, Volga, Ural, Northwestern, North Caucasian.*

**Keywords:** *values, differentiation of values, lifestyle, women.*

### **References**

1. Vozmitel A.A. (2017). Conceptual foundations of lifestyle sociology // Bulletin of the Institute of Sociology. No. 4. P. 14–44.
2. Voronova A.V. (2015). Gender as a subject of interdisciplinary analysis // Yaroslavl pedagogical bulletin. No. 2. P. 196–201.
3. Globalization and social institutions: a sociological approach (2010) / Ed. I.F. Devyatko, V.N. Moscow: Science.

4. Kostina S.N., Britvina I.B. (2021). Theoretical approaches and modern directions of research on the phenomenon of gender identity // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 24. P. 193–215. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.9.
5. Kuznetsov I.M. (2021). Foundations of value consolidation of Russians: traditionalism and renewal // *Sociological studies*. No. 8. P. 93–102.
6. Lapin N.I. (2010). Program and standard tools “Sociocultural portrait of a region of Russia” (Modification-2010) / N.I. Lapin, L.A. Belyaeva; Rus. acad. sciences, Institute of Philosophy. Moscow: IFRAS.
7. Lapin N.I. (2010). Universal values and diversity of people’s lifeworlds URL: [https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010\\_Sbornik/Tom\\_1\\_2010/000\\_Plenarnoe\\_zasedanie/038\\_N.I.Lapin.pdf](https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/038_N.I.Lapin.pdf).
8. Lapin N.I. (2010). Functionally-oriented clusters of basic values of the population of Russia and its regions // *Sociological studies*. No. 1. P. 28–36.
9. Latinov G.I., Belikova M.V. (2022). Self-awareness and social well-being of men in modern Russian and Chinese societies: transformation of masculinity standards // *Woman in Russian society*. Special issue. P. 27–41.
10. Connell R.W. (2005). *Masculinities*. 2nd ed. Cambridge: Polity. 324 p.
11. Rokeach M. (1973). *The Nature of Human Values*. New York: Free Press. 456 p.

#### **Information about the authors**

Yulia S. Markova (Russia, Perm) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Perm State National Research University (614068, Perm, Bukireva St., 15, [julyamarkova@gmail.com](mailto:julyamarkova@gmail.com))

Elena B. Plotnikova (Russia, Perm) – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Sociology, Perm State National Research University (614068, Perm, Bukireva St., 15, [plotnikova1958@yandex.ru](mailto:plotnikova1958@yandex.ru))

Semyon S. Soloviev (Russia, Perm) – Senior Lecturer, Department of Sociology, Perm State National Research University (614068, Perm, Bukireva St., 15, [semyons@mail.ru](mailto:semyons@mail.ru))

## СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПО ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ

**Аннотация.** Рассмотрение состояния сельской социальной инфраструктуры осуществляется с позиции регионального человеческого ресурса, среды его проживания и деятельности. Выявлено влияние этих факторов на состояние сельских территорий и аграрного рынка труда, что подтверждается анализом панельных данных Росстата «Комплексного наблюдения условий жизни населения» (2018–2022 гг.), проведенного на основе опроса членов сельских домохозяйств по федеральным округам.

**Ключевые слова:** сельские поселения, федеральные округа, социальная и инженерная инфраструктура, человеческий потенциал, АПК.

Одним из ключевых и наиболее чувствительных факторов, определяющих рынок труда, является развитие местной инфраструктуры. Новая инновационная экономика в агросфере, как движущая сила, требует наличия качественного человеческого потенциала, развитие которого возможно лишь при условии доступности и эффективного функционирования объектов социальной инфраструктуры. Качество образования, здравоохранения, транспортной и коммуникационной инфраструктуры обусловлено, прежде всего, качеством человеческого потенциала.

Важным аспектом становится не только объем строительства жилья, социальных объектов, дорог и коммунальных сетей, но и качество их доступности для жителей сельских районов. Решение этих задач, прежде всего, лежит на плечах муниципальных и региональных властей, которые должны включить данные проекты в систему соответствующего финансирования. Однако, по мнению экспертов, на местах не хватает грамотных компетентных сотрудников, способных должным образом подготовить проектно-сметную документацию, а также своевременно отправить эти документы в качестве заявок на соответствующие программы финансирования.

Какова в настоящее время ситуация с коммунальными условиями и оборудованием жилищного фонда сельских территорий? Уровень газификации сельских территорий в среднем по России составляет 52%; при том, что Россия является мировым лидером по запасам газа. В некоторых федеральных округах это значение гораздо ниже, например, в Дальневосточном федеральном округе – 4%, Сибирском федеральном округе – 9%, Северо-Западном федеральном округе – 20%. Удельный вес жилых помещений в сельской местности, оборудованных одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением, горячим водоснабжением, в 2022 году по Российской Федерации составил 41%. Несложно проследить закономерность: недостаточный уровень развития инженерной инфраструктуры сельских территорий и благоустроенности домовладений приводит к оттоку населения и, как следствие, к дефициту кадров в агропромышленном комплексе.

В 2022 году, согласно нашему опросу, доступ к сетевому газу имеют 64% сельских домохозяйств, 19% домохозяйств пользуются привозным сжиженным газом, об отсутствии необходимости использовать бытовой газ заявили 10,6% сельских жителей. Горячее водоснабжение отсутствует в 26,5% сельских домохозяйствах, центральное горячее водоснабжение есть в каждом десятом домохозяйстве (11%).

Результаты опроса показывают, что каждый второй сельский житель считает одной из самых злободневных проблем в сельских поселениях состояние дорог и без-

опасность дорожного движения (50%) и каждый третий – плохую организацию общественного транспорта (33%). По заверению чиновников, Министерство сельского хозяйства совместно с Росавтодором продолжают работу по повышению качества дорог и связанности населенных пунктов и до конца года планируют построить и привести в нормативное состояние дорог.

Как показывают результаты опроса, по показателям оснащенности инфраструктурными сетями в сельских поселениях наблюдаются ограничения и проблемы. Это и большая отдаленность мест для отдыха и досуга (38,2%), объектов для занятий физкультурой и спортом (39%). Проведенная оптимизация в свою очередь привела к недоступности на сельских территориях медобслуживания и отсутствию аптек при медицинских учреждениях. Также в сельских медучреждениях и фельдшерских пунктах сохраняется острый дефицит кадров, несмотря на меры, принимаемые правительством. При этом на этих территориях проживает около 26% населения России. В рамках Госпрограммы, начиная с 2020 года, построено и модернизировано почти 4 тыс. объектов инфраструктуры, а к концу 2024 года их число выросло до 5 тыс. объектов.

На ближайшее десятилетие приоритетом социально-экономического развития России станет развитие сельских территорий.

#### **Информация об авторе**

Муханова Мария Николаевна (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия, 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5; mukhanova\_m@rambler.ru)

Mukhanova M.N.

### **THE STATE AND DEVELOPMENT OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF RURAL SETTLEMENTS BY FEDERAL DISTRICTS**

**Abstract.** *Consideration of the state of rural social infrastructure is carried out from the perspective of a regional human resource, its living environment and activities. The influence of these factors on the state of rural areas and the agricultural labor market has been revealed, which is confirmed by the analysis of panel data from Rosstat “Comprehensive monitoring of living conditions of the population” (2018–2022), conducted on the basis of a survey of members of rural households in the Federal District.*

**Keywords:** *rural settlements, federal districts, social and engineering infrastructure, human potential, agriculture.*

#### **Information about the author**

Maria N. Mukhanova (Russia, Moscow) – Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia; mukhanova\_m@rambler.ru)

## **ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ П.А. СОРОКИНА В АНАЛИЗЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА**

**Аннотация.** *Исследование посвящено эвристическим возможностям теории социокультурной динамики П.А. Сорокина в рефлексии современных культурных трансформаций, нашедших отражение в феномене метамодернизма. Показано, что метамодернизм представляет собой попытку дать ответ на современный закат чувственного типа культурной ментальности, найти новые формы культурной ментальности идеалистического типа.*

**Ключевые слова:** *социокультурная динамика, метамодернизм, кризис чувственной ментальности, идеалистическая ментальность.*

Актуальность темы исследования объясняется потребностью в осмыслении современной социокультурной ситуации в контексте поиска выхода из кризиса ценностей культуры, общества, социальных институтов. Несмотря на утрату искусством аксиологических и эстетических оснований, в последнее десятилетие в нем все чаще фигурирует явление метамодернизма (Turner, 2010, 2015; Vermeulen, Van Den Akker, 2010, 2014, 2015). Качественно новые свойства метамодернизма актуализируют пересмотр искусства как фактора социокультурной динамики и потенциала его воздействия на ценностную структуру общества на современном этапе (Горюнов, 2017; Ключиков, Козлов, Алексеев, Левченко, Масляев, 2017; Митрошенков, 2016; Можейко, 2012; Dempsey, 2011; Freinacht, 2015).

Применение к этому исследовательскому вопросу сорокинской теории искусства как сложного социокультурного феномена, элементы трансформаций которого оказывают влияние на состояние и развитие всех subsystemов общества, позволяет преодолеть ограниченность традиционных культурологического и философско-эстетического подходов к анализу искусства, позволяя рассмотреть его как специфическое системное явление, находящееся в процессе развития и трансформации и оказывающее влияние на социокультурную динамику. Востребованность идей П.А. Сорокина для описания сложных социокультурных изменений в первой четверти XXI в. может быть объяснена кризисом общеметодологических подходов и поиском системно-структурного подхода к описанию сложных разноуровневых общественных трансформаций.

1. Теория социокультурной динамики П. Сорокина и, в частности, теория динамических трансформаций культурных ментальностей, действующих по принципу циклических колебаний и сменяющих друг друга по нелинейным законам (Сорокин, 2017), имеет практический потенциал применения к анализу современных культурных трансформаций и феномена метамодернизма. По прогнозам П. Сорокина, к концу XX в. должен был произойти окончательный упадок чувственного типа культурной ментальности (абсолютизирующей чувственные потребности и отрицающей идеальное начало). Искусство, приближаясь к этой отметке, все больше становится эклектичным, бессистемным, базирующимся на культе разности и не объединенным никакой иной идеей, девальвируется, теряя социальные статусные характеристики (Сорокин, 2017). Такое искусство обнаруживает свою неспособность отвечать на вызовы современности.

2. Значительная часть современных социокультурных процессов все еще происходит под воздействием перезрелой чувственной ментальности. Модерн был символом расцвета чувственной культуры, постмодерн трансформирует социокультурную систему, одновременно вводя ее в предвиденную П.А. Сорокиным современную затяжную зону кризиса чувственности (Сорокин, 2017) и отсрочивая ее вхождение в точку бифуркации, в которой социокультурная система из состояния кризиса должна совершить значимый выбор направления своего дальнейшего развития. Возможны два варианта такого развития: идеалистическая или идеациональная культурные ментальности (Сорокин, 2017).

3. Концепт метамодернизма стал социально-философской попыткой сформулировать новый тип культурной ментальности, обладающий потенциалом действительного разрешения социальных, экономических, морально-нравственных, экологических тупиков угасающей чувственной культуры.

4. Метамодернизм обладает чертами идеалистического типа культурной ментальности П. Сорокина: пытается конструктивно трактовать парадокс (Freinacht, 2015), осциллирует между ключевыми положениями модерна и постмодерна (между полюсами трансцендентности и ее отсутствия, серьезности и иронии, рационализмом и иррационализмом) (Turner, 2010, 2015; Vermeulen, Van Den Akker, 2010). Эти же элементы осцилляций прослеживаются в характеристике идеалистической культуры у П.А. Сорокина, Ч. Лумиса и З. Лумиса (Loomis, Loomis, 1975).

5. Усиление эксплицитного потенциала метамодернизма в отношении современной социокультурной ситуации стало результатом трансформаций сети социокультурных и социально-психических взаимодействий (Сорокин, 2017). Особенность типа художественной культуры в искусстве метамодернизма обусловлена общественным запросом на новый, альтернативный способ социокультурного взаимодействия.

6. В попытках стать основой нового идеалистического типа культурной ментальности в ситуации кризиса ментальности чувственной, метамодернизм стремится к пересмотру всех трех факторов социального взаимодействия: личности как субъекта взаимодействия (поворот к человеку в противовес коллективизму модерна и индивидуализму постмодерна) (Vermeulen, Van Den Akker, 2010, 2015; Timmer, 2010); общества как совокупности взаимодействующих личностей, с их социокультурными отношениями и процессами (общность социальных, но самоценных акторов) и культуры как совокупности значений, ценностей и норм, принадлежащих взаимодействующим индивидам, а также всей суммы средств или носителей, которые объективируют, социализируют и передают эти значения. Эти метамодернистские попытки находят репрезентацию в социокультурных феноменах «новой искренности», «новой чувственности», «постиронии», «новой атмосферы», «новой простоты», «нового дилетантизма», сентиментального минимализма (Горюнов, 2017; Слотердаjk, 2010; Böhme, 1993; Freinacht, 2015; Vermeulen, Van Den Akker, 2010).

Техническое усовершенствование средств передачи информации позволяет создавать коммуникацию не от одного к многим, а от субъекта (художника) к субъекту (индивидуальному пользователю, зрителю). Развитие субъект-субъектных отношений в искусстве отвечает ключевым ценностям метамодернизма, может анализироваться с применением понятия культурного участия социальных групп в трансляции культурных ценностей П. Сорокина, а также сорокинских факторов социокультурного взаимодействия.

6. Содержание художественной культуры (субсистемная целостность с «запасом» идей, переживаний, эмоций) метамодернизма содержит попытку создать инновационную перекомбинацию и переозначивание с целью дать конструктивный алгоритм преодоления «смерти искусства».

### **Библиографический список**

1. Горюнов В.А. (2017). Культурный процесс и проблема сверхчеловека в осмыслении метамодернизма // METAMODERN. Журнал о метамодернизме. URL: <http://metamodernizm.ru/cultural-process>
2. Митрошенков О.А. (2016). Что придет на смену постмодернизму? // METAMODERN. Журнал о метамодернизме. URL: <http://metamodernizm.ru/chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu>
3. Можейко М.А. (2012). От постмодерна к пост-постмодерну: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философии языка // Idil Journal of Art and Language, т. 1, №1. URL: <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf>
4. Ключиков Б., Козлов С., Алексеев К., Левченко Я., Масляев А. (2017) Преодолевая логику «Пост»: Альтер-, Цифро-, Метамодернизм [видеозапись круглого стола школы культурологии НИУ ВШЭ]. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=BL\\_\\_np0xjaU&t=7s](https://www.youtube.com/watch?v=BL__np0xjaU&t=7s).
5. Сорокин П.А. (2017). Социальная и культурная динамика. Москва: Академический проект. 964 с.
6. Слотердаjk П. (2010). Сферы. Плюральная сферология. Санкт-Петербург: Наука. Т. 3. 964 с.
7. Turner L. (2010). Metamodernism: Manifesto // Metamodernism. Available at: <http://www.metamodernism.org>
8. Turner L. (2015). Metamodernism: A Brief Introduction. Berfrois // Metamodernism. Available at: <http://www.berfrois.com/2015/01/everything-always-wanted-know-metamodernism/>
9. Vermeulen T, Van Den Akker R. (2010). Notes on metamodernism // Journal of AESTHETICS & CULTURE. Vol. 2. Available at: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf>
10. Vermeulen T, Van Den Akker R. (2014). What is metamodernism? // Dvoetochie. Available at: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/>
11. Vermeulen T, Van Den Akker R. (2015). Misunderstandings and clarifications. Notes on Notes on Metamodernism' // Metamodernism. Available at: <http://www.metamodernism.com/2015/06/03/misunderstandings-and-clarifications/>
12. Freinacht H. (2015). You're not metamodern before you understand this // Metamoderna. Available at: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-1-game-change?lang=en>
13. Dempsey B. (2015). Reconstruction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth // Metamodernism. Available at: <http://www.metamodernism.com/2015/10/21/reconstruction-metamodern-transcendence-and-the-return-of-myth/>
14. Loomis C, Loomis Z. (1975). Modern Social Theories. N-Y: R.E. Krieger Pub. Co. 836 p.
15. Böhme G. (1993). Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics. SAGE journals. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/072551369303600107>

16. Timmer, N.N.A. (2010). Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium // *Postmodern Studies*. Vol. 44. Available at: <https://doi.org/10.1163/9789042029316>

### Информация об авторе

Непомилуева Мария Алексеевна (Россия, Москва) – аспирант социологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; [maryanemsu@gmail.com](mailto:maryanemsu@gmail.com))

Непомилуева М.А.

## THE HEURISTIC POTENTIAL OF P.A. SOROKIN'S THEORY OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS TO THE ANALYSIS OF THE METAMODERNISM SOCIO-CULTURAL SITUATION

**Abstract.** *The study is devoted to the heuristic properties of P.A. Sorokin's theory of socio-cultural dynamics in the reflection of modern cultural transformations reflected in the phenomenon of metamodernism. It is shown that the phenomenon of metamodernism is an attempt to give an answer to the modern decline of the sensual type of cultural mentality and to find new forms of the idealistic type of cultural mentality.*

**Keywords:** *sociocultural dynamics, metamodernism, sensual mentality crisis, idealistic mentality.*

### References

1. Goryunov V.A. (2017). The cultural process and the problem of superman at metamodernism understanding // *METAMODERN. The Metamodernism journal*. Available at: <http://metamodernizm.ru/cultural-process/>
2. Mitroshenkov O.A. (2016). What will replace postmodernism? // *METAMODERN. The Metamodernism journal*. Available at: <http://metamodernizm.ru/chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/>
3. Mozheyko M.A. (2012). From Postmodern to post-postmodern: modern sociocultural transformations and the latest trends of language philosophy // *Idil Journal of Art and Language*, vol.1, №1. Available at: <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf>
4. Klyushikov B., Kozlov S., Alekseev K., Levchenko Ya., Maslyaev A. (2017). Overcoming the logic of "Post": Alter-, Digital-, Metamodernism [video of the round table of the HSE School of Cultural Studies]. Available at: [https://www.youtube.com/watch?v=BL\\_\\_np0xjaU&t=7s](https://www.youtube.com/watch?v=BL__np0xjaU&t=7s).
5. Sorokin P.A. (2017). *Social and cultural dynamics*. M.: Academic project. 964 p.
6. Sloterdike P. (2010). *Spheres. Plural spherology*. Vol. 3. The foam. St. Petersburg: Science. 923 p.
7. Turner L. (2010). *Metamodernism: Manifesto* // *Metamodernism*. Available at: <http://www.metamodernism.org>
8. Turner L. (2015). *Metamodernism: A Brief Introduction*. Berfrois // *Metamodernism*. Available at: <http://www.berfrois.com/2015/01/everything-always-wanted-know-metamodernism/>
9. Vermeulen T., Van Den Akker R. (2010). Notes on metamodernism // *Journal of AESTHETICS & CULTURE*. Vol. 2. Available at: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf>
10. Vermeulen T., Van Den Akker R. (2014). What is metamodernism? // *Dvoetochie*. Available at: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/>

11. Vermeulen T., Van Den Akker R. (2015). Misunderstandings and clarifications. Notes on Notes on Metamodernism' // Metamodernism. Available at: <http://www.metamodernism.com/2015/06/03/misunderstandings-and-clarifications/>
12. Freinacht H. (2015). You're not metamodern before you understand this // Metamoderna. Available at: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-1-game-change?lang=en>
13. Dempsey B. (2015). Reconstruction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth // Metamodernism. Available at: <http://www.metamodernism.com/2015/10/21/reconstruction-metamodern-transcendence-and-the-return-of-myth/>
14. Loomis C, Loomis Z. (1975). Modern Social Theories. N-Y: R.E. Krieger Pub. Co. 836 p.
15. Böhme G. (1993). Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics. SAGE journals. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/072551369303600107>
16. Timmer, N.N.A. (2010). Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium // Postmodern Studies. Vol. 44. Available at: <https://doi.org/10.1163/9789042029316>

#### **Information about the author**

Maria A. Nepomilueva (Russian Federation, Moscow) – postgraduate, Sociology faculty of St. Petersburg State University (1/3 Smolny St., 191124, St. Petersburg, [maryanemsu@gmail.com](mailto:maryanemsu@gmail.com))

## ЧУВСТВО ГОРДОСТИ ЗА СВОЮ СТРАНУ: РОССИЯНЕ О ДОСТИЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>1</sup>

**Аннотация.** В статье представлены результаты анализа достижений современной России в политике, экономике, науке, спорте, искусстве и литературе. Также в статье рассмотрены ее история и культурное наследие (по материалам 8-й волны Всероссийского мониторинга, проведенного Центром изучения социокультурных изменений в 2023 году), вызывающие у россиян чувство гордости.

**Ключевые слова:** чувство гордости, российское общество, достижения России, всероссийский мониторинг.

Цель нашего исследования заключалась в поиске объективных факторов появления чувства гордости россиян за достижения своей страны. Нами были отобраны следующие социально-демографические показатели: пол, возраст, уровень образования, материальное положение и место проживания и место проживания (село – город). Эмпирическую основу исследования составили данные, полученные в рамках 8-й волны всероссийского мониторинга, проведенного в 2023 году Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (Россия, N=1000; Северо-Западный федеральный округ, N=225; Южный и Северо-Кавказский федеральный округ, N=220).

В исследование вошел анализ ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы гордитесь достижениями России в следующих областях и сферах?», который включал 7 сфер деятельности: политика, экономика, наука, спорт, искусство и литература, история, культурное наследие. Варианты ответов были распределены по шкале Лайкерта: 1) очень горжусь; 2) пожалуй, горжусь; 3) в некоторой степени горжусь; 4) пожалуй, не горжусь; 5) совсем не горжусь. Для удобства обработки и анализа данных были объединены варианты ответов «очень горжусь» и «пожалуй, горжусь» в категорию «горжусь»; а также варианты «пожалуй, не горжусь» и «совсем не горжусь» в одну категорию – «не горжусь». Средняя позиция была отражена формулировкой «в некоторой степени горжусь». Статистический и корреляционный анализы эмпирических данных были проведены с помощью программы IBM SPSS Statistics (таблица).

Лидирующие позиции среди достижений России, получивших наибольшее общественное признание среди россиян в целом и жителей регионов, заняли: культурное наследие, история, искусство и литература, спорт и паралимпийский спорт. В то время как сфера экономики заняла первое место в антирейтинге. Около трети россиян, а также жителей СЗФО и двух южных регионов не испытывают чувство гордости за экономические достижения России. Значительная часть респондентов находится в промежуточной позиции относительно оценки экономических достижений нашей страны – что свидетельствует о существующей сложности в определении критериев, по которым человек судит о достижениях России в области экономики. Некоторые отталкиваются от собственного уровня финансового состояния и материального

<sup>1</sup> Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

**Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы гордитесь достижениями России в следующих сферах?», 2023 год, %**

Сфера	Россия			СЗФО			ЮФО и СКФО		
	горжусь	в некоторой степени горжусь	не горжусь	горжусь	в некоторой степени горжусь	не горжусь	горжусь	в некоторой степени горжусь	не горжусь
Политическое влияние в мире	52	23	20	54	20	20	60	24	13
Экономика	31	29	36	31	28	36	33	31	32
Наука	60	23	14	61	21	15	58	26	13
Спорт и паралимпийский спорт	70	18	9	71	17	9	71	19	7
Искусство и литература	77	15	5	80	11	5	73	18	6
История	79	12	5	79	13	5	74	16	5
Культурное наследие	80	13	4	84	11	3	75	15	4

благополучия, в то время как другие принимают во внимание макроэкономические показатели страны, оценивая динамику ВВП, рост инфляции, уровень безработицы, объем экспорта и др.

На втором месте антирейтинга находится политическое влияние России в мире и научные достижения – одна пятая от общего числа опрошенных в СЗФО и чуть меньше в ЮФО и СКФО не гордятся политическим влиянием России в мире. Небольшая часть россиян в СЗФО и южных регионах, соответственно, не гордятся достижениями России в науке (13–15%).

Доля жителей южных регионов, которые гордятся культурным наследием России немного меньше, чем в СЗФО, и составляет три четверти от общего числа опрошенных. Аналогично, доля респондентов в южных регионах, которые гордятся историей России, сравнительно меньше, чем в СЗФО, как и доля тех, кто испытывает чувство гордости за достижения нашей страны в области искусства и литературы – в обеих когортах зафиксировано почти по три четверти респондентов. Возможно, это связано с наличием своей, национальной истории жителей республик южных регионов, которым сложно оценивать историческое прошлое всей страны – стоит ли при ответе на вопрос учитывать только историю своей республики или историю России в целом. Также историческое прошлое некоторых народов ЮФО и СКФО включает в себя тяжелые периоды (например, ссылки и репрессий в 1920–1930-х гг. в рамках принятых правительством СССР мер по защите и сохранению социалистического строя на Кавказе и борьбе с инакомыслием и диссидентством), что оставило след в массовом сознании жителей южных регионов и могло отразиться на их ответах.

Корреляционный анализ позволил выявить ряд закономерностей, наблюдаемых в современном российском обществе. *Во-первых*, достижениями России в спорте и паралимпийском спорте в большей степени гордится российская молодежь в возрасте 18–24 лет (83%), чем россияне в возрасте 45–54 лет (67%). Это можно объяснить тем, что старшее поколение, как правило, в меньшей степени интересуется спортом по состоянию здоровья или ввиду отсутствия возможности и подходящих условий для занятий спортом. *Во-вторых*, чем выше уровень образования россиян, тем меньше их чувство гордости за достижения своей страны в политике, экономи-

ке и науке; больший процент тех, кто гордится достижениями России в экономике и науке, фиксируется среди опрошенных со средним и ниже уровнем образования, меньший – среди респондентов с высшим и поствысшим образованием. Образованные россияне могут обладать информацией об основах функционирования политических систем и институтов, о внешней и внутренней политике нашей страны, возможных способах и инструментах усовершенствования политической системы, и конструктивно-критически подходят к ее оценке и анализу, принимая во внимание перспективы и возможные способы усиления политического влияния России в мире. *В-третьих*, чем выше уровень материального положения человека, тем выше его чувство гордости за достижения страны в сферах политики, экономики, науки, спорта, искусства и литературы, истории, а также чувство гордости за культурное наследие страны. Материально обеспеченные россияне обладают большей мобильностью, поскольку у них больше возможностей посещения спортивных и культурных мероприятий, благотворительных вечеров, выставок, музеев, исторических мест. Зажиточные и богатые россияне могут принимать непосредственное участие в культурных и спортивных мероприятиях федерального значения, вносить свой вклад в искусство и культурное наследие страны: предоставлять государственным музеям редкие экспонаты из частных коллекций, проводить благотворительные акции, организовывать выставки, экскурсии, чемпионаты, экспедиции и др. *В-четвертых*, наибольшая доля тех, кто гордится достижениями России в сфере экономики, как ни странно, отмечена среди жителей сельской местности, а не городских жителей (54% против 29%). Это может быть связано с активным развитием агропромышленного комплекса России, в основе которого лежит сельскохозяйственное производство, что позволило нашей стране стать одним из крупнейших экспортеров продовольственных товаров в рамках реализации государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» с 2020 года. В российских селах развивается и улучшается инфраструктура, жилищные условия, принимаются меры по повышению уровня занятости на селе. *В-пятых*, в СЗФО, как и по России в целом, была обнаружена обратно пропорциональная связь между уровнем образования и гордостью за достижения России в области спорта и паралимпийского спорта: наибольшая доля тех, кто гордится спортивными достижениями своей страны, отмечена среди россиян со средним уровнем образования и ниже (81%), наименьшая – среди респондентов с незаконченным высшим и высшим уровнем образования (67–68%). *В-шестых*, среди жителей ЮФО и СКФО, как и среди россиян в целом, наибольшая доля тех, кто гордится достижениями России в области искусства и литературы, отмечается среди городских жителей – 78%, в то время как доля таких среди сельских жителей меньше (69%). Полагаем, это связано с тем, что уровень материального положения жителей городов и мегаполисов выше, чем у сельских жителей. Кроме того, наличие в городах развитой досуговой инфраструктуры делает культурные и спортивные мероприятия гораздо доступнее для посещения.

Результаты исследования обозначили сложность в поиске и определении факторов, способствующих формированию чувства гордости среди населения за достижения страны. Во многом это связано с тем, что чувство гордости характеризуется субъективно-объективным, рационально-иррациональным содержанием – в его основе лежат как индивидуальные эмоции и жизненный опыт личности, так и объективные компоненты окружающей действительности. Чувство гордости обладает интегрирующим влиянием на российское общество в условиях социальной нестабильности

и может способствовать поддержанию его устойчивого развития. Несмотря на вызовы современности и их риски, российская цивилизационная идентичность имеет социокультурный «стержень». Если тенденция, основанная на преобладании в общем населении россиян, которые гордятся достижениями своей страны, сохранится и в последующие годы - это может способствовать укреплению консолидирующего потенциала российского общества в условиях вызовов современности.

#### **Информация об авторе**

Ракова Кристина Викторовна (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН (Россия, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12; rakova@iphras.ru)

Rakova K.V.

#### **A SENSE OF PRIDE FOR THE COUNTRY: RUSSIANS ON THE ACHIEVEMENTS OF MODERN RUSSIA**

**Abstract.** *The article represents the results of the analysis of Russians' sense of pride for the achievements of modern Russia in politics, economics, science, sports, art and literature, as well as for the history of our country and its cultural heritage (based on the materials of the 8th wave of All-Russian survey (2023) conducted by the Center for the Study of Social and Cultural Changes.*

**Keywords:** *sense of pride, Russian society, achievements of Russia, All-Russian survey.*

#### **About the author**

Kristina V. Rakova (Russian Federation, Moscow) – Candidate of Sociology, Junior Researcher, Centre for the Study of Social and Cultural Changes, RAS Institute of Philosophy (12/1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240; rakova@iphras.ru)

## НОВЫЕ ФОРМЫ СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ

**Аннотация.** *Нами рассматриваются происходящие в современном техногенном обществе изменения, которые приводят к процессам стратификации. Рассматривается социально-статусная стратификация, основанная на возможности/невозможности доступа к современным технологиям и услугам, основанным на биотехнологиях, усиливающих неравенство между технически и интеллектуально грамотными, материально обеспеченными и пассивными пользователями. Также в работе затрагиваются проблемы адаптации к новой цифровой реальности, онтологического неравенства. Избирательная доступность регулирования человеческих способностей указывает на генетическое неравенство, включая использование генетических кодов. Обращается внимание на трудовое неравенство, рассматривается прекариат. Выделяются категории, тенденции на исправление свойств которых ставятся под сомнение. Говорится о неприемлемости адиафорического способа восприятия реальности, поскольку приоритетом считается личность, ее моральный выбор и способы восприятия новой реальности.*

**Ключевые слова:** *техногенное общество, социальная стратификация, адаптация, онтологическое неравенство, генетическое неравенство, генетический код, трудовое неравенство, прекариат.*

Техногенное общество, как система, построенная на основе развития техники, технологий, научных достижений, производства, информационных инноваций, не может не оказывать влияния на социальную структуру общества, изменяя и формируя предпосылки для разделения общества, трансформируя социальный статус и возможности самореализации человека, образуя новые основания социальной стратификации.

С развитием нано-, био-, инфо-, когнитотехнологий, робототехники, искусственного интеллекта меняется социальная структура общества, появляются как новые ведущие социальные группы (креативный класс, технократия, резко растет число работников сферы услуг, IT-специалистов), сокращается массовый труд, появляются новые формы занятости (фрилансеры, удаленная работа, проектные сообщества и др.), так и новые опасные формирования (прекариат, андеркласс, постоянно и временно безработные и др.).

Технико-технологические достижения, цифровая среда, доступ к интернет-ресурсам, образовательным и развлекательным платформам – это возможность оптимального использования физических и интеллектуальных параметров человека, использование образовательных, культурных, коммуникационных ресурсов даже в условиях отсутствия физических возможностей.

Однако здесь возникает один из негативных моментов социально-статусной стратификации общества по принципу *доступа к применению современных технологий*: усиление неравенства между людьми технически грамотными, владеющими и контролирующими возникновение, развитие и применение технологий («когнитариат» – Э. Тоффлер, «креативный класс» – Р. Флорида, «класс интеллектуалов» – В.Л. Иноземцев) и пассивными пользователями-потребителями, не обладающими достаточными знаниями. Так, по мнению некоторых исследователей, «российская программа цифровизации в ее нынешнем виде угрожает расколоть общество, поскольку предусматривает превращение страны в гигантскую интернет-

платформу, которая станет заменой государства, а самих россиян предлагает «рас- сортировать в зависимости от их уровня овладения цифровыми технологиями» (Малышева, 2018, с. 44).

Следующим маркером социальной стратификации общества является *адаптация человека к моделям и темпам социально-технологического перехода*. Социальным слоям, не принимающим безусловно изменившуюся информационно-коммуникативную реальность, оценивающим риски и сложности использования технологий, так же как и слоям, положительно оценивающим изменения, придется непрерывно приспосабливаться к новой реальности, независимо от их желания, возможностей, потенциала. Так, например, при автоматизации производства, замещении рабочих мест интеллектуальными системами, бывших работников «с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение... возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения» (Фишман и др., 2019, с. 152).

Как следствие возникает *онтологическое неравенство*. Динамично развивающаяся цифровая среда, темпы цифрового развития предполагают изначальное неравенство возможностей между поколением, родившемся и выросшим в условиях цифрового мира и между поколением «до-интернета». Не владеющим современными технологиями, не имеющим подходящих инструментов ограничен свободный доступ к получению государственных услуг, образования, медицинской помощи, приобретению товаров и услуг. Возможность получить такой доступ очно существует, испытав ряд неудобств и неловкостей. С неизбежностью возникают столкновение интересов, напряженность, потенциальное разделение между стратами, проблемы этического плана, фиксируется возможность/невозможность применения определенных состояний и способностей.

Данная стратификация затрагивает не только отдельного человека, сообщество, но также и отдельные государства. В глобализирующемся мире выработаны стандарты и нормы развития технологий и инноваций, а также модели государственного устройства, курса экономического и политического развития, развития человеческого потенциала. Государства, находящиеся на пике исследований и применения передового производства, 3 и 4G-печати, интернета вещей, таргетной, персонализированной, персонифицированной, превентивной цифровой медицины, разработок по исследованию геномной инженерии, придерживающиеся «правильного» (в данный момент времени определяемого узким кругом сильных государств) политического курса получают экономические и финансовые выгоды. В отличие от стран-прекариев, не вписывающихся в стандарты развития государств, не имеющих финансовой, интеллектуальной возможности следовать глобальным курсам, продвижении особой внутренней социально-экономической программы, политика которой в результате превращает целую страну в страну-изгой, подвергая риску отстать от передовой инновационной экономики (Ezell, Atkinson, 2014).

Следующая форма стратификации основана не на желании/нежелании, а на возможности/невозможности *доступа к новейшим эффективным технологиям и финансированию услуг, основанных на биотехнологиях*. Такой подход является «абсолютно новым для экономики, политики, культуры современного общества, основанного на идее исходного фундаментального биологического равенства людей» (Веряскина, 2022, с. 347). Проблемы неравенства скрыты в *избирательной доступности регулирования* человеческих способностей достижениями геномной инженерии, медицины,

протезирования, трансплантологии, фармакологии, цифрового пространства, усовершенствовании когнитивных способностей, нейронауке и др., способны породить «риск биологического закрепления социально-экономического неравенства» (Вызов 2035, 2016), а также неравенства *генетического*. «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”, потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» (Фукуяма, 2004, с. 308). Андроиды, химеры, биомолекулярные роботы могут быть в будущем наделены правами и обязанностями, статусом социальных групп. Г. Стэндинг обращает внимание на используемые неолиберальными государствами практики отбора (например, работников) не только по гендерному, расовому, возрастному, образовательному принципу, но и с помощью новейших генетических исследований – *генетических кодов* (Стэндинг, 2014, с. 241).

Мы не обошли вниманием и такой аспект социальной стратификации, как трудовое неравенство. Изменяющиеся экономические условия, глобализация мировой экономики, и соответственно увеличивающееся экономическое взаимодействие между странами и глобальная конкуренция между одними работниками – дефицитным ресурсом (когнитариат) и другими – легкозаменимой рабочей силой, создают новые формы занятости, предпосылки распространения прекаризации и возникновения протокласса прекариата (от лат. *Præcarium* – нестабильный, негарантированный). Черты прекарной занятости можно найти практически во всех формах занятости трудоспособного населения (временные работники, работающие по срочным трудовым договорам, стажеры, безработные, мигранты, беженцы, женщины, пенсионеры, молодежь и др.). Ключевыми последствиями прекаризации указываются: «увеличение масштабов бедности; активизация миграционных процессов; деформация профессиональной структуры; ухудшение материального и психоэмоционального благополучия человека» (Сигитова, Филиппова 2021).

Существующие тенденции стратификации акцентируют внимание на том, что отдельные категории или состояния нуждаются в исправлении, коррекции, изменении, независимо от желания, способностей или возможностей, подпадающих под определение неуспешных, неудачных, опасных. Например, это *безработные*, которые в некоторых странах попадают в «ловушку нестабильности» (Стэндинг, 2014, с. 91), так как попытки устроиться на новую работу чреваты потерей пособия, и при неудачном устройстве – сложностями с его оформлением. Перспективные результаты геномных методов лечения людей с ограниченными возможностями могут восприниматься ими как вмешательства в особенности их восприятия мира, субкультуру, их индивидуальность, естественный уникальный аспект личности, и, по их мнению, *не требуют исправления в обязательном порядке*.

Инициативы по запрещению дискриминации *мигрантов, возрастных работников* также указывают на наличие данных страт в обществе и особенностей их функционирования в трудовой сфере. Все более совершенные технологии способны классифицировать людей *по нетрудоспособности*. Технологии дают возможность точно диагностировать заболевания или предрасположенности, с настоящими рекомендациями их исправления, в этом кроется опасность дискриминации, все сложнее становится утаить (при необходимости или при желании) какую-либо информацию, сведения об определенных заболеваниях становятся известны специальным учреж-

дениям, а при, скажем, случайном либо мошенническом разглашении информации и широкому кругу лиц. Исследователи рассуждают о «новой форме контроля – молекулярной биополитике» (Михель, 2019, с. 46).

Социальная стратификация в традиционном понимании, как расслоение общества на социальные слои, дополняется в техногенном обществе новым расслоением, затрагивающим не социальные, а внутренние, индивидуальные особенности и характеристики человека, его внутреннюю среду. Некоторые авторы говорят даже о «бархатном» тоталитаризме – подконтрольной форме манипулирования сознанием и воображением – реклама в котором «способна создавать человеческие потребности и критерии счастья» (Бауман, Донскис, 2019, с. 121). Общество делится на успешных и тех, кто должен нести ответственность за свою *несчастливость*, за экономическую несостоятельность, за нездоровье.

Техногенное общество выявляет экономические, социально-культурные, антропологические, биологические, генетические трансформации, а также изменения в сфере морали, понимания концепции равенства и возможностей каждого человека, его морального выбора. Способ же восприятия действительности как адиафорической реальности – вне сферы морали – неприемлем, способствует возникновению и укоренению в обществе проблем неравенства, не предоставления возможностей, которые с развитием техногенной цивилизации только растут.

### Библиографический список

1. Бауман З., Донскис Л. Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / пер. с англ. А.И. Самариной; науч. ред. М.А. Симакова. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 296 с.
2. Веряскина В.П. Человек в новой реальности XXI века: биотехнологические вызовы и их социальные последствия // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы. Отв. ред. Г.И. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. Москва: Канон+, 2022. 496 с. С. 341–365.
3. Вызовы 2035 / Агамерзян И.Р. и др. Сост. Буров В.В. Москва: Олимп-Бизнес. 2016. 240 с.
4. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. № 1. С. 40–46.
5. Михель Д.В. Биокапитализм: новые технологии, новая экономика, новые формы труда и контроля в глобальном мире // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 25–49.
6. Сигитова М.А., Филиппова К.В. Прекаризация как проявление аномии в трудовой сфере // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 36–40.
7. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
8. Фишман Л. Г., Мартыянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва: ИД ВШЭ, 2019. 416 с.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина. Москва: Издательство АСТ. 2008. 349 с.
10. Ezell St., Atkinson R.D. The Middle Kingdom Galapagos Island Syndrome: The Cul-De-Sac of Chinese Technology Standards // Information technology and innovation foundation (ITIF). December 15, 2014. Available at: <https://itif.org/publications/2014/12/15/middle-kingdom-galapagos-island-syndrome-cul-de-sac-chinese-technology> (accessed: 18.09.2024).

## Информация об авторе

Черновицкая Юлия Вячеславовна (Россия, Москва) – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; juchische@rambler.ru)

Chernovitskaya Y.V.

## NEW FORMS OF SOCIETY STRATIFICATION IN THE TECHNOGENIC WORLD

**Abstract.** *The author examines the changes occurring in the modern technogenic society, leading to stratification processes. The author points to the social and status stratification based on the possibility/impossibility of access to the use of modern technologies and services based on biotechnology, which increase inequality between technically and intellectually literate, financially secure and passive users, and touches upon the problems of adaptation to the new digital reality, ontological inequality. Selective availability of regulation of human abilities points to genetic inequality, including the use of genetic codes. Attention is drawn to labor inequality, the precariat is considered. Categories are identified, the tendencies of correction of the properties of which are necessarily called into question. The unacceptability of the adiaphoric way of perceiving reality is shown, and the priority is considered to be the personality, its moral choice and ways of perceiving the new reality.*

**Keywords:** *Technogenic society, social stratification, adaptation, ontological inequality, genetic inequality, genetic code, labor inequality, precariat.*

## References

1. Bauman Z., Donskis L. Liquid evil: life in a world where there are no alternatives / trans. from English by A.I. Samarino; scientific editor M.A. Simakova. SPb: Ivan Limbakh Publishing House, 2019. 296 p.
2. Veryaskina V.P. Man in the new reality of the 21st century: biotechnological challenges and their social consequences // Humanity in the new reality: global biotechnological challenges. Responsible editor G.I. Belkina, editor-compiler M.I. Frolova. Moscow: Canon+, 2022. P. 341–365.
3. Challenge 2035 / Agamerzyan I.R. et al. Comp. Burov V.V. Moscow: Olimp-Business Publishing House. 2016. 240 p.
4. Malysheva G.A. On the socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society // Power. 2018. No. 1. P. 40–46.
5. Mikhel D.V. Biocapitalism: New Technologies, New Economy, New Forms of Labor and Control in the Global World // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 9. Oriental Studies and African Studies: Abstract Journal. 2019. No. 4. P. 25–49.
6. Sigitova M.A., Filippova K.V. Precarization as a Manifestation of Anomie in the Labor Sphere // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2021. No. 6. P. 36–40.
7. Standing G. The Precariat: A New Dangerous Class. M.: Ad Marginem Press, 2014. 328 p.
8. Fishman L. G., Martyanov V. S., Davydov D. A. Rent society: in the shadow of labor, capital and democracy. M.: ID HSE, 2019. 416 p.
9. Fukuyama F. Our post-human future: consequences of the biotechnological revolution / F. Fukuyama; Transl. from English by M. B. Levina. M.: OOO “AST Publishing House”. 2008. 349 p.

10. Ezell St., Atkinson R.D. The Middle Kingdom Galapagos Island Syndrome: The Cul-De-Sac of Chinese Technology Standards // Information technology and innovation foundation (ITIF). December 15, 2014. Available at: <https://itif.org/publications/2014/12/15/middle-kingdom-galapagos-island-syndrome-cul-de-sac-chinese-technology> (accessed: 18.09.2024).

#### **Information about the author**

Yulia V. Chernovitskaya (Russian Federation, Moscow) – PhD in philosophy, Research Fellow, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia; [juchische@rambler.ru](mailto:juchische@rambler.ru))

**СЕКЦИЯ**

**«Социокультурное развитие регионов России»**

***Сессия 2***

## СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МОНИТОРИНГ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

**Аннотация.** На основе данных социокультурного мониторинга Тюменской области (2006–2023 гг.) рассмотрены оценки жителями качества жизни. Оценки представлены на основе ответов на вопросы: «Как Вы оцениваете качество жизни в Вашем регионе?», «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Тюменской области?».

**Ключевые слова:** качество жизни, дифференциация, социокультурный портрет региона.

В докладе оценивается качество жизни в Тюменской области по результатам Социокультурного мониторинга (2006–2023 гг.). Мониторинг проводится на базе региональных исследований участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Программа разработана Центром изучения социокультурных изменений на базе Института философии Российской академии наук под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина и д.с.н., проф. Л.А. Беляевой.

Повышение качества жизни населения становится одной из ключевых задач для органов власти<sup>1</sup>. Формирование благоприятных условий для развития инфраструктуры, обеспечения доступности образования, здравоохранения, культурных и социальных услуг, а также поддержка малого и среднего предпринимательства являются основными приоритетами стратегий территориального развития.

Качество жизни, как многогранная социально-экономическая категория, охватывает как объективные, так и субъективные показатели, включая удовлетворенность граждан различными аспектами их жизни. В это понятие обычно входят уровень материального благосостояния, условия проживания, доступ к образованию и медицинским услугам, экологическая ситуация, социальное благополучие населения, а также степень удовлетворения потребностей и интересов людей. В работе используется комплексный подход к оценке качества жизни, в фокусе внимания субъективные оценки жителей, которые отражают качество жизни, их дифференциация. Рассматриваются такие составляющие качества жизни, как: благоустройство, здравоохранение, образование, общественный транспорт, возможности проведения досуга, работа ЖКХ, работа органов внутренних дел органов правопорядка, экология.

Методология исследования качества жизни, также как уровня и образа жизни, имеет давнюю традицию. В социологии в ее разработку существенный вклад внесли многие ученые. Авторы доклада опираются на фундаментальные концепции Н.И. Лапина: антропосоциокультурный эволюционизм как метатеоретический принцип изучения сообществ людей (Лапин 2018), социокультурная эволюция российских регионов как их базовая парадигма (Лапин 2020), о сложностях становления новой России (Лапин 2021а), базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения социокультурной динамики (Лапин 2021б).

<sup>1</sup> Стратегия социально-экономического развития Тюменской области до 2030 г., утвержденная Законом Тюменской области от 12.03.2020 № 23.

Эмпирической базой исследования стали следующие данные: результаты мониторинга Тюменской области в рамках всероссийского мегапроекта «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой 2006–2023 гг.<sup>2</sup>

Подробно изучены ответы жителей региона на вопрос «Как вы оцениваете качество жизни в Вашем регионе?» (для удобства взят индекс, где 0 – плохо, а 1 – хорошо). В ходе мониторинга 2023 года жители Тюменской области высоко оценили: общественный транспорт, благоустройство, образование, возможности проведения досуга, работу органов внутренних дел и правопорядка, экологию. Самую высокую оценку (0.80) жители региона дали уровню благоустройства территории. Самые низкие оценки жители поставили уровню доступности медицинских услуг, работе поликлиник и ЖКХ.

Была проведена проверка по Критерию U Манна – Уитни, в результате чего мы выявили значимые различия между оценками мужчин и женщин. Мужчины склонны давать более высокие оценки составляющим качества жизни, нежели женщины. Значимо расходятся оценки таких составляющих как: общественный транспорт, доступность медицинских услуг, экология и работа ЖКХ. Жители с высшим образованием в целом выше оценивают параметры качества жизни по сравнению с теми, кто получил начальное или среднее образование. Значимая дифференциация по возрасту заметна в оценках таких параметров, как: общественный транспорт, досуг, работа ЖКХ. Жители городов намного выше оценивают качество жизни нежели сельские жители. В группах по материальному положению зафиксировано существенное различие в оценках качества жизни: чем менее обеспечены жители, тем более они склонны критично оценивать составляющие качества жизни, и наоборот.

На вопрос «Что необходимо сделать для улучшения жизни населения в области?», за все время проведения социокультурного мониторинга, начиная с 2006 года, самый частый запрос был на улучшение медицинского обслуживания, и к 2023 году он только вырос. Среди других составляющих качества жизни жители Тюменской области отмечают необходимость создать новые рабочие места, повысить зарплату и построить доступное жилье.

Особо следует подчеркнуть, что за 17 лет наблюдений значительно возрос интерес к повышению качества образования. С 2006 года более чем в два раза сократилось количество людей, считающих необходимым навести порядок и бороться с преступностью и коррупцией.

Таким образом, сравнительное исследование оценок качества жизни в Тюменской области демонстрирует значительные различия в восприятии аспектов жизни среди разных групп населения. Эти различия, связанные с полом, возрастом, типом населенного пункта, уровнем образования и материальным положением, указывают на разнообразие восприятия качества жизни, что может быть полезно для разработки социальных и экономических программ, направленных на улучшение жизни граждан. Острыми проблемами в Тюменской области остаются качество медицинских услуг и жилищно-коммунального обслуживания, которые яв-

<sup>2</sup> В 2023 г. исследование проведено кафедрой Общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, в том числе автором, в пяти городах юга Тюменской области (Тюмень, Тобольск, Ишим, Ялуторовск, Заводоуковск) и в 9 муниципальных районах (Аромашевском, Вагайском, Викуловском, Голышмановском, Казанском, Нижнетавдинском, Заводоуковском, Тюменском, Ишимском). Массовый опрос жителей Тюменской области, 2023 г. Выборка квоцировалась по полу, возрасту и территории проживания. Объем выборочной совокупности в 2023 г. – 1430 чел. в возрасте от 18 до 85 лет, городское население 68,5%, сельское население 31,5%.

ляются важными практически для всех групп населения. Хотя приоритеты в этих вопросах с годами менялись, доля жителей, указывающих на них как на наиболее значимые, всегда превышала треть среди опрошенных. Наиболее высокие оценки в регионе получают такие аспекты, как работа общественного транспорта и благоустройство территорий.

### Библиографический список

1. Лапин Н. И. (2018). Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. № 3. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017.
2. Лапин Н.И. (2020). О новом этапе исследований социокультурной эволюции российских регионов (для XVI конференции межрегиональной программы, ВСК-VI, г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 6. № 2 (22). С. 6–17. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-6-17
3. Лапин Н.И. (2021a). Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход // Complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural approach. Москва: Весь Мир. 364 с.
4. Лапин Н. И. (2021b). Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения // Социологические исследования. № 5. С. 104–115. DOI: 10.31857/S013216250014468-7

### Информация об авторах

Андрианова Елена Владимировна (Россия, Тюмень) – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Давыденко Владимир Александрович, (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет

Andrianova E.V., Davydenko V.A.

## SOCIO-CULTURAL MONITORING OF THE TYUMEN REGION: QUALITY OF LIFE

**Abstract.** *Based on the data of the socio-cultural monitoring of the Tyumen region (2006–2023), the assessments of residents of the quality of life are considered. The estimates are based on the answers to the questions: “How do you assess your region?”, “What do you think needs to be done to improve the lives of the population of the Tyumen region?”.*

**Keywords:** *quality of life, differentiation, sociocultural profile of the region.*

### References

1. Lapin N. I. (2018). Anthroposociocultural evolutionism – a metatheoretical principle of studying human communities. Sociological research. No. 3. P. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017
2. Lapin N.I. (2020). On a new stage of research on the socio-cultural evolution of Russian regions. Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. Vol. 6. No. 2 (22). P. 104–115. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-6-17

3. Lapin N.I. (2021a). The complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural approach. Complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural approach. Ves' mir. 364 p.
4. Lapin N. I. (2021b). Basic human interaction and civil society culture as a subject of study. Sociological research. No. 5. DOI: 10.31857/S013216250014468-7

#### **Information about the authors**

Elena V. Andrianova (Russian Federation, Tyumen) – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of Department of General and Economic Sociology University of Tyumen; Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Vladimir A. Davydenko (Russian Federation, Tyumen) – Dr. Sci. (Soc.), Head of the Research Center, University of Tyumen

## СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

**Аннотация.** Рассматривается пример организации научного сотрудничества вузов культуры и искусств как института партнерства в разработке стратегии культурного развития/саморазвития смоленского региона. Разработка стратегии развития/саморазвития региона является заключительным разделом социокультурного портрета. По определению Н.И. Лапина, подготовку этого раздела следует рассматривать как интегральную творческую задачу, для решения которой предыдущие 10 разделов являются ее предпосылками. Решение этой задачи означает конструирование способов саморазвития региона, форм их институализации, организации партнерского взаимодействия исследователей и управленцев-практиков как экспертов. Сверхзадачей такого партнерства может стать разработка инновационных проектов, цель которых – **дать старт или новый импульс саморазвитию региона**. В статье анализируется выбор подцели стратегии саморазвития смоленского региона – построение приграничной агломерации, вовлечение объектов культурного наследия исторического города Смоленска в процессы организации привлечения туристических потоков. Смоленск имеет уникальный историко-культурный потенциал.

**Ключевые слова:** заключительный раздел портрета региона, конструирование способов развития/саморазвития региона, формы институализации способов саморазвития региона, организация партнерств исследователей и управленцев-практиков, экспертиза проектов, социокультурная организация пространства исторических городов, привлечение туристических потоков, приграничная агломерация.

Проблему разработки стратегии развития/саморазвития смоленского региона и ее описания в заключительном разделе социокультурного портрета Смоленской области в виде разработки двух-трех сценариев ее реализации мы обсуждали с Н.И. Лапиным во время его приезда в г. Смоленск для организации V Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» в октябре 2009 года. Тогда, рассматривая итоги пяти лет реализации программы и ее задачи на будущее, Н.И. Лапин сформулировал ключевую задачу социокультурных портретов – получать такие результаты, которые бы активно и широко входили в практику управления развитием регионов. Для этого следует **«...рассматривать формирование выводов и практических рекомендаций в качестве интегрирующей исследовательской функции, используя при этом инновационные методы взаимодействия исследователей и работников органов управления (законодательных и исполнительных), заинтересованных в этих результатах»** (Лапин, 2009).

Это положение было учтено нами при разработке современной стратегии развития/саморазвития Смоленской области, в которой в качестве подцели «дерева» избрано конструирование проекта приграничной агломерации, вовлечение объектов культурного наследия исторического города Смоленска в процессы организации привлечения туристических потоков.

Известно, что исторический город в своем социокультурном пространстве выступает в качестве самостоятельного социума, ярко иллюстрирует особенности социальных процессов развития общества. Российская традиция в изучении особенностей городских поселений складывалась постепенно на протяжении всего XX века и была связана с деятельностью искусствоведов, художников, архитекторов. Первая программа эмпирических исследований города была разработана американским социологом Р.Э. Парком в 1915 году (Парк, 2011).

Процессы возрождения, сохранения и вовлеченности объектов культурного наследия в современное материальное и культурное пространство исторических городов и поселений Смоленской области анализируются на примере Смоленска, основанного в 863 году во времена Киевской Руси. Смоленск имеет уникальный историко-культурный потенциал, в первую очередь, его определяет Смоленская крепостная стена – крупнейшая кирпичная крепость в мире (Смоленская область..., 2003).

Интересна и история герба Смоленска, который был учрежден в 1392–1393 гг. по случаю восхождения на княжеский престол возвратившегося из Литвы князя Глеба Святославича. Тогда Глеб Святославич решил, что гербом Смоленска будет пушка с сидящей на ней райской птицей Гамаюн. Пушка символизировала мощь и неприступность, беспощадность и возмездие. Она угрожала и предупреждала, выражая суть Смоленска как грозного города-крепости. В пушке символически воплощались высшие моральные ценности и лучшие традиции русского воинства, которые особо бережно хранили пушкари: честь, достоинство, благородство. Птица Гамаюн символизировала счастье, богатство, мир и процветание. В гербе Смоленска птица Гамаюн в сочетании с пушкой символизирует и то, что мир и счастье приходится часто отстаивать при помощи оружия (Герб Смоленска..., 1993).

Память о событиях исторического прошлого Смоленщины сохраняется не только в архитектурных и исторических памятниках, но и в топонимике; идеях и предложениях смолян по хозяйственному освоению объектов культурного наследия территорий муниципальных районов и городских поселений. Говоря о проблемах Смоленщины, ее жители указывают на потребность в разработке планов развития туристско-рекреационных комплексов области; обращают внимание на востребованность новаций: подготовку современных специалистов индустрии регионального туризма и гостеприимства, проведение выставок, концертов, театральных представлений, кинопоказов. Все больше специалистов администраций муниципальных округов региона в своей работе обращаются к технологиям и ценностям социокультурного проектирования. Меняется визуальный образ города; идентичность города становится основой развития экономики впечатлений. Среди смолян популярными становятся фестивали исторической реконструкции «Смоленск – город-крепость» (Бутеев, Винокуров, 2016; Винокуров, 2020; Винокуров, 2015; Винокуров, 2017; Винокуров, Сикорский, 2015).

Для разработки проекта приграничной агломерации, практик привлечения туристических потоков требуется организация партнерств исследователей и управленцев-практиков, экспертиза выводов и практических рекомендаций заключительного раздела социокультурного портрета Смоленской области. Международное научное сотрудничество вузов культуры и искусств могло бы стать таким экспертным сообществом.

Таким образом, представления о достижении профессионального консенсуса экспертов в избрании современных технологий и практик вовлечения объектов

культурного наследия исторического города Смоленска в процессы организации туристических потоков послужат для выбора приоритетных направлений развития Смоленской области. Сверхзадачей партнерства экспертов может стать инновационный проект создания *приграничной агломерации*, направленного на сохранение и привлечение трудоспособного и высококвалифицированных кадров; размещения новых предприятий, способствующих формированию наукоемких кластеров с устойчивым сбытом продукции; совершенствования инфраструктуры Смоленской области, связанное с улучшением транзитных функций территории, системы профессионального образования, здравоохранения и туризма.

### Библиографический список

1. Бутеев Д.В., Винокуров А.И. Сопоставительный анализ неофициальной топонимии Смоленска и Минска // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверина; под научн. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С. 49–52.
2. Винокуров А.И. Возможности программы и типового инструментария социокультурного портрета в оценке практик сохранения и популяризации культурного наследия российско-белорусского приграничья // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 28 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка. Мінск : Права і эканоміка, 2020. С. 381–385.
3. Винокуров А.И. Социокультурный портрет Смоленской области: методика описания кросс-культурных взаимодействий в зоне российско-белорусского приграничья (на материалах Смоленской и Могилевской областей Союзного государства России и Беларуси) // Человек в мире культуры: материалы X Международного философско-культурологического симпозиума, Рязань, 16-17 апреля 2015 г. / отв. ред. А.В. Соловьев; Ряз. гос. ин-т им. С.А. Есенина. Рязань: Изд-во «Концепция», 2015. С. 43–45.
4. Винокуров А.И. Сравнительные исследования контактных сообществ приграничья с использованием методологии социокультурного портрета // Особенности культурного развития «пограничных» территорий: исследования и стратегическое управление: материалы междунар. науч.-практ. семинара, Минск, 30–31 мая 2017 г. / НАН Беларусі, Ин-т социологии; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2017. С. 25–29.
5. Винокуров А.И., Сикорский Е.А. Историко-социологический анализ социокультурных процессов в Смоленском крае (конец XIX в. – первая четверть XX в.) // Материалы научно-методического семинара по организации кросс-культурных исследований российско-белорусского приграничья. Смоленск: Универсум, 2015. 232 с.
6. Герб Смоленска / Г. В. Ражнев. Смоленск: [б. и.], 1993. 239 с.: ил. (Библиотека журнала «Край Смоленский»: приложение к журналу; № 1). Рез. на англ., фр. и нем. яз. Словарь геральдич. терминов: с. 229–232.
7. Лапин Н.И. Турбулентно-застойные сферы региональных сообществ и проблема институтов их саморазвития // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», Смоленск, 6–9 октября 2009 г. Смоленск: «Универсум», 2009. С. 40–51.
8. Парк Р.Э. Город: Предложения по изучению человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки: Сб. переводов / РАН ИНИОН. Центр социал.

науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Еременко. Москва, 2011. С. 19–56.

9. Смоленская область. Энциклопедия. Т. II. СГПУ, 2003. С. 434–437.

### Информация об авторах

Винокуров Александр Иванович (Россия, Смоленск) – к.п.с.н., доцент, Смоленский государственный институт искусств, кафедра гуманитарных и социально-экономических наук (21400, Смоленск, ул. Румянцева, д. 8.).

Винокуров Алексей Александрович (Россия, Смоленск) – Смоленский государственный институт искусств, кафедра гуманитарных и социально-экономических наук (21400, Смоленск, ул. Румянцева, д.8; sgii@mail.ru)

Vinokurov A.I., Vinokurov A.A.

## SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF THE HISTORICAL TOWN AS A RESEARCH PROJECT OF HUMANITARIAN COOPERATION AMONG UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

**Abstract.** *An example of the organization of scientific cooperation between universities of culture and arts as an institution of partnership in the development of a strategy for cultural development/self-development of the Smolensk region is considered. The development of a strategy for the development/self-development of the region is the final section of the socio-cultural portrait. According to N.I. Lapin's definition, the preparation of this section of the portrait of the region should be considered as an integral creative task, for which the previous 10 sections of the portrait are its prerequisites. Solving this problem means designing ways of self-development of the region, forms of their institutionalization, organization of partnership between researchers and management practitioners as experts. The ultimate goal of such a partnership may be the development of innovative projects, the purpose of which is to give a start or a new impetus to the self-development of the region. The article analyzes the choice of a sub-goal of the self-development strategy of the Smolensk region – the construction of a border agglomeration, the involvement of cultural heritage sites of the historical city of Smolensk in the processes of organizing the attraction of tourist flows. Smolensk has a unique historical and cultural potential of the place, it is defined by the Smolensk fortress Wall – the largest brick fortress in the world.*

**Keywords:** *the final section of the portrait of the region, designing ways of development / self-development of the region, forms of institutionalization of ways of self-development of the region, organization of partnerships of researchers and management practitioners, project expertise, socio-cultural organization of the space of historical cities, attraction of tourist flows, border agglomeration.*

### References

1. Buteev D.V., Vinokurov A.I. (2016). Comparative analysis of unofficial toponymy of Smolensk and Minsk. In A.M. Mezenko, E.A. Zaytseva, & O.V. Sheverinova (Eds.), *Regional Onomastyka: Problems and Prospects of Research: A Collection of Scientific Articles*. Vitebsk: Masherov Vitebsk State University. pp. 49–52.
2. Vinokurov A.I. (2020). Possibilities of the program and standard tools of the sociocultural portrait in assessing practices of preservation and popularization of cultural heritage of the Russian-Belarusian borderland. *Pytanni mastatstvaznaustva, etnologii i falklarystyki*, 28. Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus; scientific ed. A.I. Lakotka. – Minsk: Law and Economics, pp. 381–385.

3. Vinokurov A.I. (2015). Sociocultural portrait of Smolensk region: methodology for describing cross-cultural interactions in the Russian-Belarusian borderland (based on materials from the Smolensk and Mogilev regions of the Union State of Russia and Belarus). In A.V. Solovyov (Ed.), *Man in the World of Culture: Materials of the X International Philosophical and Cultural Studies Symposium*, April 16–17, 2015. Ryazan: Publishing House “Concept”, pp. 43–45.
4. Vinokurov A.I. (2017). Comparative studies of contact communities of the borderland using the methodology of the sociocultural portrait. In I.V. Kotlyarov, [et al.] (Eds.), *Features of Cultural Development of “Border” Territories: Research and Strategic Management: Proceedings of the International Scientific and Practical Seminar*, Minsk, May 30–31, 2017. Minsk: National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology, pp. 25–29.
5. Vinokurov A.I., Sikorsky E.A. Historical and sociological analysis of socio-cultural processes in Smolensk region (late 19th century – the first quarter of the 20th century). *Materials of the Scientific and Methodological Seminar on the Organization of Cross-Cultural Research in the Russian-Belarusian Borderland*. Smolensk: Publishing House “Universum”. 232 p.
6. Razhnyov G.V. (1993). *Smolensk Coat of Arms*. Smolensk: [publisher unknown]. (Library of the journal “Krai Smolensky”: supplement to the journal; No. 1). (English, French, and German language summaries). (Glossary of heraldic terms: pp. 229–232). (Bibliography: pp. 233–239).
7. Lapin N.I. Turbulent-stagnant spheres of regional communities and the problem of institutions for their self-development // *Socio-cultural foundations of the strategy for the development of Russian regions: materials of the V All-Russian scientific-practical conference on the program “Socio-cultural evolution of Russia and its regions”*. Smolensk, October 6–9, 2009 / Smolensk: “Universum”, 2009. Pp. 7–8; 40–51.
8. Park R.E. (2011). The town: Suggestions for the study of human behavior in an urban environment. In V.G. Nikolaev (Ed.), *Selected Essays: A Collection of Translations*. Moscow: RAS INION, Center for Social Science Information Research, Department of Sociology and Social Psychology. Ed. by D.V.Eremenko. pp. 19–56.
9. Smolensk region. *Encyclopedia* (Vol. 2). (2003). Smolensk State Educational University. pp. 434–437.

#### **Information about the author(s)**

Alexander I. Vinokurov (Russia, Smolensk) – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (21400, Smolensk, Rumyantsev Street, 8, [sgii@mail.ru](mailto:sgii@mail.ru))

Alexey A. Vinokurov (Russia, Smolensk) – Smolensk State Institute of Arts, Department for Humanities and Social Economics (21400, Smolensk, Rumyantsev Street, 8, [sgii@mail.ru](mailto:sgii@mail.ru))

## КАЧЕСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ<sup>1</sup>

**Аннотация.** *В условиях современного беспрецедентного дефицита трудовых ресурсов стратегически важным резервом устойчивого экономического роста становятся качественные характеристики трудового потенциала (образование, физическое и психическое здоровье, социокультурные установки и т.д.).*

**Ключевые слова:** *трудовой потенциал, социально-экономическое развитие, мотивация, заработная плата.*

Трудовой потенциал – одна из ключевых подсистем человеческого потенциала, его ядро. От формирования, распределения и использования трудового потенциала зависит не только эффективное воспроизводство человеческого потенциала страны, но и возможности ускорения темпов развития экономики. Кроме того, в условиях затянувшегося демографического кризиса стратегически важным становится поиск резервов и потенциальных возможностей для устойчивого экономического роста в ситуации современного беспрецедентного дефицита трудовых ресурсов. В отличие от трудовых ресурсов, определяющих количество и структуру труда, трудовой потенциал характеризует его качество и потенциальные возможности. То есть трудовой потенциал представляет собой источники рабочей силы, ее ресурсы (количественный аспект), привлечение которых означает использование тех свойств (качественный аспект) в труде, которые ранее не использовались.

Категория «трудовой потенциал» вбирает в себя разные компоненты. Анализ исследований показывает важную роль физиологической (психофизиологической) компоненты работника, состояние его работоспособности, выносливости как физической, так и моральной. Образовательный уровень с точки зрения профессиональных характеристик, полученных в процессе обучения, а также квалификационная составляющая, включающая объем специальных знаний и трудовых навыков, интеллект, творческие способности выполняют ведущую миссию по формированию в рамках трудового потенциала работающих интеллектуальных качеств. Социальная составляющая трудового потенциала определяется исследователями посредством таких характеристик, как мотивация, уровень гражданской и социальной зрелости, степень усвоения норм отношения к труду, ценностные ориентации, интересы, потребности и запросы в сфере труда, т.е. они исходят из иерархии потребностей человека.

Качество трудового потенциала рассчитывается исследователями на основе статистических и социологических данных, либо с помощью интегральных оценок, включающих те и другие индикаторы.

К статистическим показателям традиционно относят данные о социально-демографической составляющей трудового потенциала (возраст, пол, продолжительность трудовой жизни, уровень профессиональной подготовки населения, уровень трудовой активности). Достаточно часто используются показатели, характеризующие уровень развития региональной экономики (фондовооруженность труда работников, среднедушевой валовой региональный продукт, среднемесячная зарплата ра-

<sup>1</sup> Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 23-18-00775 «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности» (2023–2025 гг.).

ботников в регионе). Основными качественными характеристиками, измеряемыми с помощью социологических опросов, являются здоровье, образованность, творчество, социальная активность, коммуникабельность, нравственность (Мониторинг ..., 2018). Часть из выделенных характеристик может отражаться также и в определенном наборе показателей официальной статистики.

Данное исследование опирается на итоги мониторинга качества трудового потенциала населения, основанного на оригинальном подходе к составу его индикаторов. Согласно подходу интегральным показателем качества трудового потенциала является *социальная дееспособность*, имеющая сложную иерархическую структуру и вбирающая в себя восемь качественных компонентов первого уровня: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении (рис. 1).



Рис. 1. Схема компонентов качества трудового потенциала

Источник: составлено автором.

Принимая во внимание многообразие исследовательских вопросов, методический инструментарий оценки качества трудового потенциала представляется уникальным. Он позволяет оценить работника с разных точек зрения, выявить любые изменения в трудовой деятельности, трудовой жизни и поведении с учетом новых вызовов рынка труда (институциональных, экономических, социальных и т.п.).

### Информационная база

В качестве информационной базы использованы результаты мониторинговых социологических исследований качества трудового потенциала, который проводится ФГБУН Вологодским научным центром РАН в Вологодской области по оригинальной методике с 1997 года. В основу методики измерения положена концепция качественных характеристик населения. Опросы проходят в городах Вологда, Череповец и 8 районах: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Отбор респондентов ведется по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек. Величина ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%.

## Результаты исследования

Измерения показывают, что интегральная оценка качественного состояния трудового потенциала (индекс социальной дееспособности) уже долгое время находится на некотором плато, изменяясь на несущественные значения показателя и представляя собой оценку качества «среднее», «выше среднего» (рис. 2). В целом динамика качества трудового потенциала региона за 1997–2024 гг. имеет позитивные тенденции, но поскольку индекс КТП является агрегированным показателем, он напрямую зависит от состояния базовых компонентов качества трудового потенциала (физического и психического здоровья, уровня образования и развития творческих способностей, культурных и нравственных качеств, коммуникабельности, социальных притязаний).

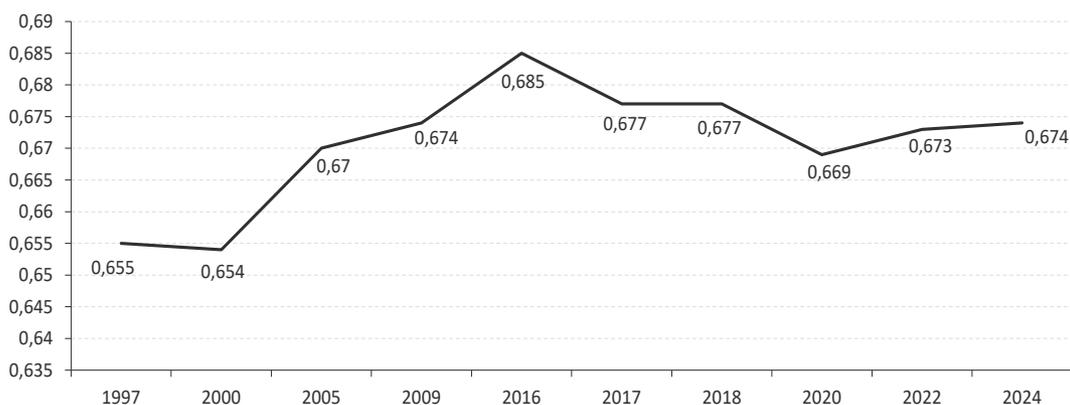


Рис. 2. Динамика индекса качества трудового потенциала населения Вологодской области

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Динамика индексов отдельных свойств ТП показывает, что позитивную динамику общего индекса обеспечивают самооценка здоровья (физического и психического), а также культурного и нравственного уровня, которые на протяжении всего периода исследований показывают высокие значения (табл. 1).

Таблица 1. Динамика индексов качественных характеристик трудового потенциала населения Вологодской области

Качественная характеристика	Год							Динамика
	2000	2005	2009	2016	2020	2022	2024	
Физическое здоровье	0,677	0,708	0,728	0,733	0,714	0,724	0,737	+
Психическое здоровье	0,690	0,712	0,739	0,794	0,799	0,808	0,834	+
Когнитивный потенциал	0,637	0,630	0,614	0,627	0,595	0,603	0,580	-
Творческий потенциал	0,584	0,590	0,572	0,565	0,556	0,562	0,560	-
Коммуникабельность	0,729	0,730	0,736	0,755	0,733	0,737	0,735	-
Культурный уровень	0,622	0,658	0,674	0,687	0,672	0,659	0,680	+
Нравственный уровень	0,772	0,761	0,757	0,778	0,723	0,769	0,775	+
Потребность в достижении	0,621	0,664	0,643	0,660	0,634	0,646	0,630	-

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Негативный тенденция, тормозящая общую динамику КТП, характерна для интеллектуальных и коммуникативных качеств. Особенно наглядны в этом отношении оценки интеллектуального потенциала. Можно сказать, что индексы когнитивной и творческой характеристик отражают имеющиеся провалы в образовании, а также влияние субъективных моментов. Когнитивная характеристика имеет отрицательный тренд в отношении людей к образованию в целом и снижению читательской активности (доля тех, кто регулярно читает специальную, научную и другую литературу (в том числе в сети Интернет) снизилась с 10% до 5%, а доля согласных с выражением «лучше иметь хорошее образование, чем не иметь его» сократилась вдвое – с 45 до 23%). Возможно, это прямое следствие роста третичного сектора экономики – сферы услуг, которая в большинстве случаев предлагает места, не отвечающие квалификационному уровню кандидатов.

Это можно проследить косвенно на примере самооценок квалификационного уровня работников. Почти в 2 раза возросла доля респондентов, обладающих сверхквалификацией (с 15 до 28%), т.е. уровень их профессиональной подготовки превышал установленные работодателем требования. Это свидетельствует о нерациональном использовании значительной части трудового потенциала (табл. 2).

**Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «В какой мере Ваша квалификация (подготовка) соответствует выполняемой Вами работе?», %**

Вариант ответа	Год							2022 г. к 1997 г. (+/-)	Экономический эффект	
	1997	2000	2011	2016	2020	2022	2024		качество трудового потенциала, 2022 г., ед.	уровень зарботной платы, руб.
Моя квалификация (подготовка) выше, чем требует от меня работа	15,1	19,8	26,0	26,3	27,8	28,0	24,1	+9,0	0,690	38524
Моя квалификация (подготовка) соответствует требованиям, предъявляемым работой	55,4	50,4	47,4	49,2	44,1	49,7	49,0	-6,4	0,684	33638
Моя квалификация ниже, чем это требуется работой	9,3	7,7	6,5	3,5	4,1	4,0	3,7	-5,6	0,643	27734
Не знаю, трудно сказать	17,8	21,9	20,1	21,0	24,1	18,3	23,1	+5,3	0,644	27182
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.										

Сегодня, в условиях дефицита рабочей силы и возрастающих требований к качеству трудовых ресурсов, технологизации и цифровизации ранее рутинных производственных задач, наблюдается увеличение доли работников, использующих свой потенциал в полной мере, на пределе своих возможностей, при одновременном сокращении доли тех, кто отметил, что применяет свои качества и умения «более-менее полно» или «частично». То есть наблюдается постепенная интенсификация использования трудового потенциала.

Росту качественных свойств трудовых ресурсов существенно препятствует невысокая заработная плата работающего населения, которую многие исследователи называют «новой бедностью», «работающими бедными» (Сафонов и др., 2023; Селиванова,

Разумов,2023) и т.д. Здесь нужно заметить, что за более чем 20-летний период наблюдений, доля населения, предпочитающего «гарантированные, стабильные, но невысокие доходы» снизилась практически в 2 раза, а категория тех, кто выбирает «высокие доходы, но без гарантии на будущее» наоборот выросла более чем в 2 раза. При этом доля людей с предпринимательской жилкой, готовых вести собственное дело на свой страх и риск осталась без изменений, как и доля сомневающихся в выборе (табл. 3).

**Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы можно было выбрать, что бы Вы лично предпочли?», % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Год					
	2000	2016	2018	2020	2022	2024
Гарантированные, стабильные, но невысокие доходы	47,6	35,7	30,1	34,9	30,4	24,9
Высокие доходы, но без гарантии на будущее	14,9	28,1	30,1	33,5	36,7	34,9
Вести на свой страх и риск собственное дело	8,3	11,3	15,7	9,5	10,4	9,9
Затрудняюсь ответить	29,3	25,0	24,1	22,1	22,5	30,3

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Это, с одной стороны, означает, что наряду с объективными факторами бедности работающего населения (региональная дифференциация оплаты труда по видам экономической деятельности, занятость в отраслях с низкой добавленной стоимостью, ориентированных на внутренний потребительский рынок (образование, культура, спорт, гостиничный бизнес, общественное питание, организация досуга и развлечений и т.п.)), мотивация на гарантированные невысокие доходы выступает ее субъективным фактором.

Нестабильность социально-экономической ситуации, связанной с распространением цифровых форм занятости, расширяющих возможности для трудоустройства за счет гибких условий труда (рабочего места, рабочего времени), влияет на процесс дестандартизации социально-трудовых отношений, что часто оборачивается «утратой работниками (частичной или полной) трудовых и социальных прав, представляя собой неустойчивую занятость» (Бобков, 2019). Согласно результатам опроса работающего населения Вологодской области, порядка 25% работников работают в нестандартных условиях труда (табл. 4). Из них почти 14% имеют гибкий график работы и возможность самостоятельно определять свое рабочее время, 6% – на работе, где занятость предполагает постоянные перемещения (курьеры), почти 3% работают на условиях неполной занятости и т.д.

**Таблица 4. Характеристика основной занятости населения за последние 6 месяцев, %**

Форма основной работы	Доля работающих
Полный рабочий день	74,9
Гибкий график работы (можете самостоятельно определять рабочее время)	13,9
Работа на территории организации/предприятия	12,8
Разъездная/подвижная работа (предполагает постоянные перемещения: курьер, водитель, строитель, проводник и т.д.)	6,2
Удаленная занятость (на основе использования современных средств связи)	2,0
Неполная занятость (сокращенный день/неделя)	2,7
Вахтовый метод	0,3
Платформенная занятость (контакт с клиентом осуществляется на определенной цифровой платформе: Яндекс.Такси, Uber, Airbnb, Delivery Club и т.д.)	0,1

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г., ФГБУН ВолНЦ РАН.

На основе данных мониторинга нами оценивается влияние<sup>2</sup> неустойчивой занятости на квалификацию работников (Леонидова, Россошанская, 2018). Результаты исследования показывают, что работники, имеющие признаки неустойчивой занятости, менее удовлетворены условиями своего труда, а уровень средней заработной платы у таких работников ниже.

Исходя из полученных результатов, для новых форм занятости требуются новые модели социальной защиты, которые позволят не расточать, а сохранять и накапливать трудовой и человеческий потенциал работников.

### Библиографический список

1. Бобков В.Н. (2019) Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. Т. 22. № 2. С. 91–104. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00018
2. Леонидова Г.В., Россошанская Е.А. (2018). Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // Проблемы развития территории. № 1 (93). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.93.1
3. Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований. (2018). / Г.В. Леонидова, Е.А. Россошанская, А.В. Попов; под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 92 с.
4. Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В., Вешкурова А.Б. (2023). Факторы бедности работающего населения и пути ее снижения. Социально-трудовые исследования. 52 (3). С. 46–55. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-46-55
5. Селиванова О.В., Разумов А.А. (2023). Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. Т. 10. № 2. С. 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385

### Информация об авторе

Леонидова Галина Валентиновна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий центром социально-демографических исследований отдела исследований уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; galinaleonidova@mail.ru)

Leonidova G.V.

## QUALITY OF LABOR POTENTIAL IN CONTEXT OF SOCIAL AND ECONOMIC INSTABILITY

**Abstract.** *In circumstances of unprecedented lack of labor resources, the qualitative characteristics of labor potential (education, physical and mental health, socio-cultural attitudes, etc.) are becoming a strategically important reserve for sustainable economic growth.*

**Keywords:** *labor potential, socio-economic development, motivation, wages.*

### References

1. Bobkov V.N. (2019) Precarious employment in the Russian Federation: status and directions of reduction // Population. Vol. 22. No. 2. P. 91–104. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00018

<sup>2</sup> Методика основана на анализе 4-х признаков: форма занятости; отсутствие оформленного трудового договора и социальных гарантий для работника; опасение потерять работу.

2. Leonidova G.V., Rossoshanskaya E.A. (2018). Precarious employment as a barrier to the effective implementation of labor potential // Problems of territorial development. No. 1 (93). P. 7–21. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.93.1
3. Monitoring the quality of labor potential: 20 years of regional studies. (2018). / G.V. Leonidova, E.A. Rossoshanskaya, A.V. Popov; edited by D. Sci. (Econ.) A.A. Shabunova. Vologda: FGBUN VolNC RAS. 92 p.
4. Safonov A.L., Dolzhenkova Yu.V., Veshkurova A.B. (2023). Factors of poverty of the working population and ways to reduce it. Social and labor research. 52 (3). P. 46–55. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-46-55
5. Selivanova O.V., Razumov A.A. (2023). Poverty of the working population: analysis of the main trends and experience of regions in reducing its level // Labor Economics. Vol. 10. No. 2. P. 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385

#### **Information about the author**

Galina V. Leonidova (Russia, Vologda) – Associate Professor, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of the Center for Socio-Demographic Research, Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living (galinaleonidova@mail.ru)

## СРАВНЕНИЕ ДВУХ РЕЙТИНГОВ – ИНТРИГА И ИНТЕРЕС!

**Аннотация.** В статье сравниваются результаты «Рейтинга туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области в 2023 году» и «Рейтинга женщин, внесших наибольший вклад в социокультурное развитие Тульской области в 2023 г.», составленных Тульским социологическим центром.

**Ключевые слова:** рейтинг, социально-экономическое развитие, социокультурное развитие.

Тульский социологический центр вот уже много лет по просьбе жителей составляет рейтинги наиболее активных туляков. Такая работа требует огромных усилий и знаний из различных наук. Как справедливо замечают специалисты: «Наука – истина, эти понятия связаны и с этим не поспоришь. В основе науки лежит опыт и факт, недаром психологию и социологию считают искусством, здесь научные исследования зачастую зависят от субъективной интерпретации реакции на события как исследователя, так и исследуемого и требуют подкрепления несколькими методиками» (Булгакова, 2024).

В феврале 2024 года вышел юбилейный (20-й по счету) «Рейтинг туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области в 2023 г.». Несколько лет назад было предложено составлять также женский рейтинг.

Сотрудники Тульского социологического центра поддержали это предложение, и в марте 2024 года вышел «Рейтинг женщин, внесших наибольший вклад в социокультурное развитие Тульской области в 2023 г.».

Оба рейтинга стали ярким событием в социально-экономической и политической жизни региона в связи с предстоящими 8 сентября 2024 года выборами в Тульскую областную думу.

Рейтинги были опубликованы на сайте самой авторитетной газеты Тульской области «Слободы», а также размещены на сайте Российского общества социологов<sup>1</sup>.

В рейтинги эксперты включили не только тех, кто своим трудом на протяжении долгого времени показывал свою социально-экономическую активность, но и тех, кто начал проявлять себя только с 2023 года.

В 2023 году Тульская область показала хорошие результаты в социально-экономическом развитии. Поэтому в первой половине топ-100 был губернатор региона Алексей Дюмин и те, кто входит в его ближайшее окружение: Вячеслав Федорищев – первый заместитель губернатора, председатель правительства Тульской области; Дмитрий Миляев – первый заместитель губернатора; Вячеслав Романов – министр промышленности и торговли; Григорий Лаврухин – заместитель председателя правительства; Сергей Егоров – заместитель губернатора; Антон Агеев – заместитель председателя правительства; Элеонора Шевченко – заместитель председателя правительства; Ирина Волкова – заместитель губернатора; Михаил Пантелеев – заместитель председателя Правительства – министр имущественных и земельных отношений; Галина Якушкина – заместитель губернатора; Родион Дудник – министр транспорта и дорожного хозяйства и др.

<sup>1</sup> [https://www.ssa-rss.ru/index.php?page\\_id=19&id=1984](https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1984)

Улучшили свои позиции по сравнению с прошлым годом: Николай Воробьев – председатель Тульской областной думы, генеральный директор ООО «Газпром межрегионгаз Тула» и АО «Газпром газораспределение Тула»; Евгений Дронов – генеральный директор АО «АК «Туламашзавод», Герой труда РФ; Борис Сокол – президент ОАО «Щекиноазот»; Илья Курилов – генеральный директор ПАО «Императорский Тульский оружейный завод»; Дмитрий Гурдин – начальник УФСБ по Тульской области; Николай Калинин – директор Тульского филиала «Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова», председатель Совета Тульской ТПП, председатель Комитета Тульской ТПП по содействию профессиональному и бизнес-образованию; Александр Грицаенко – прокурор Тульской области; Ольга Слюсарева – мэр Тулы; Андрей Шестаков – президент Тульской Торгово-промышленной палаты; Владимир Усов – руководитель Следственного Управления СК России по Тульской области; Вячеслав Чапкин – генеральный директор ПАО «НПО «Стрела»; Анатолий Симонов – главный федеральный инспектор по Тульской области; Игорь Хорошилов – председатель Тульского областного суда; Олег Кравченко – ректор ТулГУ; Александр Скворцов – директор Тульского регионального филиала ООО «СК «Согласие», Председатель Ревизионной комиссии Тульской ТПП; Сергей Костюченков – директор ООО «Региональная эксплуатационная компания», председатель Комитета Тульской ТПП по предпринимательству в ЖКХ.

Сохранили свои позиции представители тульских СМИ: Сергей Белов – председатель Союза журналистов Тульской области, директор филиала ГТРК «Тула», председатель комитета Тульской ТПП по СМИ, рекламе и полиграфии; Андрей Мазов – генеральный директор ООО «Региональные новости», председатель тульского отделения «Деловой России»; Татьяна Алексеева – генеральный директор ООО «Слобода»; Тамара Головина – генеральный директор ООО «Молодой и К»; Ольга Натаркина – директор ГУ ТО «Информационное Агентство «Регион 71».

Достоинные места в рейтинге заняли: Галина Алешина – первый заместитель председателя Тульской областной Думы; Светлана Мужичкова – управляющая банком ВТБ в Тульской области, старший вице-президент; Екатерина Толстая – директор Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»; Илиана Марина – директор ООО «Клиника Эксперт Тула», председатель Комитета Тульской ТПП по предпринимательству в здравоохранении и медицинской индустрии; Сергей Гребенщиков – депутат Тульской областной Думы, председатель совета регионального отделения партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»; Татьяна Ларина – уполномоченный по правам человека в Тульской области; Наталия Зыкова – уполномоченный по правам ребенка в Тульской области, с декабря 2023 года – заместитель министра труда и социальной защиты.

Когда спустя два месяца появился «Рейтинг женщин, внесших наибольший вклад в социокультурное развитие Тульской области в 2023 г.», то многие считали, что данный рейтинг практически повторит результаты «Рейтинга туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области в 2023 г.».

Эксперты уделили внимания важным деталям. Если в рейтинге, который вышел в феврале, учитывался вклад в социально-экономическое развитие Тульской области, то во втором рейтинге – вклад в социокультурное развитие Тульской области. Эксперты Тульского социологического центра учли эти важные детали, и в связи с этим многие женщины заняли места, отличные от тех, которые они заняли в первом рейтинге.

Первое место досталось Ольге Слюсаревой – мэру Тулы, в прошлом известной спортсменке, олимпийской чемпионке по велоспорту. Она занимает пост мэра Тулы уже несколько лет и показала себя с очень хорошей стороны. Поэтому эксперты, при анализе социокультурной ситуации в регионе, как и в прошлом году, поставили Ольгу Слюсареву на первое место.

Высокое место заняла и Екатерина Толстая – директор Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Популяризация и забота о культурном наследии Л.Н. Толстого имеет большое значение.

Тула по праву является оружейной столицей России, и директор Тульского государственного музея оружия Надежда Калугина вот уже много лет сохраняет исторические реликвии.

Также достойные места заняли: Марина Левина – член Совета Федерации РФ (сенатор) от Тульской области и Галина Алешина – первый заместитель председателя Тульской областной Думы VII созыва. Эксперты отметили их активность в социокультурном развитии региона.

Сохранили свои высокие позиции Татьяна Алексеева – генеральный директор ООО «Слобода» и Илиана Марина – директор авторитетной «Клиники Эксперт Тула», председатель Комитета Тульской ТПП по предпринимательству в здравоохранении и медицинской индустрии, благодаря усилиям которой был открыт второй корпус клиники.

Почетные места в рейтинге заняли женщины, которые получили в 2023 году звание «Заслуженный работник культуры РФ»: Елена Руднева – директор ГУК Тульской области «Тульская областная филармония имени народного артиста Российской Федерации Михайловского И.А.» и Марина Левина – директор муниципального автономного учреждения культуры «Культурно досуговая система».

Впервые в рейтинг, по рекомендации экспертов, включены: Елена Шмелева – руководитель Тульского отделения Общероссийского народного фронта; Алла Иванова – Исполнительный директор ООО «АЛЬФА»; Светлана Науменко – индивидуальный предприниматель, руководитель студии эстетики тела «Charmeway»; Светлана Аврина – председатель Тульской региональной общественной организации содействия профессиональному развитию «Гильдия политологов и политехнологов; Юлия Филатова – индивидуальный предприниматель, трансформационный психолог, руководитель «Студии здоровья»; Юлия Васильева – индивидуальный предприниматель, руководитель студий «Ультра FITNESS» и «LadyСилуэт» (Щекино); Елена Крутоверцева – генеральный директор ООО «Бизнес-риторика», руководитель «Школы ораторского мастерства»; Людмила Воробьева-Сахно – коммуникационный директор IT-компании ООО «ТИЗ», архитектор сообщества предпринимателей бизнес-клуба «Эволюция»; Марина Мирская – основатель и руководитель Высшей школы переговоров; Наталья Агапонова – генеральный директор ООО «Аврора»; Ирина Пученкина – директор ООО «Лидер-Тула»; Евгения Макарова-Сазонова – индивидуальный предприниматель, руководитель студии массажа, эпиляции и аппаратной косметологии в Туле; Анна Соколова – региональный руководитель Всероссийского общественного движения «Волонтеры культуры»; Кристина Яковлева – индивидуальный предприниматель, руководитель салона красоты «Ногти\_Тула71»; Светлана Дульнева – индивидуальный предприниматель, руководитель студии стиля «Dusel»; Ольга Пятова – индивидуальный предприниматель, руководитель сети детских центров «Magic land».

Жители Тульской области получили возможность узнать о наиболее активных людях своего региона и использовать эту информацию при голосовании 8 сентября 2024 года на выборах Губернатора, а также выборах в Тульскую областную думу и в Тульскую городскую думу

### **Библиографический список**

1. Булгакова О.С. (2024). Наука как истина в последней инстанции // Вестник психофизиологии. № 1. С. 7–8.

### **Информация об авторе**

Мосин Василий Иванович (Россия, Тула) – кандидат философских наук, доцент; генеральный директор Тульского социологического центра (Россия, 300001, г. Тула, ул. Гармонная, д. 28, оф. 39; mosin55@bk.ru)

Mosin V.I.

### **COMPARISON OF TWO RATINGS – INTRIGUING AND INTERESTING!**

**Abstract.** *The article compares the results of the “Rating of Tula residents who made the greatest contribution to the socio-economic development of the Tula region in 2023” and the “Rating of women who made the greatest contribution to the socio-cultural development of the Tula region in 2023”, created by the Tula Sociological Center.*

**Keywords:** *rating, socio-economic development, socio-cultural development.*

### **References**

1. Bulgakova O.S. (2024). Science as the Ultimate Truth – Supplement of the International Scientific Journal “Bulletin of Psychophysiology”. No. 1. P. 7–8.

### **Information about the author**

Vasiliy I. Mosin (Russia, Tula) – Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor; General Director of the Tula Sociological Center (of. 39, 28 Garmonnaya St, Tula, Russia, 300001; mosin55@bk.ru)

## **ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ АРХЕТИПОВ РЕГИОНОВ РОССИИ (2013–2024 ГГ.)**

**Аннотация.** *Актуальность исследования определяется малоизученностью последствий высокой социокультурной турбулентности в различных регионах страны. Его цель: анализ факторов трансформации ценностных архетипов населения регионов России. В гносеологическом плане проблема исследования заключается в противоречии между наличием информации об изменениях базовых ценностей населения страны в целом, с одной стороны, и отсутствием данных о специфике факторов, которые влияют на трансформацию ценностных архетипов жителей ее отдельных регионов, с другой стороны. В статье приведена формулировка понятия ценностного архетипа, которое, в отличие от ценностных ориентаций, позволяет более обобщенно и комплексно представить ценностные конструкты населения. Методологическая основа работы: концепции «культурной травмы» (Штомпка; Александер), «общества травмы» (Тощенко), «антропосоциокультурной травмы» (Лапин). Статья опирается на данные, полученные в результате реализации программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» в четырнадцати регионах страны в 2009–2012 гг., Всероссийского мониторинга, проведенного ЦИСИ ИФРАН) в 2010 году, а также на данные вторичного анализа некоторых современных социологических исследований ценностных ориентаций населения России. Показан ряд факторов, определяющих специфику трансформации ценностных архетипов населения регионов России в современной ситуации.*

**Ключевые слова:** *ценностные архетипы, социокультурная трансформация, антропосоциокультурная травма.*

Современная Россия живет в условиях интенсивной социокультурной турбулентности (2019–2021 гг. – пандемия COVID-19, 2022 год – по н.в. – СВО, санкции и др.). Традиционно к числу базовых принято относить наиболее устойчивые ценности. Однако в таких условиях возникают мощные тенденции, направленные на их трансформацию. Как справедливо пишет В.С. Магун, «в социологической литературе последних лет представления о неизменности базовых ценностей, присущих населению той или иной страны, постепенно уступают место вопросам о том, под влиянием каких факторов ценности могут меняться, какими темпами эти изменения происходят, какие ценности наиболее изменчивы или, наоборот, наиболее стабильны. Все это способствует изучению общества как подвижной, изменяющейся системы» (Магун, 2023, с. 45).

В регионах России ценностные архетипы меняются неодинаково под влиянием различных социокультурных факторов. Цель статьи – определить подобные факторы.

Методологической основой нашего исследования являются концепции «культурной травмы» (Штомпка; Александер) и «травмы общества» (Тощенко), «антропосоциокультурная травма» Н.И. Лапина, который понимает этот феномен как «значимое нарушение или разрушение сложившихся, позитивно воспринимаемых большим числом жителей страны социальных и/или культурных условий их взаимодействий или всей их жизнедеятельности, которое болезненно воспринимается, снижает жизненную энергию взаимодействующих масс людей, обесценивает их идентичность, повышает неудовлетворенность жизнью в целом и готовность к протестным действиям» (Лапин, 2021, с. 10).

Ценностный архетип представляет собой комплекс базовых ценностей населения региона. Думается, что ценностные архетипы более устойчивы, чем отдельные базовые ценности, поскольку в их основе лежит некое обобщенное основание. Подобные комплексы представлены на двух уровнях: массового сознания и массового бессознательного. Эффективным инструментом для построения такой структуры является социокультурная модель базовых ценностей, созданная Н.И. Лапиным, которая была использована для проведения исследований в различных регионах России, а также в общероссийском мониторинге (Лапин, 1996; Лапин, 2010). Мы опирались на данные, полученные методом формализованного интервью участниками программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» в четырнадцати регионах страны, относящихся к четырем Федеральным округам в 2009–2012 гг. Кроме того, использовались результаты Всероссийского мониторинга, проведенного ЦИСИ ИФРАН под руководством Н. И. Лапина (n = 1163) в 2010 году.

С помощью факторного анализа были выделены три ценностных архетипа, имеющие неодинаковую описательную силу. Для их характеристики принимались во внимание только ценности, имеющие корреляционную взаимосвязь с латентной переменной 0,6 и выше. Первый ценностный архетип (описательная сила фактора 23–30%) в наиболее общем виде выражает социально-гедонистические ориентации, второй (10–14%) – социально-альтруистические ориентации и стремление к поддержанию существующего порядка, третий описывает садомазохистские ориентации (7–10%) (Немировский, 2013).

Мониторинговые исследования базовых человеческих ценностей россиян в период с 2006 по 2021 гг., которые измерялись с помощью опросника «Портретные ценности» Шварца, свидетельствуют об определенных изменениях в структуре базовых ценностей ее населения. В.С. Магун по этому поводу пишет: «Наиболее динамичными оказались ценности, связанные со стремлением к новым и рискованным видам активности (ценность риска-новизны), со стремлением к активности, направленной на удовлетворение желаний человека хорошо проводить время, баловать себя, веселиться, доставлять себе удовольствие (ценность гедонизма), а также ценность безопасности» (Магун, 2023). Если первые две ценности существенно усилили свои позиции, то ориентация на третью из них заметно снизилась. Отметим, что исследование проводилось еще до начала СВО, которое могло актуализировать ценность безопасности у населения России. Согласно другим всероссийским исследованиям, в 2022 году «ценность работы в сравнении с 2014 г. увеличилась на 16%; ценность отдыха – на 34%; уважение в обществе – более чем наполовину» (Жизненный мир работников..., 2024, с. 177).

Учитывая, что в основе личного смысла ценности «работа» у многих респондентов лежат не мечта о самореализации или бескорыстном служении обществу, а стремление к престижу, власти, высоким доходам или иным внешним показателям жизненного успеха, с большой вероятностью можно предположить усиление значимости первого и третьего из описанных нами выше ценностных архетипов. Безусловно, утверждать это с определенностью можно только после проведения соответствующих эмпирических исследований.

При этом трансформация ценностных архетипов в различных регионах страны происходит неодинаково под влиянием специфических факторов социокультурной травматизации: «Смыслом жизни и главными ценностями для жителей, проживающих непосредственно в эпицентре военных событий, являются, прежде всего, вы-

живание и сохранение семьи» (Абакумова и др., 2024, с. 180; Нестик, 2023) и пр.

Таким образом можно выделить, как минимум, следующие факторы, определяющие специфику трансформации ценностных архетипов населения регионов России в современной ситуации: 1. Степень затронутости территории военными действиями, их интенсивность. 2. Доля граждан, ушедших в зону СВО по частичной мобилизации или добровольно. (целесообразно также учитывать волонтерскую активность жителей региона, направленную на помощь участникам СВО). 3. Особенности ценностного сознания населения новых территорий России. 4. Доля беженцев и вынужденных переселенцев, проживающих на территории того или иного региона страны и отношение к ним коренного населения. 5. Уровень развития предприятий военно-промышленного назначения и доля занятых на них жителей региона. 6. Этно-религиозные характеристики населения региона, которые могут выступать основой для развития экстремистской идеологии в контексте современных травматогенных ситуаций. Есть все основания полагать, что ценностные архетипы регионов России в последние годы претерпели существенные изменения. Для формирования эффективной социокультурной политики в регионах требуется проведение специальных компаративных исследований.

#### **Библиографический список**

1. Абакумова И.В. и др. (2024). Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ // Российский психологический журнал. № 21 (2). С. 169–183. DOI: 10.21702/rpj.2024.2.10
2. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность. (2024). Коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир». 462 с.
3. Лапин Н.И. (1996). Динамика ценностей населения реформируемой России. Москва: Эдиториал УРСС. 224 с.
4. Лапин Н.И. (2010). Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. № 1. С. 28–36.
5. Лапин Н.И. (2021). Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения) // Вопросы философии. № 5. С. 5–16. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-5-16
6. Магун В.С. (2023). Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 гг. // Социологические исследования. № 12. С. 44–58. DOI: 10.31857/S013216250029336-2
7. Немировский В.Г. (2013). Ценностные и социально-сословные препятствия на пути социокультурной модернизация России и ее регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 57–70.
8. Нестик Т.А. (2023). Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. Т. 14. № 4. С. 5–22. DOI: 10.17759/sps.2023140401

#### **Информация об авторе**

Немировский Валентин Геннадьевич (Россия, Москва) – доктор социол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН (Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; office-inion@mail.ru)

## **FACTORS TRANSFORMING THE VALUE ARCHETYPES OF RUSSIAN REGIONS: (2013–2024)**

**Abstract.** *The relevance of this study is driven by the need to understand the consequences of high socio-cultural turbulence in different regions of the country, which have been under-researched. Its purpose is to analyze the factors of transformation of value archetypes in the population of various regions of Russia. In epistemological terms, the problem of the study lies in the contradiction between the availability of information on changes in the basic values of the population of the country, on the one hand, and the lack of data on the specifics of the factors that influence the transformation of the value archetypes of the inhabitants of its individual regions. The article provides a formulation of the concept of a value archetype, which, unlike value orientations, allows for a more generalized and comprehensive representation of the value constructs of the population. Methodological basis of the work: the concepts of “cultural trauma” (Shtompka; Alexander), “trauma society” (Toshchenko), “anthroposociocultural trauma” (Lapin). The article is based on data obtained as a result of the implementation of the program “Socio-cultural Evolution of Russia and its regions” in fourteen regions of the country in 2009–2012, the All-Russian monitoring conducted by CIS IFRAN) in 2010, as well as a secondary analysis of some modern sociological studies of the value orientations of the Russian population. A few factors determining the specifics of the transformation of value archetypes of the population of Russian regions in the current situation are shown.*

**Keywords:** *value archetypes, sociocultural transformation, anthroposociocultural trauma.*

### **References**

1. Abakumova I.V. (2024). Value-meaning sphere of the population of local armed conflict areas: psychological analysis. *Russian psychological Journal*, 21(2), 169 – 183. DOI: 10.21702/rpj.2024.2.10
2. Lapin N.I. (2021). “Man and Culture of His Interactions with Society in the Russia’s Past, Present and Future (Continuing the Traditions of the Axial Generation). *Voprosy Filosofii*, 5, 5–16.
3. Magun V.S. (2023). The Evolution of Basic Human Values of the Russians, 2006–2021. *Sociological Studies*, 12, 44 –58. DOI: 10.31857/S013216250029336-2
4. Nemirovskiy V.G. (2013). Value and Social Class Obstacles on the Way Towards Socio-Cultural Modernization of Russia and its Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 57 –70.
5. Nestik T.A. (2023). The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research. *Social Psychology and Society*, 14 (4), 5–22. DOI: 10.17759/sps.2023140401.
6. The life world of employees: sustainability versus precarity. (2024). Collective monograph / Edited by J.T. Toshchenko. Moscow: Publishing house “The Whole World”. 462 p.

### **Information about the author**

Valentin G. Nemirovsky (Russia, Moscow) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (valnemirov@mail.ru)

## РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ЕЕ МИССИЯ

**Аннотация.** *Российская цивилизация в истории меняла свои внешние признаки, но при этом сохраняла сущностные основы, предлагая разные альтернативы для поддержания многополярной геополитической системы. Многополярность не осуществится усилиями одной цивилизации, поэтому Россия взаимодействует с другими центрами.*

**Ключевые слова:** *цивилизация, глобализация, интеграция, Россия, конфронтация.*

Цивилизации постоянно взаимодействуют друг с другом, существуя в разных ролях. Критики теории С. Хантингтона считают, что войны внутри цивилизаций распространены также, как и между разными цивилизациями. Например, православные Россия и Грузия воевали между собой. Позиция ученых из западных стран заключается в том, что теория столкновения цивилизаций очень выгодна для гегемонии США, для оправдания их действий.

Наука цивилизационного подхода ищет новые ответы на мировые вызовы, однако чаще всего она подтверждает ранее найденные ответы. Ученые российской цивилизационной школы не развили идей Н.Я. Данилевского, А. Тойнби и С. Хантингтона, с их точки зрения роль России заключается в интеграции цивилизаций для создания условий существования каждой. Под эту гипотезу подходит понятие «мягкая сила».

Цивилизации могут не только воевать, но и быть в союзе друг с другом, находить точки соприкосновения и общие интересы, примером является БРИКС, куда входят развивающиеся страны, в т.ч. и Россия. Целью БРИКС является строительство многополярного мира, основанного на многообразии. Страны-участники не навязывают друг другу свои ценности, тем не менее четырех государств отказались голосовать за резолюцию ООН по Крыму в 2014 году. Российская цивилизация в условиях членства БРИКС может обогатить его, так как имеет сходства с другими цивилизациями – индийская (ненасильственное сопротивление), китайская (восточная мудрость и конфуцианская этика), бразильская (синтез рас и культур), с последней Россия имеет больше точек соприкосновения, чем с другими странами (Журавлева, Зарубина, Ручкин, Симачкова, Чупина, 2023). Таким образом, российская цивилизация выступает совместно с другими цивилизациями как инструмент сдерживания и противовеса не за счет ослабления других. Чем влиятельнее участники БРИКС, тем выгоднее для международной безопасности.

Влияние российской цивилизации не ограничивается только современным контекстом. Российское государство исторически напоминало китайское, т.е. основывалось в первую очередь на институте семьи. На территории современной России можно обнаружить истоки как минимум двух цивилизаций – православно-славянской и тюркско-исламской. Русский народ сумел создать супер-цивилизацию, в которую легко вписаться представителям других народов (Спиридонова, 2016). Таким образом, российская цивилизация претендует на влияние далеко за пределами своих границ.

Российская цивилизация готова заимствовать прогрессивные новации у других стран. Российская цивилизация всегда была открыта новшествам, что подтверждается ее историей. Естественно, новые явления не воспринимались одинаково позитивно всеми общественными группами.

Российская цивилизация пережила три исторических этапа: царский, советский и современный. Царский период строился на базовых принципах – русский язык как общенациональный, православие как государственная религия, общая история, союз самодержавия и церкви.

В 988 году Россия стала православной цивилизацией, в XIII веке, оказавшись под натиском с запада и востока главной задачей стало сохранение идентичности, что и удалось сделать. Начиная с XV века часть российского общества выступала за сотрудничество с зарубежными странами, а другая – за самобытность. Петр I активно выстраивал партнерские отношения между Россией и Европой, но в духовном плане российская цивилизация сохраняла свою самобытность. Конец XIX-начало XX вв. считается временем расцвета Российской империи. Именно тогда Россия занимала наибольшую по площади территорию, была многонациональной и многоконфессиональной, оставаясь в своей основе православной цивилизацией. Однако внешнеполитический курс Российской империи не был антизападным или антивосточным (Даленко, Мальченков, 2019). Октябрьская революция положила начало советскому периоду. Цивилизационной основой стала коммунистическая идеология, прежним оставался язык и общая история. Коммунистическая идеология в отличие от религии подразумевалась как идея для массового распространения, позиционировалась как противостояние Западу (Даленко, Мальченков, 2019).

1990-е гг. отличаются поворотом российской цивилизации в сторону Запада. Американские и европейские идеалы признавались высшей ценностью, примером является «доктрина Козырева». Однако вторая половина 1990-х гг. характеризуется критическим разворотом. Показательным примером является разворот самолета Е. Примакова над Атлантическим океаном после начала бомбардировки Югославии, вызвавший протест против однополярной системы.

Начало XXI века (особенно события 11 сентября 2001 года), сблизило Россию и Запад в борьбе с терроризмом, но с 2014 года началась новая конфронтация. В общественном сознании россиян стал укрепляться образ России как хранительницы традиционных ценностей. Современное противостояние с Западом вызвано не идеологическими, а геополитико-конъюнктурными причинами (Даленко, Мальченков, 2019). Таким образом, Россия была готова выступить в роли реципиента, признать свое отставание, принимать новые тенденции, но не забывать свою идентичность и геополитическую роль.

Одним из главных вызовов мировому сообществу является глобализация. Современное развитие западной цивилизации характеризуется глобализацией, т.е. наднациональной, социальной и политической суперконструкцией. Западная цивилизация из-за своей океанической сущности развивалась экстенсивно, поэтому стремилась к колонизации других государств и экспроприации у них материальных ресурсов. Глобализация трактуется по-разному, нередко о ней говорят только как о глобальном рынке, который предлагает дерегулировать национальные экономики. Однако глобализация охватывает и социокультурный аспект, а именно, разрушает традиционные устои; при этом является целенаправленным процессом, так как традиционализм позволяет сохранять коллективную индивидуальность, а именно направлена на разрушение традиционных устоев; она является целенаправленным процессом, поскольку традиционализм позволяет сохранять коллективную индивидуальность, а значит и независимость. Согласно теории Н.Я. Данилевского цивилизация умирает, когда теряет идентичность. Цивилизация – это

набор ценностей, взглядов, определенный уклад, который влияет на все аспекты жизни, в том числе на безопасность и независимость, так как учитывает локальные особенности в отличие от глобализации, которая превращает все народы в единое образное явление (Ваджра, 2007).

Одним из ответов на глобализационный вызов являются организованные религии. Мировая роль православия заключается не просто в предоставлении альтернативы, но и в достижении единства человечества (эллина и иудея), что было нарушено секуляризацией. Православие является альтернативой современному либеральному порядку, который заключается в минимизации культуры, где нет места неприспособленным. (Спиридонова, 2016) Таким образом, российская цивилизация проявляет себя в мессианском качестве, где каждой цивилизации, группе, каждому человеку найдется достойное место, каждая сторона выступает как равная другой.

Геополитическая миссия российской цивилизации в первую очередь распространяется на страны постсоветского пространства. В отношении Запада российская цивилизация выступает как культура–реципиент, а по отношению к странам СНГ как культура–донор, т.е. как ориентир. Российская цивилизация, опираясь на русскоязычную диаспору, историческое прошлое и русский язык, должна способствовать прогрессивному развитию постсоветских государств, т.е. быть для них культурным ориентиром.

Именно стратегия двуязычия в странах СНГ поможет не идти по пути националистического фундаментализма (Панарин, 1994). Геополитическая обстановка показывает, что Россия как государство–цивилизация продолжает последовательно отстаивать свои интересы, как это было с вхождением Крыма в состав России (Спиридонова, 2016).

Подводя итоги, следует сказать, что Россия является оплотом одной из мировых цивилизаций, самым большим по территории, имеет исторический опыт великой державы, многоконфессиональной и многоэтнической. Миссия России заключается в мирной интеграции стран и народов без экспансии и навязывания своих ценностей ради общей безопасности, не путем ослабления других государств, а через взаимное усиление.

### **Библиографический список**

1. Ваджра А. (2007). Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. Москва. URL: [https://royallib.com/read/vadgra\\_andrey/put\\_zla\\_zapad\\_matritsa\\_globalnoy\\_gegemonii.html#0](https://royallib.com/read/vadgra_andrey/put_zla_zapad_matritsa_globalnoy_gegemonii.html#0)
2. Даленко Д.В., Мальченков С.А. (2019). Россия в многоцивилизационном мире: этапы развития и взаимодействия // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. Т. 19. № 2. С. 150–160.
3. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. (2023). Государство–цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. № 9. С. 80–88.
4. Панарин А.С. (1994). Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва: Институт философии РАН. 262 с.
5. Платонов О.А. (2010). Русская цивилизация. История и идеология русского народа. Москва: Алгоритм. 944 с.
6. Спиридонова В.И. (2016). Россия как государство–цивилизация: философско–политический анализ. Москва: ИФ РАН. 122 с.

### Информация об авторе

Парахин Андрей Сергеевич (Россия, Самара) – ассистент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Россия, 443086, Приволжский федеральный округ, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ssau@ssau.ru)

Parakhin A.S.

### RUSSIAN CIVILIZATION IN THE GEOPOLITICAL SPACE AND ITS MISSION

**Abstract.** *Russian civilization has historically changed its external features, but at the same time maintained its essential foundations, offering various alternatives to maintain a multipolar geopolitical system. Multipolarity cannot be realized through the efforts of one civilization, so Russia interacts with other centers.*

**Keywords:** *civilization, globalization, integration, Russia, confrontation.*

### References

1. Vajra A. (2007). The path of evil. The West: the matrix of global hegemony. Moscow. Available at: [https://royallib.com/read/vadgra\\_andrey/put\\_zla\\_zapad\\_matriitsa\\_globalnoy\\_gemonii.html#0](https://royallib.com/read/vadgra_andrey/put_zla_zapad_matriitsa_globalnoy_gemonii.html#0)
2. Dolenko D.V., Malchenkov S.A. (2019) Russia in a multicivilizational world: stages of development and interaction // Humanities: actual problems of humanitarian science and education. Vol. 19. No. 2. P. 150-160.
3. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. (2023) State-civilization: concept, essence, structure // Education and Law. No. 9. P. 80-88.
4. Panarin A.S. (1994). Russia in the civilizational process (between Atlanticism and Eurasianism). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 262 p.
5. Platonov O.A. (2010). Russian civilization. The history and ideology of the Russian people. M.: Algorithm. 944 p.
6. Spiridonova V.I. (2016) Russia as a state-civilization: philosophical and political analysis. Moscow: IF RAS. 122 p.

### Information about the author

Andrey S. Parakhin (Samara, Russia) – Assistant, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (443086, Volga Federal District, Samara region, Samara, Moskovskoe shosse, 34; ssau@ssau.ru)

## РЕЛОКАНТЫ КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

**Аннотация.** *Релокация рассматривается как один из видов миграционного процесса. Анализируются ее особенности, причины и социальные последствия. Особое внимание уделяется качественным и количественным характеристикам релокации россиян в период частичной мобилизации.*

**Ключевые слова:** *общество, миграционный процесс, эмиграция, релоканты, ценности, мобилизация, специальная военная операция.*

В общественно-политической лексике последнего времени все более широкое распространение получает термин «релоканты». Его значение широко варьируется от социологически и юридически нейтрального («люди, решившие временно сменить свое месторасположение») до политически и идеологически окрашенного («предатели интересов своей страны»). Целью представленного материала является анализ конкретного социального контекста, определяющего сдвиг значений данного понятия в общественном и научном дискурсе.

Для стабильного и экономически благополучного социума релокация, под которой обычно понимается временный перевод сотрудников на новое место жительства в связи с производственной необходимостью, не является сколь-нибудь значимой проблемой. Во-первых, порядок перемещения сотрудников осуществляется в рамках трудового законодательства и, во-вторых, смена места жительства предполагает согласие самого человека. В советское время такого рода релокантами являлись сотрудники, направляемые в длительные командировки, кадровые военные, переводимые на новое место службы, вахтовики, строители народнохозяйственных объектов в удаленных районах страны и за рубежом.

90-е гг. отмечены всплеском неорганизованной релокации. Определить ее количественные параметры не представляется возможным, поскольку граждане, выезжавшие за рубеж учиться или работать по контракту на срок не более 1 года, российской статистикой не фиксировались.

На протяжении 2000–2010-х гг. сформировались две группы релокантов. Первую группу составили молодые россияне, получавшие образование в учебных заведениях Европы и США. Этот постоянно увеличивающийся поток стимулировался как возросшими экономическими возможностями российского высшего и среднего класса, так и государственными интересами в области подготовки кадров. По данным Института международного образования США и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в середине 1990-х гг. российская студенческая диаспора насчитывала около 13 тыс. человек, к 2000 году она выросла до 25 тыс. человек, а к 2009 году увеличилась до 50 тыс. человек. Максимальных значений численность российских студентов за рубежом достигла в конце второго десятилетия нашего века. Согласно Институту статистики ЮНЕСКО число мобильных студентов из России в 2016 году составляло 79,7 тыс. человек, в 2017-м – 74,25 тыс., в 2018-м – 79,1 тыс. Характерно, что, несмотря на осложнение отношений с западноевропейскими странами, значительного сокращения числа релокантов-учащихся не произошло. Так, в 2022 году учиться за границу уехало более 57,5 тыс. студентов (Солдатенко, 2023). Социальные и экономические результаты образовательной релокации следует считать, если не негативными, то весьма скромными.

Другая группа релокантов представлена соотечественниками, временно работающими за границей. В 1990-е гг. начался активный отток высококвалифицированных кадров в области науки, техники, образования, медицины, культуры и искусства. В последующие годы утечка специалистов только усиливалась, охватив массовые профессии. По официальным данным число россиян, уехавших на заработки за границу, увеличилось с 45760 человек в 2000 году до 70236 человек в 2010 году. За первое десятилетие наступившего века международными гастарбайтерами стали, по меньшей мере, 450 тыс. соотечественников. В особенно тяжелом положении оказалась отечественная наука. Согласно Росстату, начиная с 2002 по 2015 гг., из страны выехали 2402 ученых, имеющих степень доктора и кандидата наук. В действительности, утверждают отечественные исследователи, официальные данные следует умножить как минимум в 3-4 раза, поскольку миграционные органы фиксируют только легальный выезд на постоянное место жительства (Рязанцев, Письменная, 2016, с. 22).

Новая волна релокантов связана с началом специальной военной операции. Реакцией на Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 года «Об объявлении частичной мобилизации в РФ» стали многокилометровые пробки из автомобилей уклонистов на пограничных пунктах сопредельных с Россией государств. Точный масштаб бегства до сих пор трудно определить. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС указывает, что за первый месяц после начала СВО за рубеж выехало 100-150 тыс. человек, что приближается к цифре 200 тыс., о которой сообщали СМИ. По данным Федеральной службы безопасности за первую четверть 2022 года страну покинуло 3,8 млн. человек. Согласно Росстату, миграционный отток за первые шесть месяцев 2022 года составил 96,7 тыс. человек. По оценкам Ю. Флоринской и А. Ракши число релокантов в 2022 году может колебаться от 400 до 800 тыс.

О величине релокационной волны свидетельствует динамика миграции за последние три года. Так, в «мирном» 2021 году из страны выехало 238020 человек, в 2022 году их число подскочило до 668430 человек, а в 2023 году снизилось до 450482 человек (Численность и миграция населения РФ, 2022, 2023, 2024<sup>1</sup>). Таким образом, миграционный прирост за первый год СВО составил 281%, что свидетельствует о болезненной социальной травме, нанесенной обществу с началом вооруженного конфликта.

Основным направлением релокации стали сопредельные страны, с которыми у России действует безвизовый режим – Абхазия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркмения, Турция, Украина. В 2021 году в эти государства выехало 207051 чел., в 2022 году – 508453 чел., в 2023 году – 384344 чел. Что касается других стран, включая Германию, США, Израиль, Индию, Китай, то количество выехавших в эти государства оказалось на порядок ниже: в 2021 году – 21768 чел., в 2022 году – 74913 чел., в 2023 году – 53381 чел.

Сравнительно небольшой поток мигрантов в Евросоюз, США и другие страны дальнего зарубежья составили преимущественно представители элитарных групп общества – крупные предприниматели, политики, журналисты, блогеры, писатели, спортсмены, актеры. Некоторые признаны иностранными агентами. Многие являются «медийными лицами». Большинство имеет за рубежом имущественные и финансовые интересы. Но всех их объединяет неприятие курса российских властей на «конфронтацию с Западом», высшей точкой которой стала СВО. Как объективно, так и субъективно выезд евромигрантов из страны стал для них эмиграцией, а не

<sup>1</sup> Все последующие статистические расчеты автора опираются на данные источники – Е.П.

релокацией. Поэтому негативные юридические и этические маркеры («изменники родины», «идейные террористы», «разложившаяся богема»), циркулирующие в повседневной и публичной лексике, используются не по адресу, когда речь идет о релокантах.

В конкретных социально-политических обстоятельствах, собственно, релокантами стали военнообязанные мужчины, покинувшие страну, чтобы избежать возможной мобилизации. К.А. Пахалюк\* приводит следующую обобщенную характеристику уклонистов: «это в основном молодые люди 20–40 лет, 80% из которых имеют высшее образование, занятые преимущественно предпринимательством и интеллектуальным трудом. Большинство – политически активные люди с достаточно высоким уровнем доходов и не имеющие несовершеннолетних детей, опасаясь преследования за свои взгляды» (Пахалюк, 2023, с. 8). Этот портрет вряд ли соответствует действительности, поскольку в данном случае определяющее значение имеет не социальное положение, а гендерные и возрастные параметры релоканта.

Предпочтительность релокации во многом определялась тем, какие страны являются сопредельными с теми или иными регионами России, также транспортной доступностью этих стран. Количественные показатели различных потоков мигрантов из России представлены в *таблице*.

**Распределение российских мигрантов по сопредельным странам**

Страна въезда	2021 г., чел.	2022 г.		2023 г.	
		чел.	миграционный прирост по отношению к 2021 г., %	чел.	миграционный прирост по отношению к 2021 г., %
Таджикистан	30231	99296	328	89550	296
Украина	58000	55500	-4	80547	139
Киргизия	18552	69184	373	49206	265
Узбекистан	20799	62490	300	40897	197
Армения	24843	70239	283	37667	152
Казахстан	24351	69329	285	37030	152
Азербайджан	11550	35485	307	20824	18
Молдова	11104	21185	191	13752	124
Туркменистан	3219	15835	492	8595	267
Грузия	2668	6198	232	3831	144
Турция	789	2626	333	1714	217
Абхазия	945	1086	115	731	-23
Латвия	532	1166	219	878	165
Литва	339	874	258	533	157
Эстония	634	744	117	618	-3

Для всех сопредельных с Россией стран, за исключением Украины, характерен резкий скачок миграционного прироста. Данные о контингенте, выехавшем в 2022 и 2023 гг. на Украину, нельзя считать показательными, поскольку в подавляющем большинстве это были не российские релоканты, а трудовые мигранты с Украины, которые с началом межгосударственного конфликта стремились вернуться на родину. Лидерами, как по числу выехавших, так и по показателям миграционного прироста, явились среднеазиатские страны – Туркменистан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан. Однако отсутствие общей с Россией границы, а также лингвокультур-

\*Внесен в реестр иностранных агентов.

ные различия выступили серьезным препятствием для наших уклонистов. Большая часть приехавших – граждане этих государств, находившиеся на территории России в качестве трудовых мигрантов.

Основным пристанищем наших «беженцев от мобилизации» стали Азербайджан, принявший релокантов преимущественно из северо-кавказских республик, Казахстан, в который проникали уклонисты из регионов Урала и Западной Сибири. В Армению, Грузию и Турцию воздушным транспортом направлялись хорошо обеспеченные жители столицы и крупных городов. Релокация в страны Прибалтики и Финляндию столкнулась с жестким визовым режимом, обусловленным русофобской политикой властей. Тем не менее, миграция в Литву и Латвию в 2022 году увеличилась более чем в два раза. Самой закрытой страной оказалась Эстония, а наименее популярными – Абхазия и Молдова.

В 2023 году миграционный прирост заметно снизился, хотя и не достиг показателей 2021 года. Определяющую роль сыграла продуманная политика российских властей, которые в отличие от украинского режима, перешли от мобилизационного механизма формирования вооруженных сил к контрактному. Система материальных стимулов, дополненная широким спектром социальных льгот для участников СВО и членов их семей, позволила в основном укомплектовать армию личным составом. Для многих добровольцев вооруженная защита страны стала результатом их осознанного личного выбора. Все это сняло остроту проблемы релокантов, часть из которых вернулась в страну. Однако сама проблема осталась. Заключается она не в том, смогут ли релоканты состояться в качестве «глобальных россиян» (Пахалюк, 2023), а в том, что конкретная политически кризисная ситуация показала, что уклонение от выполнения гражданского долга стало в обществе массовым явлением. Это явление, купированное сегодня с помощью грамотных экономических и правовых мер, завтра может повториться в более масштабных и опасных формах, если будет продолжаться деформация ценностной структуры общественного сознания.

### **Библиографический список**

1. Пахалюк\* К.А. (2023). Глобальные россияне выходят на транснациональную арену // СоциоДиггер. Т. 4. Вып. 3-4 (25). С. 4-13.
2. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология. 2016. № 6. С. 18-27.
3. Солдатенко М. Если сильно захотеть, можно в Лондон улететь. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/02/72364370/>
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году: статистический бюллетень. Москва: 2022; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году (статистический бюллетень). Москва, 2023; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году (статистический бюллетень). Москва, 2024.

### **Информация об авторе**

Плеханов Евгений Александрович (Россия, Владимир) – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, Владимирский филиал Российской

\*Внесен в реестр иностранных агентов.

## RELOCATION RESIDENTS AS A NEW SOCIAL REALITY

**Abstract.** *Relocation is considered as one of the types of migration process. Its features, causes and social consequences are analyzed. Particular attention is paid to the qualitative and quantitative characteristics of the relocation of Russians during the period of partial mobilization.*

**Keywords:** *society, migration process, emigration, relocators, values, mobilization, special military operation.*

### References

1. Pakhalyuk K.A. (2023). Global Russians enter the transnational arena // SocioDigger. Vol. 4. Iss. 3-4 (25). P. 4-13.
2. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E. Emigration of scientists and highly qualified specialists from Russia: trends, consequences, public policy// Sociology. No. 6. P. 18-27.
3. Soldatenko M. If you really want to, you can fly to London. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/02/72364370/>
4. The number and migration of the population of the Russian Federation in 2021 (statistical bulletin). M.: 2022; The size and migration of the population of the Russian Federation in 2022 (statistical bulletin). M.: 2023; The size and migration of the population of the Russian Federation in 2023 (statistical bulletin). M., 2024.

### Information about the author

Evgeny Alexandrovich Plekhanov (Russia, Vladimir) – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (600017, Russia, Vladimir, Gorkogo str., 59a; eaplekhanov@gmail.com)

## ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И ИХ МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ

**Аннотация.** По данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. анализируется влияние факторов этнического разнообразия и этнической поляризации на эффективность занятых в экономике регионов Приволжского федерального округа с выделением групп, состоящих из национальных республик и областей.

**Ключевые слова:** коэффициент этнического разнообразия, коэффициент этнической поляризации, экономический рост.

**Введение.** В ходе многолетнего исследования проблем, связанных с модернизацией регионов России, руководитель программы чл.-корр. РАН Н.И. Лапин обратил внимание на устойчивый разрыв в уровне модернизированности федеральных округов из-за наличия в них глубоких социокультурных оснований цивилизационного характера и выдвинул гипотезу о существовании *субцивилизаций*, обладающих этнокультурными и социально-историческими особенностями (Лапин, 2015). Отмечая многомерность социокультурного пространства России, он подчеркнул важность изучения субцивилизационных характеристик в федеральных округах, практическая значимость которых недооценена. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы в рамках изучения субцивилизационных признаков в одном из федеральных округов проанализировать влияние факторов этнического разнообразия на экономический рост в его регионах, подтвердив или опровергнув тем самым гипотезу о его сложносоставном характере. В качестве объекта исследования выбран Приволжский федеральный округ (ПФО), который, по мнению Н.И. Лапина, относится к виду сложноустроенных, включает 14 регионов, 6 из которых представляют национальные республики со значительной долей титульного населения, остальные регионы состоят из областей и одного края в соответствии с территориальным принципом формирования. В округе национальный компонент преобладает в значительном количестве, что позволяет провести сравнительный анализ двух групп регионов, различающихся степенью этнической гетерогенности.

Исследования, посвященные влиянию этнической неоднородности на различные аспекты экономического развития государств и регионов, активно ведутся несколько последних десятилетий (Лимонов, 2017; Суслов, 2021; Reynal-Querol, 2002). Подробный обзор результатов зарубежных и отечественных исследований, имеющих противоречивый характер и оставляющий вопрос открытым, представлен в (Гетерогенность ..., 2022).

**Данные и методология.** По материалам ВПН 2002, 2010 и 2020 гг. сформирована панель данных, в которой регионы упорядочены по трем временным позициям, соответствующим годам проведения переписей. Этническое разнообразие населения рассматривается с помощью двух показателей, представленных коэффициентами (индексами) этнического разнообразия (фракционализации)  $KF$  и этнической поляризации :

$$KF_i = 1 - \sum_{j=1}^N d_j^2, \quad (1)$$

$$KQ_i = 1 - \sum_{j=1}^N (0,5 - d_j)^2 d_j / 0,25, \quad (2)$$

где  $d_j$  – доля населения  $j$ -й национальности в общем итоге населения региона  $i$ ;  $N$  – количество национальностей в регионе  $i$ .

Конструкция показателя  $KF$  носит универсальный характер и используется для оценки разнообразия по многим признакам. Он трактуется как вероятность принадлежности двух случайно отобранных индивидов к двум этнически различающимся группам. Данный показатель зависит от равномерности распределения долей  $d_j$  и количества признаков разнообразия  $N$ , с увеличением которого он монотонно возрастает, изменяясь от нуля до единицы. Чем большее значение принимает коэффициент, тем разнообразнее этноструктура региона. С другой стороны, если в регионе население принадлежит одной национальности, то показатель снижается до нуля. Иногда коэффициент фракционализации рассчитывают с учетом дистанции между этническими группами, используя для этого меру близости для различных языков. Однако в условиях нашей страны, где постоянное население практически поголовно владеет русским языком, такое усложнение показателя представляется излишним.

Иначе устроен коэффициент этнополяризации (2), теоретические положения и логика построения которого подробно изложены в (Reynal-Querol, 2002). Показатель призван отражать степень различия распределения этнических групп от теоретического бимодального распределения. Его логика основана на том, что максимальное напряжение между этническими группами возникает в условиях существования двух групп одинакового размера. Чем полнее фактическое распределение коэффициента поляризации региона соответствует теоретическому биполярному, тем выше его нормированное значение, изменяющееся от 0 до 1.

Для оценивания факторов разнообразия и поляризации на модернизацию региональной экономики путем роста эффективности занятых в ней, мы воспользовались линеаризованной формой неоклассической производственной функции с единичной эластичностью замещения вида:

$$\ln(Y_{it}/L_{it}) = \ln A_{it} + \beta \ln(I_{it}/L_{it}), \quad (3)$$

где  $Y_{it}$ ,  $I_{it}$ ,  $L_{it}$  – валовой региональный продукт (ВРП), инвестиции в основной капитал и среднегодовая численность занятых в экономике региона  $i$  в году  $t$ ;  $A_{it}$  – обобщенный параметр, характеризующий влияние всех не учтенных в явном виде факторов на анализируемый показатель;  $\beta$  – параметр, характеризующий эластичность эффективности занятых в экономике относительно их капиталовооруженности.

Поскольку механизмы влияния факторов этнического разнообразия и обусловленной им поляризации изучены недостаточно, мы гипотетически предположили, что это влияние носит *средовый* характер, может проявляться косвенно в составе многих компонент. Поэтому мы модифицировали модель (3), допуская, что это влияние можно оценить, во-первых, в составе параметра  $A$ , характеризующего не учтенные в явном виде факторы (4), и, во-вторых, во взаимодействии с фактором капиталовооруженности труда (5):

$$\ln(Y_{it}/L_{it}) = \ln A_{it} + \beta_1 \ln(I_{it}/L_{it}) + \beta_2 KF_{it} \quad (4)$$

$$\text{и } \ln(Y_{it}/L_{it}) = \ln A_{it} + \beta_1 KF_{it} \ln(I_{it}/L_{it}) + \beta_2 KF_{it} \quad (5)$$

Модели (4) и (5) аналогично использовались для оценки влияния и фактора  $KQ$ .

Этническая структура региона, в отличие от экономических показателей, не подвержена сильным флуктуациям, поэтому во избежание краткосрочных колебаний показатели ВРП, инвестиций и занятых в экономике регионов ПФО были представлены среднегодовыми величинами по пятилетним периодам: 2000–2004, 2008–2012 и 2018–2022 гг. Предварительно ВРП и инвестиции были пересчитаны в цены 2022 года стандартным методом с помощью темпов роста физических объемов этих показателей.

Рамки статьи не позволяют представить результаты эконометрических расчетов, поэтому ограничимся лишь общими выводами.

1. Главный вывод исследования состоит в подтверждении исходной гипотезы: *макрорегион, ограниченный условными границами ПФО, обладает признаками сложноустраненной субцивилизации*. При этом группа национальных республик округа, по-видимому, образует его субцивилизационное ядро, характеризующееся более высокими показателями этнического разнообразия и этнической поляризации населения, представляющих отдельные субцивилизационные признаки. Об этом можно судить на основании различий в параметрах, объясняющих уровень этих показателей. Кроме того, интенсивность и направленность влияния субцивилизационных признаков на эффективность занятых в группе экономик национальных республик, с одной стороны, и в группе экономик областей округа – с другой, заметно различаются, причем эти различия не объясняются случайными факторами.

2. Эконометрический анализ влияния факторов этноразнообразия и этнополяризации по данным всех регионов округа в целом выявил их благотворное влияние на эффективность занятых в их экономике, выступающей важнейшим источником модернизации. Данное влияние частично (по фактору разнообразия) зафиксировано и в пространстве субцивилизационного ядра макрорегиона, в то время как в его окружении, представленного областно-краевым составом округа, влияние обоих факторов оказалось устойчиво положительным.

3. Анализ влияния обоих факторов на инновационный аспект регионального развития, представленного показателем доли инновационных товаров, работ, услуг в общем итоге продукции по данным национальных республик показал их противоречивое влияние, в том числе: повышательное по фактору разнообразия (если все остальные переменные приравнять к константе) и понижательное – в случае взаимодействия с фактором капиталовооруженности труда. Так, рост этнического разнообразия формирует понижательную тенденцию у эластичности показателя доли инновационных товаров по капиталовооруженности труда. Вместе с тем по фактору этнической поляризации в обоих вариантах зафиксировано повышательное влияние на результаты инновационного развития. В окружении субцивилизационного ядра и в целом по макрорегиону не удалось получить устойчивые результаты.

4. Аналогичный расчет влияния факторов этноразнообразия и этнополяризации на экономическое неравенство, представленное индексом Джини, в целом по макрорегиону показал, что рост их значений усиливает неравенство, причем интенсивность влияния поляризации примерно вдвое ниже фактора разнообразия. В группе национальных республик устойчивые оценки положительного влияния наблюдаются только по фактору разнообразия, а в группе областных регионов округа – только по фактору поляризации.

5. Показатели этнического разнообразия и этнической поляризации, представленные в настоящем исследовании, по нашему мнению, формируют адекватные представления об их интуитивном содержании и могут использоваться в качестве факторов в процессе оценивания их влияния на социально-экономические характеристики. Однако следует иметь в виду, что с точки зрения системного подхода – эти факторы имеют *средовый* характер и оказывают косвенное влияние на элементы объектной подсистемы. По нашему мнению, опасность возникновения социоэкономической поляризации во многом зависит от социального положения представителей этнических групп и грамотного руководства общественными процессами. Результаты исследования, полученные с применением данного инструментария, носят рамочный характер, нуждаются в детализации с помощью других методов, прежде всего социологических. Вместе с тем их использование наряду с другими инструментами, на наш взгляд, расширяет методические возможности формирования правильной национальной политики, полнее обосновать управленческие решения, направленные на модернизацию регионального развития.

### Библиографический список

1. Гетерогенность как фактор социально-экономического развития (2022) / Н.А. Кравченко, А.Н. Буфетова, А.А. Горюшкин и др.; под ред. д.э.н. Н.А. Кравченко, А.А. Горюшкина. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 236 с.
2. Лапин Н.И. (2015). Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 61–71.
3. Лимонов Л.Э., Несена М.В. (2017). Культурное разнообразие, региональный экономический рост и производство знаний: исследование российских регионов // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн., Москва, 19-22 апреля 2016 г. / отв. ред. Е. Г. Ясин. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 319–330.
4. Суслов Н.И., Юсупова Е.Н., Иванова А.И. (2021). Этническая гетерогенность и ее влияние на региональный экономический рост в РФ // *Институциональная трансформация экономики: человек и социум (ИТЭ-ЧС 2021): материалы 7-й Международной научной конференции*, Томск, 21–23 октября 2021 г. / отв. ред. М.В. Чиков. Томск: Изд-во ТГУ. С. 188–189.
5. Reynal-Querol M. (2002). Ethnicity, Political Systems, and Civil Wars2 // *Journal of Conflict Resolution*, 46 (1), 29–54.

### Информация об авторе

Тарасов Владимир Тимофеевич (Россия, Чебоксары) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Чебоксары; tarvlad2015@yandex.ru)

Tarasov V.T.

## ETHNIC DIVERSITY OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT REGIONS AND THEIR MODERNIZATION HETEROGENEITY

**Abstract.** *According to the data of the All-Russian Population censuses of 2002, 2010 and 2020, the influence of factors of ethnic diversity and ethnic polarization on the efficiency of the*

*regions of the Volga Federal District employed in the economy is analyzed, with the allocation of groups consisting of national republics and regions.*

**Keywords:** *coefficient of ethnic diversity, coefficient of ethnic polarization, economic growth.*

### **References**

1. Heterogeneity as a factor of socio-economic development (2022) / N.A. Kravchenko, A.N. Bufetova, A.A. Goryushkin et al.; edited by Doctor of Economics N.A. Kravchenko, A.A. Goryushkin. Novosibirsk: IEOPP SB RAS. 236 p
2. Lapin N.I. (2015) The distances between the states of modernization of the macro-regions of Russia and their civilizational meanings // Social Sciences and modernity. No. 5. P. 61-71.
3. Limonov L.E. (2017) Cultural diversity, regional economic growth and knowledge production: a study of Russian regions / L.E. Limonov, M.V. Nesena / XVII April International Scientific Conference on problems of economic and social development: in 4 books, ed. by E. G. Yasin, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. P. 319–330.
4. Suslov N.I., Yusupova E.N., Ivanova A.I. (2021). Ethnic heterogeneity and its impact on regional economic growth in the Russian Federation. Institutional Transformation of the economy: Man and Society (ITE-Emergency 2021): proceedings of the 7th International Scientific Conference, Tomsk, October 21-23, 2021; ed.by M.V. Chikov. Tomsk: Publishing house of TSU. P. 188–189.
5. Reynal-Querol M. (2002). Ethnicity, Political Systems, and Civil Wars. Journal of Conflict Resolution, 46 (1), 29–54.

### **Information about the author**

Vladimir T. Tarasov (Russia, Cheboksary) – candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Cheboksary, Russia, tarvlad2015@yandex.ru)

## **АСПЕКТЫ ТЕЛЕСНОСТИ МАТЕРИНСТВА В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ 1950-Х И 1970-Х ГОДОВ В СССР**

***Аннотация.** В рамках данной работы мы рассмотрим проект материнства, предложенный в постконфликтной ситуации 1950-х и 1970-х гг., а именно, что закладывалось в образ матери. Тема материнства в постконфликтной культуре является частью более крупной темы женского опыта. В СССР в 50-70-е гг. женщина-мать являлась активным участником трудового процесса. Это подразумевало физическую разлуку с ребенком с самого раннего его возраста. Общество способствовало этому посредством облегчения домашнего труда через технический прогресс, наличие детских смесей и детского питания. Телесность женщины-матери принадлежала обществу, т.е. прежде всего была включена в трудовые отношения.*

**Ключевые слова:** *постконфликт, телесность, материнство.*

### **Благодарность**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851.

Недавние военные конфликты подталкивают нас к осмыслению важных вопросов, связанных с будущим после завершения противостояния. В связи с этим на первый план выходит феномен постконфликтной культуры, который проявляется в многообразии интеллектуальной рефлексии на результаты конфликта, а также в практиках социальной интеграции и поддерживающих институциях. Одним из аспектов постконфликтных трансформаций является изменение человека, новый образ которого формируется идеологией и представлен в антропологических теориях (философских, педагогических и т.д.), художественной культуре и практиках памяти. Советская культура второй половины XX века тесно связана с опытом Великой Отечественной войны, что делает ее уникальным объектом для анализа в контексте постконфликтного развития. Идеологическая ориентация на будущее в рамках марксистского понимания истории позволяет исследовать как сам проект человека, так и несовпадения между целями и результатами этого проектирования.

В данном анализе мы опираемся на несколько методологических установок. Проектирование человека рассматривается не только как деятельность в рамках реальных проектов и создание концепций антропологической направленности в различных гуманитарных областях, но также как разнообразные культурные практики, направленные на изменение человека. Обсуждение итогов конфликта с акцентом на его влияние на людей, политику памяти и теоретизацию о последствиях пережитой войны представляет собой деятельность, отражающую проект будущего, в центре которого находится образ нового человека, формируемый на основе опыта военного противостояния.

Тема материнства в постконфликтной культуре является частью более крупной темы женского опыта. Когда авторы пишут о материнстве в постконфликтной культуре, происходит разделение на две большие подтемы: о самих матерях и о детях, которые родились во время конфликта, а росли уже в постконфликтное время (Wale et al., 2020; Hasić et al., 2021). Эти темы во многом перекликаются, поскольку то, как

воплощается одна, влияет на другую. Постконфликтная ситуация понимается нами в качестве завершающей стадии конфликта, зависящей от того, как именно окончилась война в конкретной стране. Важными могут быть факторы ресурсов, зависимости, взаимоотношений с глобальным миром. Помимо вышеобозначенного важными являются культурные особенности рассматриваемой страны, осознание конфликта, его оценка, связанные с ним практики.

В данном исследовании мы сфокусировались на телесном аспекте материнства. Важно отметить, что философская антропология концептуализирует конфликт без противопоставления социального опыта конкретного человека и его духовных устремлений. Человек – всегда центр конфликта, объект и субъект своей жизни (Плеснер, 2004; Plessner's Philosophical Anthropology, 2014). В этой работе ставится узкая задача рассмотрения телесных аспектов материнства в постконфликтной ситуации; анализируются идеи воплощения нового материнства; амбивалентность положения матери на завершающей стадии конфликта.

В постконфликтной ситуации ставится задача создания нового человека, создается его проект. На протяжении истории советская женщина была прежде всего работающим человеком и рожала новых членов общества без долговременного отрыва от трудового процесса. После Второй Мировой войны необходимость работать приобрела для женщин особую остроту. На фоне отсутствия поддерживающей инфраструктуры предполагалось, что поддержкой в воспитании детей станет семья, а именно старшие женщины. Холодная война, гонка вооружений, противостояние двух систем и двух проектов служили постоянным фоном в процессе реализации проекта материнства.

В 1950-е гг. беременность не рассматривалась как событие, обозначающее экзистенциальное начало нового этапа жизни. Беременность вмнялась женщине в обязанность как сама собой разумеющаяся часть ее жизни. Появление ребенка рассматривалось как появление нового члена общества. Опыт материнства советских женщин складывался из противоречивых эмоций удивления, страха и боли. Материнство поднимало многие практические вопросы: грудное вскармливание и уход за ребенком, а также некоторые предполагали реорганизацию многих сторон жизни матери (время сна, работы, стирки, приготовления пищи). Наиболее остро стоял вопрос грудного вскармливания. Женщинам приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы кормить своих детей грудным молоком. Часто они специально сцеживали его, чтобы родственники или соседи, присматривавшие за ребенком, пока женщина была на работе или занималась домашними делами, могли его им накормить. До 1960-х гг. холодильники были предметом роскоши, поэтому грудное молоко зимой выставляли за окном, чтобы заморозить.

Отличительной чертой материнского опыта в постконфликтной ситуации СССР 1950-х гг. был недостаток инфраструктуры, поддерживающей и помогающей матерям (особенно в первые годы материнства). В этом отношении постконфликтная ситуация в СССР 50-х гг. отличалась как от ситуации в США, территория которых не подверглась разрушительному влиянию войны (отсутствие бомбардировок способствовало сохранению гражданской инфраструктуры), так и от ситуации в СССР 70-х гг., когда военные конфликты того времени не оказали значительного влияния на жизнь людей.

Здоровье ребенка было главной заботой матери. Многие женщины следовали гигиеническим рекомендациям, которые давали им специалисты в родильных домах.

Ребенка купали в марганцевом растворе, каждый день стирали пеленки. В отсутствии технических средств, а часто и проточной воды, при нехватке различных товаров следовать этим рекомендациям для матери было тяжело физически. В конечном итоге, это приводило к проблемам со здоровьем. Несмотря на высокую занятость на работе, большинство женщин считали «естественным», что отцы не брали на себя функцию по уходу за маленьким ребенком. Нехватка мужчин серьезно сказалась в послевоенный период.

Даже при условии, что за ребенка в первую очередь несла ответственность мать, это не обязательно означало, что она была единственным опекуном. Женщины часто обращались за помощью к родственникам. Этот хорошо совпадало с сельскими традициями. Считалось, что женщины, выросшие в большой семье, будут естественным образом заинтересованы в уходе за детьми. Таким образом, формировалась новая семья: мама – бабушка – дети, где мать брала на себя роль квази-отца. Поддержка в уходе за детьми со стороны государства была гораздо менее значительной, чем помощь родственниц. Доступ к детским садам был очень ограничен. Количество детских садов значительно увеличилось только к концу 1960-х гг.

Доход, а иногда и общественная деятельность матери, часто оказывались решающими для выживания семьи. Тот факт, что женщины часто работали вне дома, хотя у них были 2-3-х месячные дети, не всегда объяснялся прямым принуждением государства. Обстоятельства складывались так, что это вынуждало матерей работать. Например, многие женщины являлись матерями-одиночками (вдовами), их зарплата часто была единственным источником дохода для нее и ребенка.

Женщины, особенно получившие высшее образование, часто считали работу своим долгом перед обществом. Декретный отпуск понимался считался формой отдыха для матери, но не временем, которое мать, в современном понимании, проводит с ребенком, чтобы способствовать его дальнейшему развитию. Хотя после 1956 года оплачиваемый отпуск по беременности и родам увеличился до 56 дней, многие женщины не могли позволить себе не работать весь период декрета.

В постконфликтной ситуации Советского Союза 1950-х гг. телесную боль во время родов не воспринимали как проблему, а считали естественной. В противоположность этому в США набирала популярность практика родов либо под общим наркозом, либо под местной анестезией. Таким образом, роды приобретали статус безболезненной медицинской процедуры. В медицинском сопровождении беременных и рожениц в СССР отсутствовали практики облегчения боли роженицы. Обезболивание в большинстве случаев игнорировалось. Женщина на момент родов теряла субъектность, а следовательно, и потребность в сочувствии. Существовало противоречивое отношение к медицинскому контролю за беременностью и родами в больнице. С одной стороны, медикализация могла облегчить роды. С другой стороны, в медицинских учреждениях были введены строгие протоколы, которые не предполагали обезболивания во время родов.

В 1970-е гг. новая постконфликтная ситуация ставила перед собой тот же, хотя и несколько видоизмененный проект материнства, где мать – прежде всего работник, часто работник интеллектуального труда. Чем раньше она выйдет на работу – тем лучше для общества. В этом женщину готово поддержать государство с помощью системы яслей и детских садов на предприятиях. Образ матери в кино и литературе – образ работающей современной женщины, происходит разрыв традиционной связи

ребенок – мать, и забота о ребенке перепоручается обществу, а по мере взросления – ему самому (ребенок становится помощником и маленьким взрослым). Широкое распространение получают детские смеси, готовые продукты в столовых, стиральные машины, – все то, что облегчает физический труд женщины, позволяет ей раньше выходить из декретного отпуска. Демографический кризис потребовал актуализировать ценность материнства, поэтому эмоциональная связь матери и ребенка, особая способность женщины-матери сопереживать дополняют образ производственницы и общественного деятеля. Как было показано, в процессе проектирования проявлялись противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, нужно было ориентировать женщину стать еще более современной, свободно реализующей себя (в том числе как активной участницей борьбы за мир) в условиях развитой поддержки со стороны государства, с другой стороны, сделать значимым традиционный смысл материнства, увязав его с изначальным предназначением женщины.

В заключение отметим, что тело матери обнаруживает себя на стыке между культурой и природой (Плеснер, 2004; Черепанова, 2010; Философская антропология..., 2017; Plessner's Philosophical Anthropology, 2014). Между культурными практиками, переданными прежними поколениями и ожиданиями и проективными практиками, привнесенными современной ситуацией. Материнство в постконфликтной ситуации 1950-х и 1970-х гг. предполагает физическую разлуку с ребенком, сохранение себя в трудовом процессе.

#### **Библиографический список**

1. Плеснер Х. (2004). Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / пер. с нем. Москва: РОССПЭН. 386 с.
2. Философская антропология: актуальные понятия: учеб. пособие / Е.С. Черепанова и др.; [под общ. ред. Е. С. Черепановой]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 324 с.
3. Черепанова Е.С. (2010). Перспективы философской антропологии: от классической методологии Х. Плеснера к постклассической интерпретации И. Фишера / Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 3: Общественные науки. Вып. 4 (83). С. 149–157.
4. Hasić J., Karabegović D., Turković B. (2021). Locally embedded civil society organizations and public diplomacy: The advocacy roles of the “mothers of srebrenica” in promoting a culture of remembrance. *Studies of Transition States and Societies*, 13(1), 21–35.
5. Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / de Mul J. (ed.). – Amsterdam University Press, 2014. 499 p.
6. Wale K., Gobodo-Madikizela P., Prager J. (2020). *Post-Conflict Hauntings: Transforming Memories of Historical Trauma*. Springer, 371 p.

#### **Информация об авторе**

Янцен Мария Анатольевна (Россия, Екатеринбург) – лаборант-исследователь, лаборатория сравнительных исследований толерантности и признания, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, mariayantsen@gmail.com)

## **ASPECTS OF THE CORPOREALITY OF MOTHERHOOD IN THE POST-CONFLICT SITUATION OF THE 50S AND 70S IN THE USSR**

**Abstract.** *In this paper, we will examine the project of motherhood proposed in the post-conflict situation of the 50s and 70s. Namely, what was embedded in the desired image of the mother. The theme of motherhood in the post-conflict culture is part of a larger theme of women's experience. Motherhood in the post-conflict situation in the USSR projects a woman as an active participant in the labor process. This implies physical separation from the child from its earliest age. Society contributes to this by facilitating housework through technical progress, the availability of infant formula and baby food. The corporeality of a woman-mother - first of all belongs to society and, in particular, to labor.*

**Keywords:** *post-conflict, physicality, motherhood.*

### **References**

1. Plessner H. (2004). Stages of Organic and Human. Introduction to Philosophical Anthropology Translated from German. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN). 386 p.
2. Philosophical anthropology: current concepts: textbook by E.S. Cherepanova et al.; [under the general editorship of E. S. Cherepanova]; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural. Federal University. Yekaterinburg: Ural. University Publishing House, 2017. 324 p.
3. Cherepanova E.S. (2010). Prospects of Philosophical Anthropology: from the classical methodology of H. Plessner to the post-classical music of I. Fischer / News of the Ural. State University. Series 3: Social Sciences Issue 4(83). P. 149–157.
4. Hasić, J., Karabegović, D., Turković, B. (2021). Locally embedded civil society organizations and public diplomacy: The advocacy roles of the "mothers of srebrenica" in promoting a culture of remembrance / Studies of Transition States and Societies, 13 (1), 21–35.
5. Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / de Mul J. (ed.). Amsterdam University Press, 2014. 499 p.
6. Wale K., Gobodo-Madikizela P., Prager J. (2020). Post-Conflict Hauntings: Transforming Memories of Historical Trauma. Springer. 371 p.

### **Information about the author**

Maria A. Yantsen (Russia, Yekaterinburg) – laboratory assistant-researcher, laboratory of comparative studies of tolerance and recognition, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (620002, Yekaterinburg, Mira St., 19; mariayantsen@gmail.com)

*Научное издание*

## **СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции  
с международным участием III Лапинские чтения  
(г. Москва, г. Вологда, 21–22 октября 2024 г.)

*Электронное издание*

Оригинал-макет    В.В. Ригина  
Корректор        А.А. Калитник

Материалы публикуются в авторской редакции  
Подписано к использованию 9.09.2025. Тираж 300 экз.  
Усл. печ. л. 11,3. Заказ № 32.  
Электронный текст. дан. (2,4 Мб).

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
«Вологодский научный центр Российской академии наук»  
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а  
Телефон: (8172) 59-78-03; e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-629-4



9 785932 996294